

ГЛАВА 1. НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В КОНТЕКСТЕ РУССКОГО ВОПРОСА

§1. Объекты противодействия черной сотни после первой российской революции

Массовое появление черной сотни как общественно-политического движения на политической арене России в начале XX в. было обусловлено реакцией традиционистской части населения на первую российскую революцию и Манифест 17 октября 1905 г. Свой внезапный выход на политическую сцену правомонархисты связывали с необходимостью отстоять такие базовые ценности, как православие, самодержавие, народность, и не допустить переход страны на рельсы западной конституционно-парламентской монархии. В этой связи они ставили цель погасить революционный импульс, вернуть страну на путь эволюционного развития и сойти с политической арены¹. Это подразумевало яркую временную вспышку политической активности как реакции на событие и затухание при выполнении миссии. Черная сотня не стремилась главенствовать на политическом поле постоянно. Условием ее нахождения там было наличие требующих нейтрализации противников и угроз существующим устоям общества².

В пользу указанной точки зрения позволяют говорить следующие выявленные характеристики правомонархического движения: *наличие объекта противодействия — революции*, которой черносотенцы инкриминировали подрыв первенствующих позиций Русской православной церкви и первенствующего статуса русского народа в государстве, разрушение самодержавной системы власти, традиционных социально-правовых порядков и норм, подрыв экономики и жизненного уровня населения; *реакционность* (проявившаяся в заметном отставании появления правомонархических организаций на политической арене от либеральных и революционных партий); *временность существования* (появление крайне правых союзов связано с целью погасить революционный импульс, вернуть страну на путь эволюционного развития и сойти с политической арены); *вынужденность нахождения на политической арене* (в связи с неспособностью правящей элиты и репрессивного аппарата самодержавия собственными силами защитить национальные устои и целостность страны); *синхронность активности* (находившейся в прямой зависимости от масштабов деятельности революционного лагеря); *наличие объекта охранения* (крайне правое движение, способное мобилизовать массы на выступления, существовало только в условиях самодержавия, с крахом которого оно сходит с политической арены).

В то же время правомонархические организации продолжили существование после исчезновения основного объекта противодействия — революции. Крайне правые идеологи были уверены, что уходить с политической арены рано, так как основная борьба еще не закончилась и ждет впереди. Появление Государственной Думы, относительной свободы слова и собраний, оформление партийной системы давало их политическим оппонентам новые возможности по расшатыванию основ самодержавной

политической системы. В августе 1907 г. общее собрание Союза русских людей (далее СРЛ) под председательством князя А. Г. Шербатова констатировало, что «революционные партии разных оттенков продолжают существовать, устраивать собрания, съезды, выносить резолюции, которые печатаются в газетах. Не подлежит также сомнению, что все революционные партии составляют крепкий между собой союз. Говорить о слабости этих партий нет оснований, их действия налицо: убийства грабежи, забастовки не прекращаются. Революционеры располагают не меньшими средствами, чем и раньше. Революционные газеты продолжают выходить; революционное книгоиздательство продолжается почти в прежнем размере; книжные магазины, торгующие “красным” товаром, несомненно поддерживаются революционными средствами»³.

Крайне правые были уверены, что революция продолжается в завуалированной форме. Это дало им основание подвергнуть резкой критике слова П. А. Столыпина, сказанные им в интервью корреспонденту одной французской газеты о том, что «Петербург спокоен, что в стране все спокойно и все слухи о революционном движении лишены основания»⁴.

В послереволюционное время черносотенцы видели свою задачу в посильном содействии правительству и самодержцу в деле предупреждения революционной смуты в России, вдоворении законности и порядка, противодействии радикальным формам реформирования страны, угрожавших, по их мнению, фундаментальным принципам российской жизни в мировоззренческо-идеологической, политической, социальной и экономической сферах⁵.

В конкретной деятельности на политическом поле России в начале XX в. крайне правые были нацелены на нейтрализацию попыток бюрократического аппарата, либеральных и революционных партий сломать тра-

диционный уклад жизни российского общества в целях утверждения новых стандартов социальной жизни. В числе препятствий для успешной реализации на русской почве либеральных или социалистических моделей государственного устройства стояли базовые ценности традиционного российского общества: православная религия, самодержавие, первенствующий статус русского народа, его особая ментальность, связанная со спецификой церковно-приходской и общинной жизни, и т. д. На защиту этих основ Российской империи и была направлена вся послереволюционная деятельность крайне правых сил.

В период первой российской революции основным объектом охранения правомонархических организаций стала самодержавная система властиустроения. Акцент на ее защите обуславливается актуальностью и явственностью угроз со стороны либерального и революционного лагерей именно этому элементу уваровского триединства, так как острие их критики в меньшей степени затрагивали вопросы изменения положения РПЦ и русского народа. Исходя из предложенного крайне правыми определения русского народа по принадлежности к православной вере, его выживание зависело от сохранения первенствующих позиций РПЦ, которые могли быть обеспечены только в условиях сильной самодержавной монархии. Именно этим и объясняется бескомпромиссная борьба крайне правых за сохранение существовавшей политической системы.

Крайне правые позиционировали себя как единственное в стране движение, определившее роль и место самодержавия в современной истории России. Система их аргументации по проблемам православно-монархической системы властиустроения как условия выживания и сохранения русского народа включала в себя следующие тезисы: 1) исключительная роль самодержавия в формировании русского народа и государства; 2) патернализм

самодержавия по отношению к русскому народу; 3) охранение самодержавием базовых ценностей русского народа; 4) самодержавие как гарант твердости власти, единонаучия, порядка, создающих условия для экономического, социального и культурного развития многонациональной империи; 5) обеспечение самодержавием единства и неделимости Российской империи как условия выполнения русским народом мессианской задачи; 6) защита самодержавием русского народа от внешних угроз⁶.

Важнейшая функция самодержавия состояла в обеспечении первенства русского народа, выполнявшего роль скрепляющего элемента конструкции под названием Российская империя. Из положения о самодержавии как эталоне русской государственности, по мнению право-монархистов, вытекала его защитная функция по отношению к первенствующему положению русского народа, его духовным и культурным национальным особенностям от внешних и внутренних идеологических воздействий, что было зафиксировано во многих документах черной сотни. «Самодержавный царь есть истинный и мощный защитник Русского государства и русского народа от всего враждебного», — говорилось в одной из черносотенных листовок, распространенной в августе 1906 г.⁷ «Царь есть единственный представитель русского народа и охранитель его достоинства перед другими народами», — утверждалось в предвыборном воззвании Союза Михаила Архангела (далее СМА), выпущенном в мае 1912 г.⁸

Черносотенцы рассматривали посягательство на царское самодержавие разносильно посягательству на первенство русского народа в собственном государстве. Они предсказывали, что при ликвидации самодержавия и устранении института монархии русский народ оставался бы один на один с внутренними и внешними врагами, которые бы «хитростью и обманом» добились не только

распада России, но и политического и экономического закабаления русского народа. Наличие национально-характерологических черт русской нации, таких, как доверчивость, внушаемость, пассивность, рознь, склонность к увлечению различными теориями и концепциям, актуализировало необходимость политического протекционизма русского народа, нуждавшегося в покровительстве сильной власти, способной направлять его на защиту коренных принципов, от которых русский народ периодически отказывался, но с такой же страстью возвращался вновь. В данном контексте самодержец выступал защитником русского народа от притязаний национальных меньшинств на ведущую роль в стране: «Он никогда не даст в обиду коренное население ни евреям, ни инородцам»; «Он с своим правительством и войском защитит народ от крамолы»⁹.

Обоснованное русскими консерваторами XIX в. положение об историческом союзе самодержавия и русского народа¹⁰ подтверждалось выживанием российского государства в непростых геополитических условиях и созданием не имевшей в истории аналогов империи. «Более 1000 лет Россия управлялась царями и, при милости Божьей, достигла славы и могущества — великою державой стала», — говорилось в обращении Союза русского народа (далее СРН)¹¹. Безальтернативность самодержавия для многонационального и территориально не имевшего аналогов в мире государства доказывалась созидательной ролью в истории страны, что, по мнению крайне правых, указывало на органичность авторитарной государственной системы, обеспечившей территориальный и могущественный рост страны путем ее поступательного эволюционного развития: «...когда осуществлялась в России самодержавная единоличная царская власть, Россия начала расширяться, достигнув таких колossalных размеров»¹².

Преждевременность отказа от монархии обуславливалаась наличием в ней не использованных до конца внутренних ресурсов, которые, в представлениях черносотенцев, могли раскрыться только при реанимации допетровских порядков. Тезис о единстве интересов самодержавия с интересами народа исходил из того, что царь не являлся выразителем интересов какого-либо конкретного класса или социального слоя общества, действуя в интересах всего народа. «Без самодержавного царя России не обойтись. Это показала трехвековая ее история», — заявлял глава Союза Михаила Архангела В. М. Пуришкевич¹³.

В послереволюционное время угрозы самодержавию продолжали сохранять актуальность в связи с деятельностью широкого спектра оппозиционных сил, одной из которых, по мнению черносотенцев, выступала бюрократия, ставшая благодаря авторитету и харизматичности ее вождя — П. А. Столыпина самостоятельным игроком на политическом поле России. Несмотря на то, что революция потерпела поражение, победу в двухлетнем кровавом противостоянии одержала не самодержавная система, а бюрократический аппарат, укравший победу у спасших монархию черносотенцев. По утверждениям лидеров крайне правых, плоды успеха национальных сил были использованы чиновничьей конгрегацией не для возрождения Русской православной монархии, а для восстановления своей власти, масштабы которой, по их оценкам, достигли больших размеров, чем в дореволюционный период¹⁴. Давая характеристику реализованному после революции бюрократией строю, крайне правые отмечали: «Столыпинский национализм — это возвращение к старому, но не к тому старому, которого добиваемся мы: твердости власти, воли и славы, а к старому бесконтрольному бюрократизму с печальным миражом наличности свободы слова и убеждений»¹⁵.

Значительную роль в укреплении истинного хозяина государства — бюрократии сыграла личность премьер-министра П. А. Столыпина, чье державное обаяние позволило временно понизить уровень мятежности политически неопределенной части общества и значительно усилить в стране роль чиновничьей конгрегации. Видимую стабильность созданной им политической системы крайне правые видели в личных достоинствах премьер-министра. «Столыпин идеальнейший бюрократ. Он умен, неподкупен — говорят — на диво благороден, уверяют — не чужд рыцарства. Но он бюрократ с головы до пят, только бюрократ и не может дать больше, чем всякий другой бюрократ. И несчастье России тем горше, что он не заурядный, а идеальный бюрократ. Будь он посредственностью, в нем не было бы провиденциальной веры в себя, граничащей с самодурством. Не полагаясь исключительно на свои силы, он не верил бы исключительно в силу бюрократического режима и был бы вынужден вносить в него коррективы общественности, а в силу этого взирать более благосклонно на «самочинные», неподотчетные бюрократии, патриотические организации»¹⁶.

В противовес данной оценке приводилась характеристика его антипода — председателя СРН А. И. Дубровина как олицетворение истинно государственника: «...ярко выраженный патриот и националист в подлинном смысле этих понятий. Как патриот и националист, он видит возрождение и спасение России в поднятии у господствующей русской национальности исконного патриотизма и национального самосознания до степени воодушевления»¹⁷.

После назначение на пост председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина крайне правые были исполнены надеждами на возвращение неограниченных властных полномочий в руки самодержца и восстановление хотя бы видимости принципов управ-

ления Русской православной монархии. Во многом этому способствовала произнесенная 16 ноября 1907 г. в Государственной Думе речь премьер-министра на верность устоям традиционного общества. «Но самое важное для всех нас — это то обстоятельство, что правительство сознало, наконец, и открыто, твердо заявило, что “историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием Русской государственности”», — с восторгом писала крайне правая пресса¹⁸.

Черносотенцы безусловно одобрильно отнеслись к заявленной правительством линии на жесткое подавление революции. Общность позиции крайне правых и правительства состояла в следующих озвученных премьер-министром пунктах: 1) разрушительное движение, созданное левыми партиями, превратилось в открытое разбойничество; 2) противопоставить этому движению можно только силу; 3) правительство будет содействовать всем мероприятиям на пользу господствующей церкви и духовного сословия; 4) идея государственного единства и цельности будет для правительства руководящей¹⁹.

Заявление П. А. Столыпина давало крайне правым основание считать, что правительство не собирается опираться на октябристов и кадетов, рассматривая их как государственных изменников, осмеливающихся отрицать Основные законы империи и подлежащих уголовной каре. Это внушало надежду на то, что премьер-министр прекратит заданный командой С. Ю. Вигте дрейф в сторону либерализации общественно-политической жизни и повернет государственный корабль в обратную сторону. Лидеры правомонархистов заверили, что если исполнительная власть не на словах, а на деле будет следовать намеченному в речи пути, то в лице черносотенных организаций встретит самых горячих союзников²⁰.

Со своей стороны, П. А. Столыпин также оказал черной сотне поддержку, пытаясь опереться на нее в подавлении революции. Как впоследствии заявлял В. М. Пуришкевич, на первоначальном этапе своего правления «другого пути у него не было»²¹. Именно способность чутко уловить меняющиеся настроения масс и сделать ставку в острой политической борьбе на крайне правые организации дало П. А. Столыпину возможность укрепить свое положение в придворных кругах как деятельного политика, не спасавшего перед революционной стихией. «В глубине России появилось глубокое, стихийное течение, коренившееся в простом народе, в низах. Монархические организации стали расти как грибы, и это течение смыло бы всякого, кто посягнет на него. Это течение было — отпор революции, и на этом именно течении и выплыл Петр Аркадьевич Столыпин», — анализировала возышение П. А. Столыпина черносотенная пресса²². Политическая изоляция кабинета Столыпина в начальный период его правления давала основание считать его альянс с крайне правыми незыблемым и долговременным.

С затуханием революции и стабилизацией политической ситуации призыв к спасению устоев сменился выдвинутым П. А. Столыпиным лозунгом национализма. Это вызвало резкую критику из крайне правого лагеря, что несомненно раздражало премьер-министра: «Развал идет вовсю, но трогать нельзя, ведь правительство — национальное. Произвол растет под крики о “закономерности”, “законности” и “праве”»²³. Избранный П. А. Столыпиным курс на реализацию либеральной по своей сути националистической программы черносотенцы характеризовали как политику с «неясными перспективами»²⁴. Сравнивая П. А. Столыпина с его предшественником С. Ю. Витте, черносотенная пресса писала: «Витте был прямолинеен по своим мерзостям, целью он поставил прямую революцию.

П. А. Столыпин — близорук и недальновиден, революция прикрыта у него флером русских государственных задач, историческими традициями»²⁵. Свою лепту в охлаждение отношений с крайне правыми вносило болезненное нежелание П. А. Столыпина прослыть в глазах европейских политиков отсталым ретроградом. Опора на менее демонизированные либеральной прессой центристские и правоцентристские партии давала ему возможность сформировать в западном общественном мнении облик новатора, проявляющего симпатии к конституционному строю. «Он с трепетом следит за фимиамом, который курят ему английские и французские газеты», — резюмировала черносотенная пресса²⁶.

После распуска I Государственной Думы П. А. Столыпин сделал ставку на партию октябристов, обеспечив ей широкую рекламу как единственной стабилизирующей в обществе силы²⁷. Крайне правые обвиняли правительство в двойной игре, проявлявшейся в заигрывании с консервативно-традиционистской частью общества при одновременном ведении закулисных переговоров с легальной оппозицией о возможности введения конституции. «Столыпин поощряет октябристов, из ничего, из думской группы и комитетов он раздувает партию, он выдвигает лидеров, он окружает ореолом отдельных лиц... Столыпин поддерживает Гучкова, создает ему популярность, но в то же время не отрекается совсем от правых... Он ныряет, принимая у себя правых, Столыпин задними дверями впускает уже и октябристов, боясь, однако, встречи тех и других у себя в кабинете»²⁸. Перебарщивая в критических нападках, крайне правые даже обвиняли правительство Столыпина в тайном сговоре с кадетами и левыми партиями²⁹. «Мы утверждаем, что правительство трусит, что трепетно опираясь на русских представителей в Государственной Думе, оно заискивает одновременно перед революцио-

нерами и их вожаками — “кадетами”, — писала крайне правая пресса³⁰. Попытки П. А. Столыпина опереться на умеренную оппозицию заставили крайне правых лидеров полагать, что глава правительства нагло игнорирует волю царя: «Октябристов усиленно проводят вперед царские сановники, чиновники и бюрократы, а между тем царь ясно говорит совершенно другое в своей телеграмме к председателю СРН А. И. Дубровину: “Да будет мне Союз русского народа надежной опорой”»³¹.

Ставка П. А. Столыпина на Союз 17 октября по сохранению существующего статус-кво казалась черносотенцам ошибочной в связи с неспособностью октябристов противостоять более энергичным и радикальным силам при обострении политической ситуации³². Рассматривая данную партию как организационно аморфную и идеологически невыдержанную массу, видный правомонархист А. А. Римский-Корсаков констатировал: «Слабость ее заключается уже не в том, что она приняла чуждые ей лозунги, а в том, что их у нее нет вовсе; и не видели ли мы самых разительных примеров того, как люди, называющие себя октябристами, перебегали из одного лагеря в другой, легко и свободно меняя свои убеждения в зависимости от временных обстоятельств, колебаний правительенной политики, а еще чаще совершенно личных побуждений»³³. В многочисленных заметках правомонархической прессы подчеркивалось отсутствие четких политических убеждений ее кадрового состава: «В октябристы идут все беспочвенные русские сановники, многие из министров, генерал-адъютантов, придворных кавалеров, камер-гофмейстеров, все русские космополиты, которые, получив от русского самодержавия все жизни средства и почести, отличия и награды, обеспечение, хорошие места, с легким сердцем всюду выступают втихомолку против самодержавия, направо и налево бранят все русское...»; «В октябристы идут все беспочвенные русские сановники, многие из министров, генерал-адъютантов, придворных кавалеров, камер-гофмейстеров, все русские космополиты, которые, получив от русского самодержавия все жизни средства и почести, отличия и награды, обеспечение, хорошие места, с легким сердцем всюду выступают втихомолку против самодержавия, направо и налево бранят все русское...»;

бристы идут затем директора пароходных обществ и из правлений банков, коммерческих предприятий, многие из помещиков, рантые, крупные торговцы; эти господа боятся идти в революционеры или кадеты. Там, пожалуй, можно потерять часть или весь свой капитал...»³⁴.

Идеологи крайне правых указывали, что Союз 17 октября являлся скороспелым порождением правительства Витте в качестве опоры правительства³⁵. Отсутствие политической перспективы и нежизнеспособность организации обуславливалаась не только ее слабой поддержкой в массах³⁶, но и изменчивостью правительственного курса, который она была призвана поддерживать. Особо отмечалась приспособленческая сущностью руководящего состава объединения, состоявшего из «чиновников министерства финансов и юстиции, близких к Витте, и зависящих от еврейского кредита торговцев и промышленников». Подчеркивая небоеспособность политической опоры правительства, один из правых ораторов в Думе отмечал, что стоит скречь одну помещицу усадьбу, чтобы превратить сотню октябристов в правых, и достаточно обойти наградами к 6 декабря несколько видных либеральных чиновников, чтобы сделать из октябристов кадетов³⁷. В целом партия октябристов характеризовалась как партия разложившейся бюрократии с конституционными претензиями и желанием инородческого равноправия. Потенциально возможный вред, который могли принести октябристы, встав при поддержке бюрократии у руля государства, заставлял крайне правых все-рерьез обсуждать идею отправки непосредственно к царю депутатии СРН во главе с А. И. Дубровиным, где, «встав прямо на колени пред ним умолять у ног монарха, своего отца, дабы он повелел уничтожить легализацию конституционных партий, как Союз 17 октября, так и Торгово-промышленную, а виновных легализации отстранить от

власти и впредь всех конституционалистов... отдавать под суд...»³⁸

Окончательный разрыв правительства с правомонархистами произошел при появлении в Думе фракции умеренно-правых националистов. Сотрудничество П. А. Столыпина с октяристским большинством Думы и фракцией националистов давало крайне правым основание полагать, что правительственный аппарат вынашивает планы закрепить в стране основы парламентаризма и утвердить в ближнесрочной перспективе конституционные начала. «Бюрократия до смерти хочет управлять неограниченно Россией. С этой целью она домогается ограничить верховную царскую власть своим произволом. В этих видах образованы две политические партии — октяристская и националистическая, поставившие своею целью учреждение конституции, т. е. ограничение царской власти парламентом по октяристскому проекту из всякого сброва, а по националистическому только из русских людей», — описывала цели столыпинского правительства крайне правая пресса³⁹. Основания подозревать бюрократию в желании введения в стране режима ограниченной монархии по английскому образцу базировались на явно проглядывавшемся подчиненном положении октяристской фракции в Думе правительству, а не наоборот — выполнении правительством октяристской программы⁴⁰. «Правительство вошло в соглашение с октяристами — вы-де нам не мешайте прикончить революцию, казнить и вешать, а мы вам дадим власть, и вот мы вместе тогда по конституции и ограничим царя», — оценивал политические планы П. А. Столыпина председатель СРН А. И. Дубровин⁴¹.

По мнению черносотенцев, доказательством тайного сговора с противниками самодержавия правительства Столыпина являлось попустительство оппозиционным силам, проявлявшееся в принятии законопроекта о вер-

терпимости, уклонении от разработки жесткого закона о печати, существовании либерального министерства народного просвещения, функционировании под его эгидой различных кадетских «лиг образования» и других нелегализованных комитетов⁴². Особая претензия П. А. Столыпину предъявлялась в связи с деятельностью «революционной» Государственной Думы. В апреле 1907 г. газета «Русское знамя» писала: «А внутри страны крамола, обеспеченная гарантиями «конституции», заседает в Государственной Думе... и требует новых жертв: 150 христиан принесено ей в январе месяце, 300 православных христиан убито во славу Израиля за один февраль месяц!»⁴³.

Указывая на непоследовательность правительства, проявлявшуюся в лавировании между различными политическими силами и заигрывании с оппозицией, черносотенцы требовали от премьер-министра определиться со своими взглядами. Данное настроение отразило состоявшееся в октябре 1907 г. в Ярославле I Частное совещание СРН и других правых организаций: «Наличность известных конституционных партий, существование которых, очевидно, немыслимо при самодержавном строе, и открытое их признание правительством, и допущение к участию в Государственной Думе является доказательством того, что само правительство как бы колеблется в решении вопроса о существующем строе. Естественным последствием такой неустойчивости правительства должна быть или замена его личного состава лицами убежденными и прямо стоящими за самодержавие, или открытое проявление своих убеждений, ныне скрываемых по тактическим соображениям»⁴⁴.

Действительно, по мнению крайне правых, в стране сложилась двусмысленная ситуация, не отражавшая ни зафиксированных в Основных законах Российской империи норм политической системы, ни провозгла-

шенного правительством твердого курса. Крайне правые недоумевали: «Кадетская партия не легализована, но не преследуется, ибо не зачислена в разряд нелегальных. «Лига образования» — конкурент Мин. нар. просвещения — тоже не легализована, но не преследуется, не будучи признана вполне нелегальной, и потому преуспевает. Социал-демократы во всей стране строго преследуются по ст. 129, подлежа за одну принадлежность к партии к ссылке (вечной) на поселение, а те же соц.-демократы в Думе агитируют с трибуны на всю Россию, ездят к министрам хлопотать за “товарищей” и даже получают разрешение “ревизовать” тюрьмы...»⁴⁵. Правомонархисты делали вывод, что проводимый П. А. Столыпиным «двусмысленный» курс не был способен принести стране успокоения: «Ввиду этого... сколько ни успокаивай страну — она все будет мутиться»⁴⁶.

Нежелание правительства П. А. Столыпина следовать курсу на восстановление неограниченного самодержавия, по мнению крайне правых, проявлялось в недостаточной решительности по обузданию крамолы. Симпатии административного аппарата в отношении оппозиционных сил выражались в отсутствии необходимой твердости в наведении порядка, использовании всех имеющихся в его распоряжении сил и средств. «Правительственная власть обязана строго и грозно устранять и карать всякие покушения на мир государственный, общественный и лично гражданский, не допуская никаких уступок злодеям, прикрывающимся лицою политика, не допуская ложной жалости перед святотатцами, убийцами, поджигателями, ворами... и иными злыми обидчиками народными», — внушали черносотенцы власть предержащим⁴⁷.

Подозрения в далеко идущих планах П. А. Столыпина по сохранению на политическом поле страны оппозиционных партий и включению их в создаваемую полити-

ческую модель парламентской монархии окончательно утвердились в связи с неоднократными отказами премьер-министра использовать имевшие место на него покушения для ликвидации врагов неограниченного самодержавия. В частности, в начале сентября 1906 г. съезд председателей СРН и членов Русского собрания упрекал главу правительства в игнорировании сложившихся благоприятных условий для решительных действий: «...никакие послабления и уступки правительства революционным партиям не остановят их кровавой деятельности разрушения России, никакие самые либеральные законопроекты не удовлетворят анархистов, социалистов, демократов и сепаратистов. Единственное средство и единственная в данную минуту обязанность правительства немедленно, всею государственной мощью, властно обуздать крамольников и рассеять их преступные организации и сообщества»⁴⁸.

Показателем стремления подорвать самодержавие изнутри стали многочисленные факты гонений со стороны административного аппарата в отношении ревностных защитников устоев традиционного общества: «Илиодора, этого захватывающего народные массы проповедника, гонят и хотят сослать в Соловки. Серафим, епископ Орловский, переведен; харьковский губернатор Пешков уволен; кафедра Гермогена колеблется; Шварц, остающийся без поддержки, того гляди уйдет; Толмачев едва удержанся. Великие князья устраниены от участия в государственной обороне...»⁴⁹. Со страниц крайне правых изданий премьер-министр лично обвинялся в инспирации процессов над участниками еврейских погромов в октябре 1905 г., которых, по существу, уравняли по степени опасности существующей властной системе с революционерами⁵⁰. Причины травли сторонников крайне правых и во властных структурах, и на духовном поприще черносотенцы находили в желании

П. А. Столыпина укрепить позиции в среде оппозиционной части общества. «Казалось бы, что в такое время всякое проявление патриотизма должно поддерживаться правительством всеми мерами; а такие люди, как святитель Гермоген, Серафим, Никон Вологодский, иеромонах Илиодор и им подобные, должны поощряться и выдвигаться. Между тем мы видим обратное», — жаловались в ноябре 1908 г. члены Астраханской народно-монархической партии царю⁵¹.

Появление в Государственной Думе правительственно-ой опоры в лице октяристского большинства дало П. А. Столыпину возможность, по выражению В. М. Пуришкевича, «сильнее нанести удар правым и начать с ними борьбу»⁵². Показателем отказа правительства от курса на воссоздание неограниченного самодержавия явилось преследование черносотенных организаций и инспирирование в их среде раскола. Бюрократия «и подсыпала лиц с предложениями субсидий, и пыталась через подосланных агентов снять раздоры в Главном совете, и демонстративно покровительствовала соперничающим правым организациям, и донимала штрафами и мелкими придирками, и пустила в оборот кличку “революционеры справа”»⁵³. Лидеры крайне правых подозревали П. А. Столыпина в желании вовлечь их организаций в реализацию далеко идущих планов по формированию в стране конституционного строя, что противоречило их мировоззренческим и программным установкам. «Для конституционной бюрократии самыми страшными являются монархические союзы. Они имеют огромное влияние на политическое положение и своей преданностью заслужили то, что к их голосу прислушиваются и иногда присоединяются. Если бы СРН остался в той чистоте и крепости, в которых он находился в первой половине 1907 г., давно бы произведена была реформа законосовещательных установлений и кабинета.

Но оба эти учреждения составляют силу бюрократии. Она только ими одними и живет, и потому приняты были все меры к тому, чтобы унизить чем-нибудь СРН и привести его к параличу»⁵⁴.

Исходя из специфического восприятия роли патриотических союзов, П. А. Столыпин рассматривал А. И. Дубровина в качестве подчиненного ему главы одного из правительственные ведомств, который должен или следовать в фарватере заданного правительственного курса или быть заменен на более сговорчивого вассала. Поддержка А. И. Дубровина низовыми организациями сорвала планы премьер-министра. «Дубровин — неотъемлемая часть каждого союзника, и смешно говорить о его смещении», — высказывала мнение провинциальных отделений СРН газета «Русское знамя»⁵⁵.

Нежелание председателя СРН А. И. Дубровина подчиниться планам правительства и встроить крупнейшую черносотенную организацию в третьюиюньскую политическую систему, самостоятельность в принятии решений и деятельности вызвали со стороны П. А. Столыпина атаку на крайне правый лагерь: «Бюрократия больше всего боится “самочинных”, неподотчетных ей союзов, а из таких союзов — больше всего патриотических и национальных как самых непокорных. Распыленный народ — вот ее идеал»; «Партия Дубровина — с этим бюрократия готова примириться, но СРН — этого она не потерпит: ведь он посягает на ее прерогативы, связывает по рукам и ногам ее самовластье»⁵⁶. Непрестанными придираками к правым организациям административный аппарат преследовал цель привести их к покорности: «С самого начала бюрократия усвоила себе в отношении патриотических организаций инспекторский тон»⁵⁷.

Неудача подчинить председателя СРН А. И. Дубровина заставила П. А. Столыпина пойти на подрыв авторитета правомонархистов не только в глазах общественного мне-

ния, но и в высшем свете, представив патриотические союзы как сброд мародеров и хулиганов: «...А. И. Дубровина хотят очернить в глазах государя, хотят ввергнуть его в опалу и тем отшатнуть от него патриотов, которые, оставшись как овцы без пастыря, должны, по расчетам бюрократии, покорно пойти под бичом П. А. Столыпина»⁵⁸. Административный аппарат пытался внушить царю, что черносотенные союзы не являются надежной опорой трона. Еще в марте 1907 г. крайне правая пресса писала: «Наши бюрократические кадеты стараются вырыть пропасть между царем нашим и его народом, стараются уверить государя в крамольных стремлениях черносотенцев, в том, что он не должен доверять людям, кладущим свою жизнь за него...»⁵⁹ При этом председатель СРН А. И. Дубровин утверждал, что инициатором конфликта с правительстенными кругами был не он, а наоборот — его «задирали, правда, в высшей степени благовоспитанно»⁶⁰. Интриги и нападки правительства на правомонархическое движение не соотносились его лидерами с царем: «Но вырыть непроходимую пропасть между государем нашим и нами никому не удастся»⁶¹.

Попытки оказать давление на руководство СРН вызывали резкую ответную реакцию. «...не за свой вы кус принимаетесь, вы этим кусом подавитесь. Бросьте воскрешать опричнину XX века...», — предупреждала в сентябре 1909 г. П. А. Столыпина дубровинская печать⁶². Вместо того чтобы следовать устоявшимся правилам взаимоотношений верноподданного с высшим представителем царя, А. И. Дубровин отвечал «не столь благовоспитанно, без стеснения срывая маску с благороднейшего антагониста», аргументируя это необходимостью отстаивания русского национального достояния. Базарный язык своих нападок в прессе на П. А. Столыпина и его правительство дубровинцы объясняли тем, что «изящные приемы борьбы

уместны в цирке, на фехтовальном турнире, а при защите родного очага от вражеского нашествия позволительно пустить в ход и зубы и оглоблю»⁶³. А. И. Дубровин отрицал причину взаимного с премьер-министром антагонизма в личных отношениях: «Во всяком случае личный элемент в их антагонизме является вторичным фактором; первичным же является полная противоположность воодушевляющих их идей»⁶⁴.

Причины третирования крайне правых были зафиксированы в выступлении А. И. Дубровина в августе 1908 г. в Ростове-на-Дону: «...союз возник в тот момент, когда в стране царила полная анархия, власти растерялись и спрятались, и Россия должна была погибнуть, но явился союз, подавил революцию и спас родину, — только он один и никто более; тогда вновь явились и правители, забрали власть в свои руки и теперь, чувствуя под ногами довольно твердую почву, начинают говорить нам: «Уходите, союз более нам не нужен, мы и сами управимся»⁶⁵. Объективность данной оценки косвенно подтвердил брат П. А. Столыпина, описавший в газете «Новое время» отношение бюрократии к правомонархическим организациям: «Мавр сделал свое дело, мавру пора уйти»⁶⁶. В сентябре 1909 г. газета «Русское знамя» кратко изложила свою версию причин недоброжелательного отношения административного аппарата к черносотенным союзам: «Молодое деревцо политической сознательности патриотов, выбившееся из-под земли без помощи бюрократии, нуждалось, для нормального роста, в любовной атмосфере. Несколько царских приветственных слов сразу создали ее, и начался бурный рост дерева. Едва заприметила это бюрократия, как тотчас же принялась указывать сверчку шесток. Бюрократии нужно... умножение компрометирующих организации фактов. Поэтому она свои «благожелательные» советы дает в тон «распеканий», рассчитывая на их обратное в силу психологических

причин действие, т. е. рассчитывая, что задетые за живое организации начнут упорствовать в недостатках. Озабоченная их самообладанием, она стала прямо подсыпать в организации агентов, посевающих раздоры. А достигнув кое-какого успеха (добившись раскола), перестала скрывать недоброжелательство в отношении главной и лучшей организации — Союза русского народа»⁶⁷.

Замедление роста монархических союзов в 1908—1909 гг. черносотенцы напрямую связывали с интригами П. А. Столыпина, пытавшегося донести до их лидеров мысль, что даже безупречное занятие политикой становится рискованным делом без соответствующих согласований своих действий с администрацией⁶⁸. Черносотенцы жаловались царю, что их организации и газеты не только не встречают должной, открытой поддержки со стороны правительства и местных властей, но, в большинстве случаев, сталкиваются прямо с холодным и даже враждебным к ним отношением⁶⁹. Указывалось на то, что развязанная в либеральной прессе кампания по дискредитации право-монархистов была поддержанна вполне официозными изданиями⁷⁰. В апреле 1907 г. руководители СРН со страниц своего печатного органа требовали устранить все препятствия для объединения русских людей в союзы и оградить патриотическую печать от преследований со стороны властимущих⁷¹. В сентябре 1909 г. газета «Русское знамя» вновь констатировала, что за критику административного аппарата она подвергалась постоянным привлечением к суду по ст. 128 «за дерзостное неуважение к верховной власти»⁷². Нападками на черную сотню бюрократия пыталась отвлечь их силы от политической и просветительской деятельности в сторону организационного самосохранения. Крайне правые констатировали: «Большая часть нашей энергии уходит на повседневную борьбу за союзное существование, борьбу с бюрократией»⁷³.

Желая определить четкие правила политической игры, черносотенцы предлагали П. А. Столыпину конкретизировать грань между легальной борьбой (куда они относили себя как сторонников существующих порядков) и нелегальной, к которой они относили кадетов и социалистов, являвшимися основными очагами смуты. Предлагалось юридически закрепить нормы и рамки политической активности верноподданных сил страны. Один из черносотенцев писал в «Русское знамя»: «Я не уверен... не попадет ли завтра, в результате нынешней политической битвы, СРН в разряд нелегальных партий и не придется ли мне пойти в ссылку или эмигрировать»⁷⁴. Созданная П. А. Столыпиным атмосфера вокруг крайне правых организаций негативно отражалась на настроениях народных масс к патриотическим организациям. «Даже у самых стойких людей и у руководителей опускаются руки. Несомненно, что добиться этого кому-то надо, для достижения чего и внушается людям, стоящим у власти, та двойственная, нездоровая политика, которой придерживается теперешнее правительство», — жаловались царю в ноябре 1908 г. астраханские черносотенцы⁷⁵.

Атака правительства на правомонархические организации дала свои плоды, выразившиеся в расколе в 1909—1911 гг. крупнейшей из них — Союза русского народа. По мнению дубровинцев, административному аппарату удалось подчинить часть лидеров правомонархического движения, сделав их инструментом по реализации собственной политической программы, направленной на укрепление бесконтрольных властных функций «конституционной бюрократии» при одновременном урезании полномочий царя. Сохранившие верность изначально отстаиваемым идеалам дубровинцы открыто обвинили отколовшийся обновленческий Главный совет СРН в лице Н. Е. Маркова и создавшего самостоятельную

организацию Русский народный союз Михаила Архангела В. М. Пуришкевича в отказе от основополагающих принципов черносотенного движения в пользу правительственной поддержки. «Ходят упорные слухи, что Главный совет находится под влиянием П. А. Столыпина, с политической и тактикой которого в области как религиозного, так и других государственных вопросов союзники примириться не могут, да и не имеют права», — писал в Главный совет СРН председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Тихонович-Савицкий⁷⁶.

По мнению дубровинских ортодоксов, после раскола СРН угрозы неограниченному самодержавию стали исходить и от бывших соратников. В январе 1911 г. Н. Е. Марков и В. М. Пуришкевич были обвинены в поддержке разработанного в недрах правительства Столыпина проекта формирования Думы из представителей земств с избранием министров из ее состава без права их увольнения царем без одобрения Думы⁷⁷. Обновленцев также упрекали в конституционных и парламентских симпатиях. Данные выводы сторонники А. И. Дубровина делали исходя из анализа программных документов, выходивших из-под рук недавних единомышленников. В частности, анализируя утверждение подписанный лидерами обновленцев (В. М. Пуришкевичем, Н. Е. Марковым, И. И. Восторговым) листовки о том, что «каждый плательщик податей имеет право требовать отчета, куда пошла его копейка», дубровинская газета «Русское знамя» возмущенно писала: «От кого же требовать отчета, если они не признают народного представительства? От государственной власти? Так, ведь? Но, по их же словам, государственная власть это и есть самодержец. Стало быть, эти паяцы, клерикалы, ваньки-каины смеют утверждать о праве своем требовать от царя отчета? Какие же они после этого “верные неограниченному царскому самодер-

жавио”? Право требования отчета исключает понятие о неограниченной власти!»⁷⁸.

Заявленный в другом воззвании В. М. Пуришкевича тезис о необходимости «соучастия народа в правлении в виде законосовешательной думы» также вызвал бурю недоводования сторонников А. И. Дубровина: «Дума создана только для одобрения законопроектов и контроля над закономерностью властей, а Пуришкевич со своими союзниками-клерикалами нахрапом уже захватывает даже правление»⁷⁹. Из этого дубровинцы делали вывод: «Эта мошенническая компания — Пуришкевич, Восторгов, Скворцов... стремится... ограничить царскую власть народным представительством»⁸⁰. Критикуя обновленцев, дубровинцы пытались отмежеваться от них посредством апелляции к народу: «Вся разница между Дубровиным и Марковым в том, что Дубровин сумел понять народные мысли и их в себе олицетворил. Марков же хочет, чтобы народ понял его мысли и их себе усвоил как принцип»⁸¹.

Попытки обновленцев посредством сотрудничества с П. А. Столыпиным встроиться в модель третьионьской политической системы рассматривались дубровинцами как разрушение общей стратегической линии по защите самодержавия и поддержку планов бюрократии по преобразованию самодержавного строя в бюрократически-буржуазный, где домinantным политическим игроком выступал административный аппарат⁸². Это дало основание дубровинцам типологизировать обновленцев как сторонников конституционно-буржуазного строя, а их организации рассматривать как переродившиеся из объединения всего русского народа в разряд рядовых европейских парламентских партий. Союз Михаила Архангела характеризовался как «сколок с западноевропейских правых, а следовательно и буржуазных партий... В результате получилась довольно странная, хотя для некоторых и очень

удобная смесь — правая, но буржуазно-бюрократическая партия, — Союз Архангела Михаила», — отмечалось в статье «союзника-дубровинца» Б. Е. Кромида, опубликованной в газете «Русский народ» 28 июля 1910 г.⁸³

Себя сторонники А. И. Дубровина продолжали относить к сохранившим идейную чистоту монархистам, равноудаленными как от бюрократии, так и от буржуазии. Дубровинский Союз русского народа продолжал самоизменяться «ярким выразителем народных, чисто русских исторических идеалов в отношении общественного и государственного строя, выражаемых лозунгом — «Православие, самодержавие, русская народность»⁸⁴. Понимание того, что обновленцы уже не могут выступать защитниками неограниченного самодержавия, но лишь партнером административного аппарата по сохранению существующего парламентского строя при самодержавной монархии, заставило дубровинцев делать заявления о невозможности какого бы то ни было с ними компромисса.

Ослабление черносотенного движения объективно приводило к деморализации стоявших на охранительных позициях по отношению к самодержавию сил. Крайне правые подметили характерную особенность: вмешательство бюрократии в противостояние оппозиционных сил с правомонархическими организациями объективно приводило к ослаблению последних: «Но когда в состязание вмешивается третий — правительство, объявляющее борьбу обеих сторон делом нелегальным и на этом основании преследующее борющихся, тогда позиции истинно русских ухудшаются, а врагов улучшаются»⁸⁵. В сентябре 1909 г. единомышленники А. И. Дубровина дали неутешительную оценку отказа правительства Столыпина от услуг крайне правых: «...сознайтесь, вы чувствуете себя у разбитого корыта: костер опального патриотизма разгорелся в

целое пожарище; в самых умеренных правых ваш кредит пал, “освободительство” подняло голову; даже последнее прибежище власти — октябрьсты — накануне раскола. Идиллия бараньего рога отдает жестоким сарказмом»⁸⁶.

После первой российской революции помимо административного аппарата возрастающую угрозу самодержавию, по утверждениям правомонархистов, представляли оппозиционные партии, получившие благодаря Манифести 17 октября и институту Государственной Думы новые возможности по расшатыванию основ государства. В распространенной в 1906 г. листовке СРН делалась попытка типологизации партий по методам достижения целей и степени их опасности существующим порядкам: «Все эти партии можно поделить на два разряда: партии революционные, восстающие с оружием в руках или преследующие революционные цели путем забастовок и снабжением революционеров деньгами, и вообще действующие с ними единодушно. К этому разряду относятся анархисты, социал-демократы и пр. Из этих партий самый опасный враг России Конституционно-демократическая партия, в основу которой положено: созвать вместо Государственной Думы Учредительное собрание, т. е. новое правительство, и долой царя и разделить Россию на части по народностям!»⁸⁷.

Черносотенцы достаточно упрощенно оценивали цели политических противников, находя их корыстными: «Кадеты желают только пробраться в олигархию и завладеть хорошенъкими местечками, а различные СД и СР жаждут только пограбить да поразбояничать. С первыми можно сторговаться. Вторых поможет уничтожить тот же народ русский, та же ненавистная черная сотня...»⁸⁸ Жестким предостережением с крайне правого фланга звучала мысль, что платой за реализацию программных установок оппозиции станет единство и неделимость страны: «...ка-

деты, трудовики... требовали “равноправия” для инородцев и евреев, чтобы и они могли владеть землею как русские крестьяне; они хотели отдать инородцам Польшу, Финляндию, Кавказ и другие земли, завоеванные русскою кровью, и, наконец, в так называемом “Выборгском воззвании” они вконец вздумали уничтожить Россию, запрещая платить подати и давать солдат»⁸⁹.

Свою деструктивную сущность значительная часть оппозиции окончательно проявила в период I Мировой войны, направив силы не на укрепление национального единства, а на углубление политического кризиса. На состоявшемся в ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде Совещании уполномоченных правых организаций и правых деятелей давалась оценка деятельности оппозиционных партий в Государственной Думе и их печати: «Перед лицом всей России вырисовалась поистине титаническая борьба двух начал: родного, национального, горящего любовью к Родине и жертвуяющего всем для победы над жестоким и упорным врагом, и другого, инородческого, дышащего свирепой злобой ко всему русскому и ждущего с нетерпением нашего военного разгрома для торжества своих партийных и личных целей»⁹⁰.

По утверждениям крайне правых, характерной чертой, объединявшей все сегменты оппозиционных сил, являлось полное равнодушие (неприятие) к вопросам формирования национально ориентированного вектора политики. Поставленная правомонархистами проблема восстановления приоритетного статуса русского народа в империи и возвращения носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве была жестко противопоставлена либеральным и эгалитарным принципам, в частности идеям абстрактной «свободы» и «социальной справедливости». Национальный индифферентизм революционного лагеря (социал-демократов, эсеров и анархи-

стов) проявился в собственном позиционировании себя интернационалистами, а либерального — в приоритетном отстаивании интересов национальных меньшинств перед интересами державной нации. Это приводило к низвержению русского народа из разряда государствообразующего в состав рядовой этнической единицы империи. «Нет или не должно быть народности, единокровцев и единоверцев, своецеменности... — а есть космополитизм; и миллионы листков, и тысячеустная пропаганда европействующих и еврействующих темнят и туманят русское народное сознание...», — писала черносотенная пресса⁹¹.

Отвергнув понятия «традиции», «патриотизма», «национального интереса», российские идеологи оппозиции не пытались заложить их в фундамент так возведенного ими будущего демократического общества. Наоборот, все связанное с национальной тематикой в политике воспринималось как пережиток прошлого и встречало пылкое неприятие. В частности, депутат Государственной Думы М. И. Петрункевич характеризовал патриотизм как пошлость, а Н. И. Кареев выступал за упразднение названия Россия⁹². В поход против патриотизма включились даже некоторые классики русской литературы, развенчавшие любовь к Отечеству как «чувство неестественное, грубое, постыдное, неразумное, вредное» и даже «корыстное и безнравственное». Согласно Л. Н. Толстому идея патриотизма лежит в основе государственности и потому «должна быть подавляема и уничтожаема», так как «патриотизм есть орудие власти правительства над народами, он является средством обмана народа со стороны императоров, правителей, военных, капиталистов, духовенства и проч., чтобы жить трудами народа». «Патриотизм (говорил Л. Н. Толстой по поводу франко-русских торжеств в октябре 1893 г. — *M. P.*) есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных

целей, а для управляемых — отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение себя тем, кто во власти. Он есть рабство!», — приводила цитаты великого старца черносотенная пресса⁹³.

Руководители либеральных и революционных партий, исходя из парадигмы неприятия Русской православной монархии, нередко ассоциировали «великорусский шовинизм» (читай патриотизм. — *M. P.*) с преступлениями абсолютизма. Отрицание «исторической русской государственности» приводило к игнорированию конкретных национальных интересов русского народа как «угнетающего» и заставляло ставить в приоритет требования «угнетаемых» инородцев. «По масонской системе совместности добра со злом повсюду проводится бездушная система без различия национальностей и вероисповеданий с полным пренебрежением к патриотическим желаниям самодержца и его верного коренного народа. При этом враги не остаются последовательными: проповедуя новомодную власть большинства, они в то же время стремятся подчинить государственное большинство, состоящее из русских людей, разноплеменному меньшинству», — критиковал в августе 1910 г. позицию своих политических оппонентов по национальному вопросу в открытом письме председатель СРН А. И. Дубровин⁹⁴.

Неизменная поддержка национальных меньшинств во внутренних имперских спорах в восприятии крайне правых свидетельствовала о разрыве либеральных и революционных партий с понятиями национальной солидарности. Если инородцы вставали на защиту своих единоплеменников даже в случае явной неправоты последних, то российские сторонники «прогресса» готовы были пожертвовать национальной взаимовыручкой ради получения выгодных политических дивидендов. Это выпукло проявилось во время обсуждения вопроса о еврейских погромах, когда желание

нанести еще один удар по «государственному монстру» заставляло либералов отказываться от объективного анализа произошедшей трагедии и ангажированно обвинять во всем произошедшем власти. Неприятие тенденциозного подхода эмоционально зафиксировано в обращении к СРН: «Случился еврейский погром в Белостоке. Боже мой! Вот заволновались думцы, забыли и про землю и про крестьян. Уж больно любезны почему-то думцам евреи. Когда революционеры убивали русских людей, когда разорялись и сжигались хозяйства русских людей, думцы молчали: не их, дескать, дело. А когда в Белостоке русские, возмущенные тем, что евреи стали стрелять крестный ход и убили несколько богомольцев, побили евреев, — думцы подняли тревогу и немедленно послали в Белосток своих следователей: одного еврея и двух русских. И, знаете, кого обвинили думские следователи во всем этом деле? Русских офицеров и солдатиков, которые с опасностью жизни защищали евреев от погрома!.. Такова-то думская правда!..»⁹⁵

Продвигаемые оппозиционным лагерем идеи отказа от признания первенства русского народа как государствообразующего, приоритет интересов национальных меньшинств, пренебрежение к национальным потребностям русского народа заставляло черносотенцев бросать оппонентам упрек в предательстве собственного народа⁹⁶. «Антирусская» сущность кадетской партии подчеркивалась в распространенном в 1906 г. обращении СРН: «...в Думе эта партия и словом, и делом ясно показала, что о русском народе и свободе она и думать позабыла, а заботилась о милых ее сердцу евреях, инородцах и революционерах»⁹⁷. О глубине равнодушия к интересам собственного народа, по мнению черной сотни, свидетельствовали программные установки Союза 17 октября, где «об вере, государственном языке и армии нет ни одного слова. Зато все народности, и, конечно, главным образом

евреи, равноправны». Программы октяристов и кадетов были базисно идентичны и разнились лишь в частностях. «Они все не руссконациональные, и интересы евреев им дороже интересов русского населения», — говорилось в изданном в начале 1907 г. обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка к избирателям⁹⁸. Крайне правым казалось, что пренебрежение национальными интересами охватило все активные сегменты российской политики. В частности, утверждалось, что польским сепаратистам в борьбе с центральной властью помогали «кадетско-жидовская печать... антипатриотическая наша Г. Дума и... наше октяристское кадетское правительство»⁹⁹.

Тесное сотрудничество с так называемыми «враждебными инородцами» лишало в глазах правых российские оппозиционные партии статуса национально русских и давало им основание утверждать «инородческую» сущность «освободителей»¹⁰⁰. В докладе на собрании СРЛ в августе 1907 г. академик А. И. Соболевский заявлял, что партия кадетов, объединила в своих рядах «разнородные русские элементы и большинство инородцев с евреями во главе. Все инородцы, объединившиеся в этой партии, составляют сплоченный союз против Русского государства»¹⁰¹. В обращении СРН к русским людям утверждалось, что к кадетской партии принадлежат «евреи, инородцы (поляки, армяне, немцы, татары и проч.) и те из русских господ, которые хотят захватить власть в свои руки и урезать власть царскую»¹⁰².

На страницах печати и в официальных документах черносотенцы заявляли, что партии центра и левее не являются выразителями русских национальных интересов, т. к. отрицают самобытный путь развития Российской империи и предпринимают попытки навязать чуждый, неестественный для державного народа образ жизни, толкая Россию не в сторону усовершенствования ее своеобразия

и уникальности, а в направлении грубого и неискусногоподражательства Западу. «Инородцы русские и иноzemные, иноверцы, разные революционеры, бесплодно до настоящего времени стремившиеся осуществить свои бредни в жизни западных народов, — все они ринулись на русскую землю и соблазном, разными обещаниями, ложью и страхом смутили русских людей», — говорилось в утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей¹⁰³. Несомненный атрибут антинациональности оппозиционных партий проявлялся в потворстве (пособничестве) проникновению инородцев к рычагам управления империи, что привело бы к ослаблению вертикали централизованной власти и отпадению территорий. «Эти партии хотят, чтобы государь и его святыня, русское воинство, присягнули Государственной Думе и признали бы над собой ее власть!!! Такой Думе, где будут заседать, наряду с русскими, и жиды, и поляки, и вообще все инородцы!», — говорилось в листовке СРН, распространенной в мае 1906 г.¹⁰⁴

В рамках концепции об узурпации первенства державного народа черносотенцы охотно верили в существование заговора враждебных инородцев, целью которого, по утверждениям «Русского знамени», являлось «сделать всевозможное, чтобы напакостить русским»¹⁰⁵. Являясь противниками диалектического материализма, они лихорадочно пытались найти объяснение причин революционного и сепаратистского движения. На помощь пришла конспирология — система представлений, согласно которой нежелательные явления и события рассматривались как следствие заговора тайных сил. К середине 1906 г. в крайне правой прессе указания на союз инородцев во главе с масонами, объединившихся с целью ослабления и окончательного разрыва России, приобрели широкий, уверенный и даже кричащий характер. Организующей и направляю-

щей силой тайного союза выступал масонский орден, офицерским составом его армии являлись евреи, а пушечным мясом — пестрая палитра различных по национальному и социальному происхождению одурманенных упоительными мечтами о светлом будущем «шабесгоев». В заговор оказались вовлечеными как космополитическая часть административного аппарата, интеллигенция (адвокаты, журналисты, студенты и т. д.), оппозиционные партии, так и национальные элиты Кавказа, Польши, Финляндии. По утверждениям газеты «Русское знамя», заговорщики имели и план действий — «Протоколы сионских мудрецов», в котором подробно прописывалась реализация «колossalного заговора всемирного жидовства, чтобы свалить православную и самодержавную Россию»¹⁰⁶.

По мнению черносотенных идеологов, инструментом реализации заговора, в т. ч. «Протоколов сионских мудрецов», являлся «Альянс Исраэлит Универсель» (Всемирный еврейский союз) с центром в Париже, а его исполнительными органами — раскинутые по всему миру, глубоко законспирированные, действующие по единому замыслу и плану масонские ложи, объединенные целью захвата власти, утверждения еврейского господства и порабощения нееврейского населения. В июне 1906 г. «Русское знамя» характеризовало масонство как тайное общество, организованное евреями для захвата власти и борьбы с христианством¹⁰⁷. Через пять лет, в мае 1911 г., газета «Русское знамя» дало более развернутое определение масонству: «Это — таинственная, лукавая, зловредная, стремящаяся к ниспровержению монархий, упразднению веры в Бога, разрушению семейного начала и установлению республиканского, т. е. анархического образа правления, при котором еврейству наилегче захватить в свои руки власть и сделаться полным хозяином в стране и повелителем народа»¹⁰⁸.

В обоих определениях подчеркивалась главная задача «вольных каменщиков» — разрушение христианской цивилизации. На страницах черносотенной прессы находили выводы западных исследователей, что «многие смуты и бедствия, перенесенные разными народами в разное время, часто исходили по инициативе и деятельном содействии франкмасонов»¹⁰⁹. Черносотенная пресса описывала и главную цель масонства: завоевание мира, исходя из того, что «для них все нееврейское — это враждебный лагерь, который нужно покорять, заставить его служить им и приносить им пользу»¹¹⁰. Данная задача не была искусственной программой, появившейся в новое время, а составляла саму «природу еврейства», проходящую через всю его историю и имевшую истоком ветхозаветное пророчество о приходе Мессии, который обратит нееврейские народы в еврейских рабов. Идейно-политическая роль масонства состояла в оформлении «идеологии еврейства» в приемлемые для христиан доктрины (от либерализма до социализма) и попытках их реализации, используя «гениозные капиталы и всемирное могущество»¹¹¹.

Истинные цели масонов состояли в ликвидации основ традиционного общества, а именно:

1. *Уничтожение власти христианской церкви под видом борьбы с клерикализмом для обеспечения доминирования в обществе рационалистических доктрин и ценностей общества потребления.* В июне 1911 г. «Русское знамя» заявляло, что масоны и евреи являются «заклятыми врагами царей и христианской церкви»¹¹².

Исходя из общего тезиса об осуществлении заговора в целях завоевания всемирного господства, выводилась частная установка, включавшая в себя религиозное, нравственное, моральное и политическое разложение русского народа посредством подрыва традиционных основ (православия, самодержавия и народности) и замена их лжеиде-

ями — космополитизмом, демократией, либерализмом и социализмом, которые навсегда обеспечат масонам идеологическую основу для эксплуатации и грабежа народов. На вопрос о причинах использования духовного растления как основного оружия достижения господства, черносотенцы указывали на отсутствие у масонов физической возможности достичь желаемого силовыми методами. «Представьте себе две воюющие стороны: с одной — все народности, с другой — еврейская народность. Первых 1,5 миллиона, вторых — 15 миллионов. Следовательно, на 100 человек одного лагеря приходится 1 человек другого лагеря. Как сделать, чтобы один человек мог победить 100? В открытом и честном бою это невозможно. Ну а если один человек найдет путь и возможность напоить мертвецки пьяными всех 100 человек? Следовательно, для того, чтобы один человек мог покорить 100, нужно воздействовать на ум и душу этих ста в смысле ослабления внутреннего их мира», — писала правая пресса¹¹³. Использование тайных средств масонством и евреями в борьбе за господство объяснялось просто: зло не может устоять перед добром в открытом бою¹¹⁴.

Включение в программы оппозиционных партий рожденного в масонской среде пункта об отделении церкви от государства под предлогом уничтожения клерикализма христианских церквей рассматривалось как попытка уничтожения христианства вообще. Давая оценку масонству в начале XX в., черносотенцы утверждали сохранение им, как и в древние времена, богооборческого характера, носившего открытый вызов Всевышнему. Учение масонов отрицало «Христа, семью, национальности», стремилось выработать некую «святую жизнь, сообразную с разумом»¹¹⁵. В разоблачительных целях крайне правые приводили цитаты перебежчиков из масонского лагеря. «Чтобы восстановить человека в его примитивных правах равенства

и свободы, надо начать с уничтожения всех религий, всех гражданских законов и закончить учреждениями собственности», — писала газета «Русское знамя», ссылаясь на воспоминания франкмасона барона Книге¹¹⁶, а также «Протоколы сионских мудрецов»¹¹⁷. Понятными становились нападки на православное духовенство в либеральной прессе, пропаганда атеизма, популяризация удовлетворения материальных потребностей взамен духовных.

Крайне правые подчеркивали, что «вольными каменщиками» удар наносится в духовном поле — по православию, что может привести к изменению вектора национального самосознания и менталитета русского народа, отказу от стародавних ценностей¹¹⁸. Ослабление веры в народе могло быть использовано для дестабилизации обстановки в государстве: «сбить русского мужика с доброго пути, подбить его на грабежи, на поджоги»¹¹⁹. «Союзник... понимает, что его враг ради покорения мира евреями, стремится к разрушению веры в Бога»; «Без Бога в душе человек слабеет. А это только и нужно врагу для достижения цели покорения мира евреями», — писала в августе 1908 г. газета «Русское знамя»¹²⁰.

Крайне правые констатировали: нападки на православие идут по всем фронтам. Особенno данная тенденция усилилась в период третьеионыской монархии, когда активные революционные выступления против царской власти уступили место полемике на думской трибуне и в прессе. Частыми были выпады со стороны оппозиционных средств массовой информации в адрес конкретных священнослужителей: «... либеральная, еврейская пресса метавшая ... в священнослужителей громы и молнии, считавшая их своими главными врагами...»¹²¹. Неслыханная ранее критика церкви воспринималась жившими в духе русской церковной традиции людьми как глас сатаны: «Те волки в человеческом образе, которые рыскают, ища,

кого поглотить, и сеют смуту революционную, безверие и жидовство, готовя пути царству сатаны и антихристу, его предтече»¹²².

Но наибольшее беспокойство крайне правых вызывали попытки либеральной части Государственной Думы законодательно лишить Русскую православную церковь первенствующей роли в государстве посредством принятия закона о свободном переходе из православия в иные конфессии как первом шаге утверждения в стране принципа свободы совести. «Обманули вас заправилы и Третьей Государственной Думы, с г. Гучковым во главе, ратовавшие, как будто бы за русские интересы, а в действительности добивавшиеся в Государственной Думе, при поддержке инородцев и жидовских ставленников, уравнения Православной веры с идолопоклонством и жидовской верой», — говорилось в обращении к крестьянам Центрального предвыборного комитета правых в сентябре 1912 г.¹²³ В датированном августом 1910 г. открытом письме председатель СРН А. И. Дубровин в концентрированном виде сформулировал цели масонов, которым «желательно учредить на Св. Руси... религиозную анархию, заменить самодержавный образ правления конституционной тиранией и устраниТЬ русскую народность от ее исторических прав первенства в империи»¹²⁴.

Таким образом, масонство покушалось на отстаиваемые крайне правыми принципы (православие, самодержавие, народность), составлявшие основу русского культурно-исторического сообщества на протяжении последних пятисот лет. Непримиримость двух лагерей была обусловлена противоположностью целей. Если возрождение могущества российской державы крайне правые видели в укреплении традиционных устоев русской государственности, то масоны преследовали цели их окончательного и бесповоротного слома¹²⁵.

2. *Разрушение сословной структуры традиционного общества для обеспечения масонам доступа к политическим и экономическим рычагам управления, а также национальным богатствам коренной нации.* Сословная система, предусматривавшая наследование статуса и прав, являлась преградой для проникновения чужеродных элементов в социальную структуру общества, особенно в ее элиту. Разрушение сословной структуры должно было сопровождаться борьбой с национализмом и пропагандой интернационализма для присвоения накопленных народом-хозяином материальных ценностей и возможностью его эксплуатации. На основе исторических фактов утверждалось, что с появлением масонских лож в странах неизменно возникали конфликты, обострялась борьба за предоставление гражданских прав, наиболее заинтересованными в которых были ущемленные в правовом отношении евреи¹²⁶.

3. *Уничтожение монархий под видом борьбы с деспотизмом.* По заявлению идеологов крайне правых, ярким проявлением этих усилий стало принятие с подачи ставленника масонов премьер-министра С. Ю. Витте Манифеста 17 октября и учреждение Государственной Думы с законодательными функциями, за которыми должны были последовать ликвидация монархии, формирование многопартийной системы, установление республики и достижение конечного пункта — захват власти евреями. «И потому хотят, во что бы то ни стало, переменить этот строй на республиканский, при коем, разумеется, уже не царь главенствует и не его правительство, а жиды»¹²⁷. В мае 1911 г. газета «Русское знамя» писала, что цели масонства в России состояли в желании «обратить Россию в Северо-Восточные республиканские штаты»¹²⁸.

Лозунг Французской революции «Свобода, равенство, братство» был признан черной сотней масонским (от осуществлявших ее франкмасонов) и являлся лицемерным

прикрытием для иных целей. Масонство использовало концепцию «двойной доктрины». Для многочисленных членов лож низшей степени посвящения предлагались лозунги демагогического характера — «вечно новой приманкой, на которую сотни лет ловят масоны и жиды простодушный рабочий люд»¹²⁹. В черносотенной прессе цитировались и «Сионские протоколы»: «Гои, которых мы приучили смотреть только на показную сторону того, что мы им представляем, принимают нас еще за благодетелей и спасителей рода человеческого»¹³⁰. Узкий круг руководителей высшей степени посвящения обладал истинной информацией о целях «вольных каменщиков».

Масонам отказывалось в гуманистическом, филантропическом, философском и прогрессивном характере их учреждений, работавших якобы для социального, нравственного и интеллектуального усовершенствования человечества. Крайне правые указывали, что заявленные масонами созидательные цели не соответствуют характеру деятельности их организаций, а принципы франкмасонства — взаимная терпимость, уважение к чужому мнению, свобода совести, равенство, братство являлись лишь прикрытием для этой «гнусной религиозно-мистической секты ... последователей сатаны»¹³¹. Аргументируя свою позицию, черносотенцы обращались к историческим фактам, свидетельствовавшим об обратном, наиболее неоспоримым из которых стало массовое уничтожение противников монархии во время Великой французской революции. Лозунги о всеобщем равенстве и братстве скрывали за собой «злое и дьявольское дело — французскую революцию, уничтожившую королевскую власть и национальную аристократию, закабалившую жидами народ»¹³².

Рассмотрим теперь аргументацию критики черной сотни по каждому пункту. Масонское понятие свободы, рассматривавшееся как независимость воли человека от

Бога, монарха и традиций своего народа, трактовалось черносотенцами как вседозволенность. Слабовольных, легкомысленных и доверчивых людей свобода освобождала от нравственной ответственности перед людьми и своей совестью. Общество, построенное на этом принципе, по мнению черной сотни, нежизненно и потому придет к естественному краху¹³³.

Уничтожающей критике подверглось понятие равенства, путь к которому предлагался в уравнении собственности, состояний, политических прав и пользовании результатами своего труда. Подчеркивая обманный и демагогический характер этого понятия, направленного на привлечение неискушенных лиц, черносотенцы предлагали обратиться к истории человечества: «ни в одном государстве нет этого «уравнения собственности»¹³⁴. Черносотенцы указывали на утопичность возможности осуществления равенства посредством уравнения собственности по следующим причинам. Во-первых, Бог создал людей по своим способностям и качествам неравными от рождения. Во-вторых, в случае насильственного «введения» равенства через некоторое время общество вновь будет разделено по имущественному принципу в связи с утверждением предыдущего пункта: «...шла бы непрерывная глухая борьба, в которой более способные и предприимчивые, более выносливые и энергичные, более знающие побороли бы людей без инициативы и менее способных... и овладели бы их имуществом. И после 3—5 лет установилось бы прежнее состояние собственности»¹³⁵. В-третьих, истинные хозяева масонства — евреи не согласятся на реализацию принципа равенства посредством «уравнения собственности» по причине нежелания потерять огромные богатства, находящиеся в их распоряжении. Невозможность равенства на основе «уравнения индивидуумов» в пользовании результатами труда было показано неудач-

ным опытом социалиста Фурье в создании им фаланстеров и казарм: «...кто может убедить тысячи людей довольствоваться одним и тем же количеством однообразной пищи, одною и той же однообразной одеждой, по звонку ложиться спать, вставать утром и выходить на работу»¹³⁶.

Правомонархисты указывали, что в связи с отрицанием «вольными каменщиками» христианского братства, данное понятие могло рассматриваться только с масонской точки зрения, а именно: как объединение людей с «независимыми от церкви и государства средствами и функционированием» (недаром масоны называли друг друга братьями). Под реализацией идеи братства в России также виделась деструктивная цель: вербовка русских в масонские ложи с тем, чтобы «организовать тихую и мирную революцию для разрушения России, и русские люди как братья масонов станут врагами русского царя и русского православного народа»¹³⁷. Невозможность же братства между народами объяснялась разностью геополитических интересов стран и хищнической природой самого масонства: захват «вольными каменщиками» власти в демократических государствах Запада не привел к сглаживанию между ними противоречий и снижению международной напряженности.

Черносотенцы отмечали профанацию якобы имеющейся реализации «свободы, равенства и братства» в демократических странах Запада. Масоны соблазнили людей «несбыточными мечтами о свободе, которая возможна только в пустыне, о равенстве, которого по самой природе вещей существовать не может, и о братстве, на которое люди, принужденные вести борьбу за существование, не способны»¹³⁸. Указывалось, что за лозунгами Французской революции скрываются захватнические планы жидомасонства. В июне 1907 г. правая пресса писала, что в результате Французской революции, благодаря введению

режима правового равноправия евреи присвоили себе права коренных французов¹³⁹. Смена формы правления с монархической на демократическую не приводила к улучшению благосостояния народа: «А ведь знают же главари революции, что в тех странах, где введена предлагаемая ими форма правления, на которую они указывают как на спасительную, народ испытывает не меньше нашего горя и лишений, а иногда даже и больше»¹⁴⁰. Республиканские правительства не смогли решить присущих и России социальных проблем: нищеты, бедности и безработицы. В демократической Франции рабочие также бастовали и разгонялись вооруженной полицией, как и в России. Указывая на несметные богатства, которыми владела еврейская верхушка, черносотенные публицисты предлагали ей поделиться хотя бы с соплеменниками.

Лакмусовой бумажкой нахождения любого игрока на политическом поле под жесткой пятой масонства для правых являлась поддержка требований отмены черты оседлости и ликвидации правовой дискриминации евреев, осуществление которых привело бы к включению последних в общественно-политическую и культурную жизнь России¹⁴¹. Крайне правымказалось, что сотрудничество оппозиции с «вольными каменщиками» имеет долговременные планы. После прихода к власти первые якобы надеялись получить многомиллионную финансовую поддержку от европейских финансовых кругов на строительство в России «жидовской республики», а мировая закулиса — реализовать экономические интересы в богатой природными и трудовыми ресурсами стране. «Народная свобода» — это свобода кадетской партии поработить русский народ еврейскому игу..., — утверждали идеологи монархистов¹⁴².

По утверждениям черносотенных идеологов, важнейшим способом придать нужный для масонов вектор деятельности российских оппозиционеров стало внедрение в

их организационные структуры своей агентуры, позволявшее оттеснить в их среде «русскую фракцию» (национально ориентированных членов) и нейтрализовать ее влияние. В связи с этим путем идентификации принадлежности партии к «антирусскому» спектру предлагался незаменимый определитель: «Рожа жида всегда сама укажет нам спасительный исход»¹⁴³.

Другой основой для сотрудничества с масонскими ложами столь разновекторных, а порой и противоположных по своим политическим устремлениям сил стал подкуп лидеров русской оппозиции. В выпущенном в феврале 1906 г. воззвании «К русскому народу» утверждалось: «Они за деньги помогают жида превратить Россию в развалину, развалину эту купить за небольшие сравнительно деньги и основать на ней царство жидовское с рабами христианскими»¹⁴⁴. Финансирование национальными меньшинствами кадетской партии позволяло превратить ее в инструмент достижения своих целей. «Эта партия вела и ведет свою борьбу на выборах на деньги евреев и других инородцев, цели которых враждебны коренным русским интересам», — говорилось в опубликованном в начале 1907 г. обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка¹⁴⁵.

Тезис о финансировании масонским орденом российской оппозиции утверждался крайне правыми на примере кадетской партии, которая характеризовалась ими как «самый опасный враг» самодержавия и выразитель интересов наиболее сепаратистски и русофобски настроенных национальных меньшинств¹⁴⁶. За лоббирование в Думе еврейского равноправия и отмены черты оседлости еврейские финансовые круги щедро оплачивали ее предвыборные кампании. Накануне выборов в III Государственную Думу монархисты анализировали финансовые возможности противников: «Нет данных полагать, чтобы сократились средства этой партии. Несомненно, они проберутся и в

3-ю Думу и будут держать ее в своих руках. Число кадетских газет не уменьшилось, если только не увеличилось! «Кадетская» литература процветает»¹⁴⁷. Это дало основание консервативной печати именовать кадетов как «еврейскую партию»¹⁴⁸.

Следует отметить, что кадеты не отрицали своей финансовой зависимости от еврейских толстосумов. Накануне выборов в Государственную Думу кадетская газета «Речь» в номере от 7 января 1907 г. откровенно заявила, что согласно условиям соглашения с еврейской группой последней предоставлено «право отвода выборщиков и право возражения против кандидатов в Думу». Консервативная газета «Голос Москвы» в ответ на данное заявление задала лукавый вопрос: «Если равноправие — так равноправие. Почему же привилегией отвода выборщиков и правом возражения против кадетских кандидатов пользуется одно еврейство, а другие национальные группы — поляки, немцы, татары, буряты и т. д. — этих прав лишены? Или у этих кошельки тоже завязаны?» Авторы вышедшей в 1912 г. в Петербурге книги «Националисты в 3-й Государственной Думе» так прокомментировали полемику двух газет: «Достаточно этих двух откровенных заявлений, чтобы понять, как оценивали к.-д. все вопросы государственного значения. Все, что с еврейской точки зрения считалось вредным, все это встречало безусловных врагов в конституционно-демократической партии. Такая узость взглядов и мешала к.-д. проводить свои общегосударственные идеалы, если таковые у них имелись»¹⁴⁹.

Для крайне правых не требовалось дополнительных доказательств тайного руководства всемирным кагалом кадетской партией. Ее антимонархическая сущность проявилась в подрыве скрепляющих империю основ Российской государства. «... партия народной свободы (кадеты)... рукоплескала и помогала всему, что подрывало честь, силу

и благосостояние русского народа. Она радовалась нашим военным неудачам и позору русской военной славы, подрывала кредит России за границей, заставляя русский народ переплачивать ежегодно многие миллионы, — говорилось в изданном в начале 1907 г. обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка¹⁵⁰. Не осталась не отмеченной черносотенцами и разрушительная деятельность кадетов в Государственных Думах. «Горячо порицая смертные казни над преступниками, кадеты отказывались высказать свое осуждение насилиникам и убийцам верных слуг царя и Отечества. Они при всяком случае клеветали и позорили русскую армию и закончили свою “патриотическую” деятельность Выборгским воззванием к бунту и Гельсингфорсским двусмысленным объяснением»¹⁵¹.

Союз 17 октября (октябристы) также не избежал обвинений в связях с масонским орденом, несмотря на то, что в среде крайне правых неоднократно поднимался вопрос о блокировании с ними на выборах в Думу. В ходе дискуссий черносотенцы пришли к выводу, что октябристы все-таки не являются партией с «русским национальным характером», так как выполняли указания кагала по ограничению самодержавной власти и выступали за еврейское равноправие¹⁵². В июне 1907 г. газета «Русское знамя» отмечала, что в программу партии включены «ненавистные народу конституционные начала, которые царь совсем не желает»¹⁵³. Состоявшийся в 1909 г. монархический съезд в Москве дал следующую характеристику Союзу 17 октября... в тактических приемах наиболее опасно выступающая против исконных начал русской государственной жизни и стремящаяся к тем же, в сущности, целям, как и кадеты». Съезд признал партию октябристов особенно опасною в связи со стремлением представить себя защитницей национальных интересов русского народа¹⁵⁴. Черносотенцы

подозревали октябристов в намерении «благодетельствовать Польшу земством, наделить пенсиею учителей еврейских школ и отменить черту еврейской оседлости и тем прорвать плотину, которая оградила русский народ от жидовского потока»¹⁵⁵.

И все же правомонархисты на заре своего существования не теряли надежды на то, что октябристы порвут порочную связь с «иудиным племенем» и вернутся в лоно русской державности. В августе 1907 г. черносотенцы констатировали раскол в партии «17 октября»: «...октябристы ...уже раскололись на две половины, из которых одна тянет к “кадетам”, а другая — к Союзу русского народа...»¹⁵⁶. Однако попытки найти общий язык с октябристами так и остались безуспешными. Последние игнорировали предложения крайне правых провести через Думу ограничительные законы в отношении евреев, что косвенно подтверждало закулисные финансовые сделки между руководством партии и еврейским капиталом. В частности, призывы черной сотни «забраковать» через Думу правительстенное распоряжение от 22 мая 1907 г. о запрете местным властям водворять в черту оседлости тех евреев, которые расселились по территории России «путем захватного права», так и остались не услышанными октябристами¹⁵⁷. Стремление к отмене черты оседлости и намерение предоставить еврейскому населению равноправие заставили состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей окончательно отнести партию «17 октября» к разряду враждебных, поставить их в один ряд с радикальными организациями и призвать к самой широкой борьбе с ней¹⁵⁸.

Специфика подходов правомонархистов к социалистическим партиям также определялась через призму всемирного масонского заговора. Социал-демократы и разделявшие социалистическую доктрину национальные

политические союзы (например «Бунд») рассматривались как инструмент мирового закулисья ордена по подрыву экономики государств, инспирации социального напряжения, направлению недовольства широких масс на свержение законных правительств в христианских государствах¹⁵⁹. «Содержателям русской социал-демократии — иудеям нужны беспорядки, нужны забастовки, нужна смута, нужно разорение русской промышленности, нужно обездоление русского народа, все это им нужно не только ради разрушения столь ненавистного им государства Российского», — раскрывались цели масонства в распространенном в июне 1914 г. окружном послании Главного совета СРН¹⁶⁰. Описанная в «Протоколах сионских мудрецов» тактика по радикализации настроений населения в целях последующего захвата «вольными каменщиками» власти находила подтверждение в реальных событиях: «... по мере того, как в России растут забастовки и рабочие беспорядки, одно за другим останавливаются, а то и вовсе прикрываются русские предприятия, все более ощущается недостаток предметов потребления, все сильнее дорожают пища, тепло, одежда, кров...»¹⁶¹

Крайне правые идеологи утверждали, что спонсором российской социал-демократии являлся не только масонский орден¹⁶², но и международные финансово-промышленные группы, заинтересованные в ликвидации российских конкурентов: «А теперь решили разорить единственных защитников русского народа и его веры, православных русских помещиков, фабрикантов и купцов, чтобы потом без помехи жид все на Руси забрал бы в свои руки и некому бы было за русский народ заступиться»¹⁶³. В датированной 19 февраля 1906 г. листовке «Причина всех несчастий России» утверждалось, что после разорения из-за забастовок и стачек русских фабрик и заводов, ограбления помещичьих имений «вся наша бедная родина

превратится в нищую развалину. И вот тогда жиды переведут сюда свои капиталы из Англии, Америки и Германии и за гроши скупят все наши русские фабрики, заводы и имения, затем спаивая вас и затягивая вас в свои ростовщические сети (в чем так искусны), они скоро завладеют всею нашою землею и самих превратят в безгласных рабов своих»¹⁶⁴.

Социалистические партии были обвинены в выполнении «заказа» зарубежных олигархических структур. Крайне правыми рисовалась следующая схема: вызванные социалистами забастовки приведут к сокращению, а следовательно, и вздорожанию продукции российских предприятий, что создаст «иностранным иудеям» благоприятные условия для продвижения своего товара на российский рынок. «Уже многие рабочие поняли, что дальнейшие политические и экономические неурядицы в стране окончательно могут расшатать русскую промышленность, а это весьма кстати иностранным предпринимателям и их рабочим», — говорилось в выпущенной в июле 1907 г. листовке СРН «К рабочим»¹⁶⁵. Черносотенцы предупреждали рабочих, что социалистические партии наладили хорошо отлаженный механизм пополнения за их счет партийных касс: «Главарям забастовки — этим развращенным рабам международного кагала, — им ничуть не жаль русских рабочих. Заграничные хозяева им хорошо заплатили, и вот наемники бегут на русские заводы и «снимают» русских рабочих, еще за минуту до того мирно и честно работавших у станков, даже и в мыслях не имея, что, ради какой-то солидарности с бакинскими персюками, они должны лишить свои семьи куска хлеба»¹⁶⁶.

Для подтверждения мнения о том, что первая российская революция была спровоцирована международными конкурентами русских промышленников, на страницах черносотенной прессы публиковались выдержки из анали-

тических статей и исследований западных ученых. В частности, в размещенном в газете «Русское знамя» отрывке из книги Рудольфа Врба «Die revolution in Russland» («Революция в России») указывалось, что только истребление нефтяных промыслов, разгром одесского порта, помещичьих и крестьянских хозяйств нанесли ущерб народному хозяйству России в полмиллиарда золотых рублей. Забастовки на промышленных предприятиях привели к убыткам на ту же сумму. Понижение стоимости биржевых бумаг составило как минимум миллиард рублей. «Не может быть, — заключал исследователь, — чтобы русские люди, какие бы ни были они беспочвенники и космополиты ... с легким сердцем и притом совершенно бесцельно пускали по ветру народное достояние, созданное вековыми трудами предков»¹⁶⁷. Наоборот, делал вывод ученый, планомерность и последовательность в истреблении народного достояния указывает, что за спинами освободителей стояли заинтересованные во всем этом кукловоды. Другой авторитетный ученый профессор Бирмен на основе изучения истории различных европейских революций заявлял, что во всех революционных движениях систематическим натравливанием разных общественных классов друг на друга занимались агитаторы и литераторы еврейского происхождения¹⁶⁸.

В многочисленных заметках и в крайне правой литературе в качестве доказательства инспирируемых из-за рубежа и враждебными инородцами забастовок на фабриках и заводах приводились указания на национальный состав их организаторов. В распространенной среди московских рабочих в июле 1907 г. листовке СРН утверждалось: «Вы сами понимаете, какие ужасы междуусобной войны могут породить бессмысленные властолюбивые стремления этих политических проходимцев из еврейчиков, армян и прочих защитников русского народа»; «Одни жиды и про-

дажные жулики... — толкнули ткачей устроить забастовку, чтобы увеличить кадры безработных, а из последних поделать убийц и грабителей ни в чем неповинных людей, для своего кармана, чтобы можно было подольше заниматься кутежами и развратом за ваш счет, а вас подвести на виселицу. И теперь от удовольствия потирают руки и воскликнали: «Вот как мы подвели русских дураков!»»¹⁶⁹.

Пытаясь объяснить масштаб охватившего страну забастовочного движения, крайне правые указывали на использование социалистами соблазнительной для темных и доверчивых трудящихся риторики. Описывая тактические приемы социалистов по вовлечению трудящихся масс в противостояние с работодателями, черносотенцы отмечали: «Все эти подлые безбожные люди... под видом друзей народа, втираются на фабрики и в деревни... обманывают вас лживыми, а потому и щедрыми посулами и обещаниями и подбивают вас устраивать всякие стачки фабричные, железнодорожные, почтовые и другие, а также грабить и жечь поместья имения и все их добро»¹⁷⁰. Сторонники порядка предупреждали рабочих о негативных последствиях контактов с социалистами. «Ну какие вам товарищи все эти безусые и усатые студенты, подозрительные евреи, какие-то барышни и дамы, все эти ораторы, призывающие вас к братоубийственной войне, к отдельным подлым, предательским, чудовищно бессмысленным убийствам. Нет, они не товарищи вам, а ваши враги-соблазнители, те соблазнители, о которых сказано в Евангелии, что лучше бы им было, если бы они повесили себе на шею мельничный жернов и вверглись бы в пучину морскую», — говорилось в распространенной в июне 1907 г. среди рабочих листовке СРН¹⁷¹.

Крайне правые не верили в возможность реализации социалистических идей и построения общества с коллективной формой собственности на принципах социальной

справедливости. Для них социализм был очередной утопией, рожденной в масонских лабораториях, поставивших на поток производство антихристианских учений. Как и продвигаемые масонами либерально-демократические идеи, социализм был призван мобилизовать массы на разрушение традиционного российского общества и обеспечить еврейскому кагалу путь к господствующим позициям. «“Комитетчики” ловко пользуются действительно ненормальным положением рабочего класса и заманивают рабочих широковещательными обещаниями на путь политической борьбы, чтобы в разгар кровавой расправы захватить в свои руки власть», — говорилось в изданной в июле 1907 г. листовке СРН «К рабочим»¹⁷². Черносотенцы проводили большую работу по критике и развенчанию социалистических идей посредством листковой и печатной агитации. В обращении центрального комитета предвыборного комитета правых партий к русским рабочим в сентябре 1912 г. утверждалось: «Пора понять, что весь этот социализм, борьба труда с капиталом, профессиональные организации и прочее — все это ложь, вздор и только предлог для разных проходимцев забирать власть над рабочими в свои руки и делать в государстве смуту, разоряя прежде всего самих рабочих»¹⁷³.

В качестве альтернативы социалистическим идеям предлагалось сотрудничество труда и капитала: «Поймите же: лгут все, кто проповедует борьбу труда и капитала. Между ними борьбы быть не может, ибо капитал и труд должны быть союзниками, членами одного организма, а не врагами. Без труда капитал не состоятелен и мертв, без капитала труд немыслим вовсе. В любовном союзе капитал и труд делают чудеса, во вражде гибнут оба. Но раньше гибнет труд. Экономические законы не нами выдуманы, и нарушать их безнаказанно нельзя. Раз начинается борьба между капиталом и трудом — конец один, и другого быть

не может: разорение рабочего, разорение всей промышленности, дороговизна товаров и разорение той страны, в которой вы живете. Этого ли должны мы добиваться?»¹⁷⁴. Заботу о рабочих массах черносотенцы предлагали полностью возложить на плечи государства: «Интересы рабочего должны и будут защищаться законами и правительством, а не разными проходимцами, которые вкрадываются в ваше доверие и бунтуют вас. Есть заводчики своекорыстные, желающие эксплуатировать рабочего. Единственное от них ограждение рабочего — закон. Закон должен обеспечить и рабочие часы, и безопасность рабочего, и охрану его здоровья, и хорошую квартиру, и пищу, и страхование от несчастий, и школы детям, и пенсию на старость. Закон, и никто другой, должен обеспечить полную свободу как предпринимателю, так и рабочему»¹⁷⁵.

Крайне правые утверждали, что масонский проект по продвижению социализма в массы заведомо гибелен, так как социал-демократы сами скомпрометируют себя в рабочей среде. Утверждалось, что их деятельность приводила к «братоубийственной войне», «неисчислимым материальным потерям», «толпам безработных», «удорожанию жизни» и т. д.¹⁷⁶ «Скажите, что выгадали рабочие за несчастные годы смуты? Разорили промышленность, разорили сами себя, выбросили на улицу тысячи безработных, попали под расстрел, озлились, озверели, потеряли образ Божий. Кончается тем, что капитал начинает бояться идти в дело, и, в конце концов, остаются без работы и разоряются рабочие. Небольшая часть останется на повышенной плате, а большинство очутится на улице. Это ли выигрыш?», — задавали крайне правые в одной из своих листовок вопрос рабочим¹⁷⁷.

Желая показать истинные цели масонов в создании и финансировании социалистических партий, черносотенцы в качестве практического примера приводили Фран-

цию: «Взгляните на Францию. Там стоят теперь у власти самые выдающиеся социалисты. И что же? Наступил там социалистический рай или происходит нечто другое? Рай наступил там только для жидов. Жиды там и министры, и губернаторы, но прежде всего жиды там капиталисты. Половина всей земли во Франции принадлежит уже жидам-капиталистам, и все банки в их руках. Жид во Франции полный хозяин: он главный капиталист, главный политик, главный законодатель, главный администратор, главный подрядчик. Три четверти французского золота в руках жидов...»¹⁷⁸

Черносотенная пресса с удовольствием констатировала, что с окончанием первой российской революции в рабочей среде уже появляется понимание, что «путем насилия, так называемым “революционным” путем никогда не добиться того, что сулят господа социалисты» и проявляется озлобление к “господам революционерам”, которых теперь уже большая часть населения считает просто за дерзких грабителей и убийц»¹⁷⁹. Давались и советы, как поступать с агитаторами из социалистических партий: «Если вы не хотите идти в кабалу к иностранным предпринимателям и их рабочим, если вы не хотите обращаться в толпы голодных бродяг и дневных грабителей-убийц, если вы не хотите топить друг друга в своей собственной крови, вы должны решительно уклониться от ужасов политической борьбы, вы должны как один человек воскликнуть: “Долой политических пропагандистов и агитаторов”. И изгнать их»¹⁸⁰.

Как показывает вышеизложенный материал, после первой российской революции правомонархические организации нашли широкое поле для приложения своих сил по сохранению самодержавной системы властиустроения и реабилитации царского пути как условия сохранения русского народа и национально-государственного воз-

рождения страны. На пути реализации своих программных установок они противопоставили себя разновекторным по своим идейным установкам политическим силам, преследовавшим цель разрушения традиционного российского общества и построения на его обломках новых социально-политических моделей государственного устройства. К наиболее опасным врагам черносотенцы относили космополитический бюрократический аппарат, либеральные и социалистические партии. Все оппозиционные силы, согласно воззрениям крайне правых, действовали по указке масонства, разлагающему влиянию которого оказались подвержены практически все слои российского социума. Данное обстоятельство нашло свое отражение в одном из датированных мае 1906 г. черносотенных документов, в котором утверждалось: «Даже наши купцы идут в Торгово-промышленную партию вместе с евреями! Наша интеллигенция и многие аристократы и чиновники идут в Конституционно-демократическую партию и в «Союз» и «пр. и пр.»! Нельзя смотреть без душевной боли на то, что русские люди на заграничный лад жить хотят»¹⁸¹. Помимо этого крайне правые были убеждены в оказываемом внешнем влиянии на внутриполитическую ситуацию в стране со стороны американских и западноевропейских финансово-промышленных групп, использовавших социалистические партии для разрушения российской экономики с последующим присвоением национальных богатств России и ее народов.

§ 2. Имперско-национальная проблематика

По мнению правомонархических идеологов, следившим за консервацией первенства РПЦ и самодержавной системы властиустроения вопросом, связанным с проблемой выживания русского народа, являлось сохранение

единой и неделимой Российской империи. Только в рамках империи русский народ, по их мнению, мог обеспечить сохранение самодержавия как условия своего существования и выполнения своей мессианской роли¹⁸². Черносотенцы рассматривали империю не только как продукт эффективного взаимодействия самодержавия и русского народа, но и как категорию духовного порядка, включавшую религиозные, самодержавно-политические и национально-психологические компоненты.

Взрыв национально-освободительных движений и появление в период первой российской революции массы самостоятельных республик на окраинах, ослабление Центра, формирование на периферии местных элит как самостоятельных политических сил ставили под вопрос само существование Российской империи¹⁸³. Проведенный черносотенными идеологами анализ показывал, что процесс изменения общественно-политической модели Российской империи мог завершиться окончательным крушением единого государства. Согласно их пессимистическим прогнозам распад многонациональной страны мог проходить по следующей схеме. Старт отделению даст Финляндия, которую, по заявлению «Русского знамени» в июле 1908 г., «...можно уже считать почти безвозвратно отпавшую от центра русского организма...»¹⁸⁴ За Финляндией последует Кавказ, где «изгонялось все русское», наблюдался высокий уровень террористической активности, направленной не только против представителей имперской администрации, но и местных жителей русского происхождения¹⁸⁵. «Смута растет на Кавказе, кровь верных ТЕБЕ людей льется от руки изменников», — информировали черносотенцы царя в октябре 1908 г.¹⁸⁶ В письме члена III Государственной Думы от фракции правых А. С. Вязигина, перехваченном в 1908 г. Департаментом полиции, звучала тревога: «...Мусульманская печать гово-

рит о необходимости отторгнуть от России Закавказье, а армянские революционеры подготовляют почву для “Великой Армении”¹⁸⁷. Высокая активность поляков в революционном движении давала основание утверждать, что следующей будет Польша¹⁸⁸.

После революции 1905—1907 гг. одним из направлений критики оппозиционных партий как либеральных, так и социалистических стала имперская модель национально-государственного устройства России. Централистский, иерархический, унитарный и административный характер функционирования имперской модели противоречил либеральным ценностям и рассматривался оппозицией как препятствие на пути успешной реализации планов по социальному переустройству России. Имперским властям и правомонархистам пришлось столкнуться не только с окраинным сепаратизмом, но и с попытками отделения собственно коренных русских земель. Чрезмерная оппозиционная активность депутатов от конкретных территорий в Государственной Думе была признаком сепаратистских устремлений. Наибольшую озабоченность вызывала Сибирь, куда издавна ссыпался неблагонадежный «элемент», а потому большинство выступлений депутатов Госдумы от сибирских регионов «были в духе крайних революционных партий»¹⁸⁹.

Революционность воспринималась крайне правыми как источник сепаратизма, который мог быть усилен геополитическими устремлениями отдельных стран: «Монгольская хитрость и коварство вступили в союз ... с явной изменой и предательством революционных партий». «Не придется ли нам, кроме финского, польского, армянского, латышского и прочих сепаратизмов, иметь дело с еще более опасным сибирским сепаратизмом», — вопрошали они¹⁹⁰. Утверждалось, что сепаратизм российских регионов инспирировался также и «исконными врагами Рос-

сии» — финнами, поляками, евреями, заинтересованными во всемерном ослаблении внутриимперских связей.

Крайне правые понимали, что для борьбы с окраинным сепаратизмом необходима ясная и понятная массам программа действий. Работа в этом направлении началась с момента создания первых крайне правых союзов. Уже в ноябре 1905 г. в обращении Русского собрания к избирателям была обозначена позиция и высказаны общие принципы отношения черной сотни к национальному вопросу, в дальнейшем развитые и дополненные идейными разработками других правых союзов¹⁹¹. Анализ общественно-политических взглядов правомонархических организаций по имперскому вопросу показывает, что наиболее тесно их идеологические построения были связаны со взглядами русских консерваторов — охранителей¹⁹², у которых они заимствовали следующие постулаты: единство и неделимость национально-государственного устройства Российской империи; первенство русского народа как создателя государства и «собирателя земель»; первенство русского языка; строгая унитарность государственного устройства, единоначалие и твердый порядок как основа существования разноплеменного государства; необходимость борьбы с инородческим сепаратизмом и засильем; право национальных меньшинств на лимитированную политическую и экономическую свободу¹⁹³. Самодержавие выступало гарантом вышеизложенных принципов.

Показателен рост внимания черной сотни к национальному вопросу. Так, если в ноябре 1905 г. в вышеуказанном обращении Русского собрания пункт «племенные вопросы» идет восьмым, то в платформе Союза русского народа на выборах в I Государственную Думу, датируемую апрелем 1906 г., — третьим. В наиболее полном и завершенном виде принципы черной сотни по национальному вопросу были представлены Союзом рус-

ского народа. Состоявшийся в октябре 1906 г. в Киеве III Всероссийский съезд русских людей признал программу СРН наиболее целесообразной для всех монархических организаций и рекомендовал всем единомышленным организациям ознакомиться с ней и присоединиться¹⁹⁴. Таким образом, и в части, касающейся национального вопроса, предложенные СРН идеи были признаны наиболее отвечающими мировоззренческим установкам крайне правых.

Идеи о единстве и неделимости национально-государственного устройства Российской империи, рассматривавшиеся как безусловная политическая ценность, декларировались всеми черносотенными организациями. Целостность империи трактовалась ими как не требующая дополнительных доказательств аксиома выживания самодержавного государства и русского народа, о чем свидетельствует отсутствие в архивных фондах документов, связанных с разработкой данной проблематики. Данная формула занимала первостепенное место в пунктах их программ и оставалась неизменной на протяжении всего периода существования правомонархических организаций.

Перечислим наиболее важные из них. «Созданное русским народом Русское государство не может быть ни под каким видом делимо и разделяемо на разные автономные области, а должно сохранять все земли, ему принадлежащие в настоящее время, в полной неприкосновенности», — заявлялось в программе Союза русских рабочих людей¹⁹⁵; «Все же попытки к расчленению России под каким бы то ни было видом не должны быть допускаемы. Россия едина и неделима», — утверждалось в обращении Главной палаты Союза Михаила Архангела от 1 марта 1908 г.¹⁹⁶; «Союз русского народа твердо объявляет и всенародно исповедует неделимость Российской империи

в ее теперешних границах и постановляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраниены», — говорилось в избирательной программе, принятой в сентябре 1906 г. I Всероссийским съездом уполномоченных отделов СРН¹⁹⁷; «Мы будем стремиться к тому, чтобы великая Россия оставалась всегда единою и нераздельною. Мы будем стремиться к недопущению государственного обособления (автономии) окраин: Финляндии, Польши и др.», — заявлялось в совместном обращении Русского собрания, СРН и Партии правового порядка в начале 1907 г.¹⁹⁸

Неизменно в программных документах присутствовали пункты по конкретной национальной проблематике (польской, финской, армянской и др.). Возбуждение каждого из вышеперечисленных вопросов зависело от политической ситуации в стране или за рубежом и шло в тесной привязке к конкретному событию. Польская проблема поднималась в связи с Холмским вопросом, обсуждением статуса католической церкви или расширением полномочий органов местного самоуправления в Западных губерниях, финская — в связи с заявлявшимися в Государственной Думе депутатами от Финляндии требованиями о предоставлении этой окраине еще большей самостоятельности, немецкий вопрос встал на повестку дня с началом I Мировой войны. Порожденный первой русской революцией еврейский вопрос никогда не выпадал из поля зрения черносотенных идеологов, выделялся в их программах отдельным пунктом и сохранял актуальность вплоть до краха правомонархического движения.

Серьезное влияние на активность черносотенцев по тем или иным аспектам национальной проблематики

оказывала Государственная Дума. Пользуясь выпавшим историческим шансом, представители национальных меньшинств сделали попытку протащить выгодные им законы о федерализации и автономизации страны, что угрожало единству и неделимости империи. «... народности, русским оружием покоренные (обитатели Кавказа (армяне), Польши и др.)... не желают, как показал уже опыт Государственных Дум... проникнуться чувством Русской государственности и шлют своих представителей в Думу не в целях созидательного труда на пользу общего Отечества России, а в целях ослабления таковой как единого государственного целого...», — давал оценку деятельности инородческим депутатам Союз Михаила Архангела¹⁹⁹. Дума стала ареной яростной борьбы по продвижению инородцами выгодных им законопроектов об автономном статусе их территорий с опорой на думскую оппозицию. В частности, оценивая альянс польского коло с кадетами по Холмскому вопросу, председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий заявлял: «Русскому народу ...не нужны в качестве законодателей люди... отдающие 18 млн русских в Западном крае во власть ничтожной горсточки пришельцев-поляков»²⁰⁰.

Кроме того, сам факт представительства в Думе придавал инородцам решимость более смело отстаивать собственные национальные интересы, что нередко вело к ущемлению положения русского населения на национальных окраинах. В частности, в Западном крае «...с приведением состряпанного графом Витте закона 17 октября 1905 г. в действие католики стали угнетать православных, относиться к ним с глумлением и при каждом удобном случае издеваться над православием»²⁰¹. Черносотенцев бросала в холодный пот перспектива возможного принятия Думой закона о еврейском равноправии и отмене

черты оседлости, что казалось им возможным, исходя из их убеждения о подчиненности еврейскому кагалу инородческого представительства в Думе вкупе с обладавшими депутатскими мандатами «русскими изменниками». Деструктивная активность депутатов от национальных окраин, пользовавшихся поддержкой оппозиционного думского большинства, позволила черносотенцам окрестить представительный орган государства «еврейско-польско-литовско-эстонско-латышско-армяно-грузино-татарской революционной думой»²⁰².

Свое развитие позиция черной сотни по проблематике конкретных народов получила на следующих съездах правомонархических организаций. I Всероссийский съезд Русского собрания, состоявшийся в Петербурге 8–12 февраля 1906 г., развил и детализировал принципиальные положения по еврейскому, финскому и польскому (в том числе по Холмской проблеме) вопросам²⁰³; II Всероссийский съезд Русских людей, состоявшийся в апреле 1906 г., дополнил подходы по еврейскому, финскому, немецкому и казахскому вопросам, сформулировал позицию крайне правых по выборам инородцев в Думу и участию в государственном управлении, мерам правовой дискриминации, русской колонизации окраин. Состоявшийся в апреле—мае 1907 г. IV Всероссийский съезд Объединенного русского народа в Москве²⁰⁴ в отдельных постановлениях по «окраинному вопросу» впервые детально разработал меры воздействия на инородцев (например, наложение штрафов за неповинование властям), определил направления политики и стратегические цели в отношении национальных меньшинств, предложил организационные мероприятия как, например, создание Всероссийского национального фонда. Монархический съезд в Москве в 1909 г. внес предложения по изменению проекта вероисповедательного закона, мерам спасения русского на-

рода посредством возрождения средней и высшей школы, борьбе с пьянством, переселенческому вопросу (русских на окраины), противодействием инородческому засилью. Особое внимание было уделено проблеме местного самоуправления в Западных губерниях, выработаны мероприятия по нейтрализации полонизма и католической экспансии²⁰⁵. Состоявшийся в ноябре—декабре 1911 г. Всероссийский съезд СРН и примыкающих к нему монархических организаций в отдельном постановлении «Об инородцах и жидах» предложил дискриминационные меры по борьбе с еврейским засильем в части, касающейся запрета на профессии, а также рассмотрел вопросы духовного и физического спасения русского народа посредством усиления роли РПЦ, организации патриотических школ, борьбы с пьянством. О снижении интереса черной сотни к инородческой проблематике накануне мировой войны свидетельствовало отсутствие постановлений по данному вопросу VI Всероссийского съезда русских людей, состоявшегося в февраля 1913 г.

Декларировавшиеся подходы черносотенцев к национальному аспекту «инородческого вопроса» являлись производной их отношения к проблемам сохранения единства и неделимости Российской империи и первенствующего статуса русской нации. По мнению некоторых исследователей, из-за слабости представленной в программах крайне правых социальной проблематики национальный вопрос должен был затенить этот бросающийся в глаза недостаток²⁰⁶. По нашему мнению, специфика черносотенного подхода состояла в том, что социальные вопросы рассматривались через призму национальных, а разработка национального вопроса шла не за счет, а в тесной связи с социальной проблематикой. Из всех политических партий дореволюционной России только у черносотенцев программа по национальному вопросу была представлена

чрезвычайно подробно, затрагивая все сферы жизни общества. Таким образом, постепенно национальный вопрос занимал первостепенное место в их основополагающих и программных документах, материалах периодической печати, листковой и прочей агитационной литературе.

Новый импульс внимания к инородческой проблематике, в первую очередь немецкому, украинскому, финскому и еврейскому вопросам, придала начавшаяся мировая война, вызвавшая активизацию сепаратистов всех мастей, вынашивавших планы создания собственных государств после поражения России. Состоявшееся в Петрограде в ноябре 1915 г. совещание представителей правых партий и организаций, помимо принятия внушительного блока постановлений по вопросам ограничения прав немецкого и еврейского населения, громко заявило об опасности украинского сепаратизма (т. н. «мазепинства»), охарактеризовав его как наиболее опасный вид сепаратизма²⁰⁷. Совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей в ноябре 1915 г. в Нижнем Новгороде также признало т. н. «украинофильство» явлением крайне угрожающим, имеющим целью расчленение Руси и создание несуществующей «украинской» народности. Поведение «украинцев» в Галиции при отступлении русских войск приводилось в качестве примера их ярой ненависти к России и русскому народу²⁰⁸.

Совещание представителей правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде в ноябре 1915 г. помимо уже известных деклараций по борьбе с немецким и еврейским засильем основное усилие сконцентрировало на критике ревизионизма председателя Отечественного союза В. Г. Орлова, выступившего за коренной пересмотр основополагающих положений черной сотни по инородческой проблематике в сторону признания равноправия национальных меньшинств²⁰⁹. Помимо этого анализ ино-

родческого вопроса и меры его решения разрабатывались в ряде отдельных документов черной сотни. В частности, в подготовленной в сентябре 1911 г. докладной записке правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова отражалась оценка ситуации по еврейскому, финляндскому, польскому вопросам, а также предлагались рекомендации по обустройству межнациональных отношений в империи²¹⁰.

Следует отметить, что изначальный посыл черной сотни при подходе к национальной проблематике состоял в том, что населявшие Россию народы (кроме евреев) не рассматривались перманентными врагами империи и русского народа. На страницах «Русского знамени» председатель СРН А. И. Дубровин заявлял: «Наша тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников»²¹¹. Тем не менее, задачи защиты национальной традиции и сохранения империи определили принцип дифференцированного подхода к инородческой проблематике, посредством деления национальных меньшинств на дружественные и враждебные²¹². В контексте правомонархической доктрины дружественность или враждебность национальных меньшинств определялись не этническим происхождением, а их отношением к властям, делу общегосударственного строительства, единству и неделимости империи и революционному движению.

Сохранившее лояльность устоям традиционного общества мусульманское население Поволжья, Сибири, Средней Азии и ряд других были отнесены к разряду дружественных²¹³. В категорию враждебных попали «финляндцы, поляки, латыши, армяне... а также обитатели Кавказа»²¹⁴, создававшие, по мнению правомонархистов, угрозу христианской и национальной традиции посред-

ством участия в революционном и национально-освободительном (или сепаратистском, как это понимали черносотенцы) движении, подрыве первенства русского народа, проявлявшихся в формах засилья и закабаления²¹⁵. В концентрированном виде претензии к враждебным инородцам были сформулированы в утвержденной в апреле 1907 г. программе Союза русских рабочих людей²¹⁶. Борьба национальных меньшинств за равноправие рассматривалась как покушение на «законные права русских людей» и попытка отеснить русский народ от подобающего ему места народа-хозяина²¹⁷.

Анализ документов и материалов периодической печати показывает, что правомонархисты в качестве приоритетных выделяли четыре вопроса, требовавших немедленного разрешения: еврейский, польский, финский и кавказский. В частности, давая характеристику этим народам, Русское знамя писало: «Жиды и инородцы, особенно поляки и армяне, — заклятые враги русского православного царя и Русской православной церкви»²¹⁸. Каждая из этих проблем имела свою специфику, но объединяло, по мнению черносотенцев, их одно: нанесение враждебными инородцами ущерба государственным интересам Российской империи, что проявлялось в следующих формах.

1. Участие в революционном движении. «В эти проклятые черные дни восстали все племена, покоренные Россией, соединились с тайными изменниками и предателями и закричали: “...Подорвем все, чем сильна была Россия”, т. е. самодержавие, православие, народность... и тогда великая империя развалится», — писала в ноябре 1907 г. черносотенная пресса²¹⁹. Подобная оценка давалась во всеподданнейшем адресе Русской монархической партии, принятой общим собранием 8 августа 1906 г., в котором рисовалась следующая картина: «Насилия, грабежи и убийства широко разлились по лицу Русской земли и грозят залить ее.

Польша находится в огне революции, Закавказье все объято пламенем, юг и запад едва сдерживаются от расправы с евреями...»²²⁰. Обвинение национальных меньшинств в поддержке революции основывалось на подрывной деятельности конкретных организаций, принимавших участие в ее разжигании: «Армянский революционный комитет хозяйствует как хочет на Кавказе. Еврейский Бунд терзает Одессу...»²²¹. Печатный орган СРН газета «Русское знамя» давала такую оценку революции: «Три страшно мучительных года пережила наша исстрадавшаяся вконец дорогая Родина, по сердцу ее проложена нашими исконными врагами — евреями и прочими инородцами широкая кровавая полоса»²²².

Формирование окончательно негативного отношения черносотенцев к конкретным народам в решающей мере относилось к периоду 1905—1907 гг. Это относилось и к полякам, которые в очередной раз революционными выступлениями продемонстрировали свою нелояльность России. В августе 1907 г. академик А. И. Соболевский, выступая перед общим собранием Союза русских людей, заявлял: «Польша готовится к восстанию; там польская молодежь обучается стрельбе, вооружается и проходит цикл военных упражнений. В Юго-Западном крае также будируют поляки»²²³. Революционность поляков проявлялась в забастовочном движении, терроре против представителей органов власти, правоохранительных структур, военнослужащих. В сентябре 1906 г. в своем обращении к населению Русское собрание констатировало: «...2-го августа в Варшаве, Плоцке, Лодзи и других городах Польши, по сигналу трубой, единовременно истреблялись русские солдаты и чины полиции, пострадали сотни частных лиц, осиротели сотни семей, покушались на жизнь генерала Скалона,

ужасно убили генералов Марграфского, Вонлярлярского, Блока и других»²²⁴. По мнению газеты «Русское знамя», польский мятежный дух также проявился в поддержке любых антигосударственных сил: кадетов — за обещание конституции и отделение Польши от России; социал-демократов — за обещание изъять земельную и фабричную собственность русских владельцев и отдать «польской головьбе», евреев — за якобы организацию ими революции и попытку свержения монархии²²⁵.

Особую озабоченность черносотенцев вызывала Финляндия, которая, благодаря своему автономному статусу, в период революции стала местом укрытия революционеров, в т. ч. и террористов, встречавших сочувственное отношение властей Великого княжества. Черносотенцы с фактами на руках доказывали, что Финляндия стала оплотом и рассадником революции, инспирируемой под воздействием geopolитических противников России, в частности Швеции. Причину антироссийских настроений окраины черносотенцы находили в высших кругах финского общества (т. н. «шведоманском кагале»), традиционно связанном крепкими узами со шведскими интересами. Об этом свидетельствовала реакция финской элиты на политику премьер-министра П. А. Столыпина по теснейшему сплочению окраины с империей: «...газетная кампания в духе обособления, протесты сеймовые и митинговые, пассивное сопротивление финляндского чиновничества, возбуждаются не народными стремлениями, а беззастенчивой агитацией шведоманского “кагала”, в нескрываемой надежде добиться, как в 1905 г., полного отступления государственной власти под давлением внешних осложнений и внутренних смут»²²⁶.

В желании вернуться под шведский патронат финские верхи провоцировали революционные выступления в самой России. «Шведоманский “кагал”, стал “центральною

осью”, вокруг которой сплотились русские инородческие революционные организации, “кагал” вел в этой роли свою преступную работу в течение всего смутного периода 1905—1907 гг., а судя по новейшим разоблачениям печати русской и заграничной, сохраняет свое руководящее центральное положение и при нынешней попытке возобновления революционного террора, уже выразившейся убийством П. А. Столыпина», — говорилось в докладной записке Правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова²²⁷.

2. *Участие в сепаратистском движении.* Опыт революции показал, что инородцы представляли огромную ненадежную массу, которая, пользуясь ослаблением центральной власти, проявляет стремление к всемерному обособлению²²⁸. Наиболее остро проблема сепаратизма рассматривалась черносотенцами в контексте финского вопроса. В период революции черносотенцы остро не поднимали финскую проблему, не желая лишний раз раздражать население этой окраины. В частности, состоявшийся в апреле 1906 г. в Москве II Всероссийский съезд русских людей делал мирные заявления: «Указанное местное хозяйственное и общественно-сословное самоуправление Финляндии, в той форме, в какой оно сложилось к настоящему времени, не противоречит русским государственным интересам на этой окраине, а потому не должно вызывать какого-либо вмешательства со стороны общего-сударственных властей»²²⁹.

Серьезным поводом обратить внимание на Финляндию стало заключение в 1907 г. между русским правительством и финскими властями соглашения о взаимной выдаче преступников, которое давало возможность «революционным финнам» расправиться с любым патриотически настроенным русским. Независимость финского суда бросала черносотенцев в холодный пот: по запросу фин-

ской стороны любой подданный империи мог быть препровожден в Финляндию для суда и последующего наказания. Это представляло угрозу для личной безопасности наиболее ярых противников финского автономизма в случае фабрикации уголовного дела. Согласно рисовавшимся крайне правым мрачным картинам «любого... могут обвинить в самом ужасном преступлении», совершенном «будто бы на финляндской территории» (хотя бы вы никогда там и не бывали), «арестовать, отправить под конвоем в Финляндию, судить в финляндском суде по финляндским законам, приговорить и предать смертной казни!»²³⁰.

Катализатором роста ненависти к Финляндии стало рассмотрение приобретшего общероссийский резонанс дела об убийстве депутата Государственной Думы М. Я. Герценштейна в финляндском суде, на котором была озвучена версия о причастности к нему членов крайне правых союзов. В январе 1907 г. Главный совет СРН просил царя «передать дело русских людей, обвиняемых в участии в убийстве Герценштейна, русскому суду, дабы не осталось сомнения, что дело это будет рассмотрено беспристрастно и справедливо...»²³¹. Данная просьба к царю была повторена в августе 1909 г. на общем собрании московских монархистов. В ней говорилось, чтобы «русские люди в пределах Отечества судились русским судом, а не направлялись в Финляндию»²³².

Особенность финской проблематики состояла в использовании сепаратистскими силами законодательно закрепленного и признанного имперскими властями автономного статуса окраины. Наличие в Финляндии собственного денежного обращения (финская марка), администрации, суда, правовой системы, государственного языка (финский), узаконенного неравноправия русских делало положение этой окраины уникальным в составе империи. Социальная и правовая несправедливость фин-

ляндского автономизма проявлялась в том, что, пользуясь правами русских граждан повсеместно в России, финны поставили «русских завоевателей» на своей территории в бесправное положение. Отсутствие на окраине русской цензуры приводило к массовым оскорблением в финской печати членов царской фамилии и беспардонной критике политики Петербурга²³³. В частности, председатель финского сейма Свинхувуд требовал с парламентской кафедры предания русского царя местному суду. Существование потенциально мятежной провинции рядом со столицей империи угрожало и обороноспособности страны в случае «вооруженного с финляндским населением столкновения»²³⁴.

Проблема недопустимости сохранения автономного статуса Финляндии обосновывалась, с одной стороны, соображениями военной безопасности и возможной постановкой новых претензий, в частности, присоединение к ней частей Эстляндской, Петербургской и Олонецкой губерний. С другой стороны, удовлетворение требований финской элиты по расширению границ автономии могло вызвать цепную реакцию со стороны других инородческих окраин. Известная самостоятельность Финляндии, ставшая маяком для остальных окраин и источником непрекращающихся требований предоставления таковой же, подрывало внутреннюю стабильность государства. «...малейшая уступка правительства финляндским притязаниям в смысле остановки или отступления с пути политики государственного сплочения ...привела бы к последствиям... еще горшее вследствие соблазнительного примера для других инородческих сепаратизмов», — предупреждали представители правых партий премьер-министра В. Н. Коковцова в 1911 г.²³⁵

Крайне правые не скрывали, что автономный статус Финляндии повышал уровень претензий со стороны

польской элиты. Не сумев получить самостоятельность в результате мятежей, Польша избрала путь постепенного обособления, но с сохранением возможности эксплуатации России. В случае реализации польских требований Царство Польское оказалось бы в привилегированном положении, так как Россия вынуждена была за свой счет обеспечивать ее безопасность от внешних врагов и служить источником доходов для панов²³⁶. Черносотенцы прогнозировали, что предоставление автономии не принесет в империю успокоения, а лишь разожжет аппетиты поляков, которые предъявят новые территориальные претензии по полному «отбuddованию Крулевства» с присоединением к нему всей западной части России со Смоленском, Киевом и Одессой.

Постоянное будирование проблемы польской автономии повышало и без того высокий градус политической температуры в обществе. Негативное отношение к ней черной сотни усиливалось в связи с сочувственным отношением к притязаниям поляков кадетов и других врагов самодержавной системы, разыгравших польскую карту для раскачивания государственного корабля. Демонстративно вызывающее поведение в Думе депутатов польского кола, показывавших свою абстрагированность от России, вносило неразбериху в работу русского парламента. «Наконец, приступили думцы к решению земельного вопроса. ... А поляки тут же заявляют: “Вы, русские, как хотите, так себе и делите землю а до нас не мешайтесь, вы нам дайте только автономию”... А русские им отвечают: “Если вы не хотите, чтобы мы по-своему вам поделили землю, то мы вам не дадим и автономии”... Ну, словом, поднялось в Думе столпотворение вавилонское, полная неразбериха...», — говорилось в обращении Русского собрания²³⁷. Под предлогом стабилизации ситуации в обществе состоявшийся в 1906 г. в Киеве II Всероссийский съезд русских

людей решительно высказался против автономии Польши, как и вообще против автономии какой бы то ни было из числа инородческих окраин России²³⁸.

Подход идеологов крайне правых при оценке ситуации на Кавказе характеризовался признанием приоритета проблемы армянского сепаратизма. Их пугали армянские притязания на создание автономии с включением в нее ряда русских областей²³⁹. Очагом сопротивления имперским властям выступал расположенный в Эчмиадзине руководящий орган Армяно-григорианской церкви, являвшийся неофициальным центром всей духовной, национальной и политической жизни армянского народа. Ставя целью создание автономии Армении, Эчмиадзин тайно поддерживал сепаратистское движение, идеологическими очагами которого стали армянские приходские общины. Роль исполнительного органа по реализации сепаратистских планов выполняла партия «Дашнакцутюн»²⁴⁰.

3. Подрыв первенства РПЦ и русского народа. Наибольшую проблему с точки зрения подрыва первенства РПЦ и узурпации принадлежавшего русскому народу права привития инородцам базовых ценностей русской цивилизации представляли поляки, которых подозревали в желании воссоздания Польши «от моря до моря» посредством постепенного отделения от империи Литвы, Белоруссии и значительной части Украины с Киевом. Идейной основой польского экспансиионизма являлась «ягеллонова» концепция польской государственности, которая в условиях зависимого от восточного соседа положения трансформировалась в католический прозелизм на территории западно-русских губерний и культурно-бытовое ополячивание белорусских и украинских крестьян²⁴¹. Отчитываясь на состоявшемся в августе 1909 г. в Москве собрании монархистов о результатах поездки в Вильно, о. Макарий давал такую оценку: «Право-

славное население сдавлено польскими тисками и должно отрекаться от своей веры»²⁴².

Притязания поляков, пытавшихся распространить свое влияние и на коренные русские земли, буквально приводили черносотенцев в ярость. «Если где-либо в Твери или Вологде найдется хотя десять поляков, то русский народ обязан будет устроить им польскую школу, костел, содержать для них судью поляка, если они того потребуют, и предоставить им даже собственное самоуправление и средства для того, если они найдут это для себя нужным», — возмущалось в июне 1907 г. «Русское знамя»²⁴³. Требования поляков по предоставлению привилегированного положения в имперской системе, автономии, самоуправления, собственного национального судопроизводства, права открывать повсеместно в империи костелы и польские школы черносотенцы комментировали так: «...не у каждого сумасшедшего может разыграться фантазия до таких размеров; ведь это прямое желание превратить Россию в крепостную вотчину Польши»²⁴⁴.

Остро проблема деструктивной сущности польского экспансионизма встала во время обсуждения Холмского вопроса. В 1911 г. в докладной записке ряда правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова черносотенцы информировали: «... «ягеллоновская» идея и ненависть ко всему русскому за последнее время среди поляков нисколько не ослабели. Необходимость оградить от окончательного ополяченья русскую Холмшину чувствуется все острее и острее по мере того, как неотложное дело это подвергается все новым и новым проволочкам»²⁴⁵. На заседании состоявшегося в сентябре—октябре 1909 г. в Москве Монархического съезда черносотенцы требовали не допустить решения Холмского вопроса в пользу поляков, указывая на имевшие место нападки на православных: «А положение было и продолжает быть крайне натянутым.

Духовенство многократно подвергалось грубым оскорблением, в суде прошел ряд оскорблений... Скоро предстоит крупное судебное дело о панах, которые, охотясь за лисицей, взломали замки у церкви, подняли половицу и затравили лисицу, осквернив церковь кровью лисицы и прострелив образ Божией Матери. Это вопиющее дело получило направление своеобразное — охота в чужом владении без дозволения»²⁴⁶.

Впрочем, черносотенцы питали себя надеждой, что ополячивание не даст серьезных результатов, так как «Польша не переделала этих губерний в течение четырехвекового над ними господства»²⁴⁷. В июле 1908 г. газета «Русское знамя» отмечала, что православный народ трудно сбить с самобытного пути, так как нация перенимает только то, что «соответствует ее духовному складу и чем рече этот склад выразился, тем скорее она перенимает соответствующее ее духовным потребностям и почти совершенно не перенимает чуждой ей по духу цивилизации. Россия в несколько лет переняла религию из Греции, которая соответствовала ее духовным потребностям. Но от католичества и других западноевропейских сект Россия всегда отворачивалась»²⁴⁸.

Не меньшую озабоченность правомонархистов вызвал армянский и финский экспансионизм. Крайне правых беспокоила активность армянских просветительных обществ, «покрывших наряду с “церковными” школами, густою, непроницаемой сетью “народных” школ весь Кавказ», ведших зловредную с русской государственной точки зрения деятельность²⁴⁹. Отсутствие контроля властей за деятельностью просветительских обществ превращало их в инкубаторы по выращиванию сепаратистов.

Черносотенцев третировала деятельность созданного при участии финских националистов Союза беломорских карел, посредством которого осуществлялось навязыва-

нии карелам лютеранства, создание финских школ, библиотек, распространение литературы на финском языке, формирование профински ориентированной прослойки молодежи, что дало возможность финнам «свободно хозяйствовать в беломорской Карелии»²⁵⁰. Крайне правые подчеркивали, что деятельность финского Союза беломорских карел угрожала «отогнуть от Святой Руси» национальные меньшинства, за влияние на которые развернулась настоящая борьба. Главным инструментом здесь выступала религия. Крайне правые отмечали, что Карелия стала теперь для «лютеранских проповедников “обетованной землей”, завоевать которую они всячески стараются»²⁵¹. Фактором, способствовавшим такому положению, являлась пассивность Русской православной церкви, пастыри которой не знали карельского языка и не проявляли должной ретивости в проведении миссионерской работы. Сказывалось и недостаточное финансирование из Центра для создания школ, церквей и распространения бесплатной литературы.

Предложения части национальных элит и оппозиционных политических партий по федерализации и автономизации Российской империи как единственного способа сохранения многонационального государства формировали жесткость подходов черносотенцев к национальному вопросу. По мнению крайне правых, в условиях враждебности национальных меньшинств (армяне, поляки, финны, евреи и т. д.) предоставление автономии окраинам будет использовано в сепаратистских целях²⁵². Предупреждая об опасности распада России на удельные княжества, в октябре 1907 г. «Русское знамя» прямо заявляло: «Автономия — это прямой путь к независимости окраин»²⁵³.

Угроза такого развития событий была весьма высока, так как часть инородцев, согласно листковой литерату-

ре и материалам периодической печати крайне правых, проводила «разрушительную, антигосударственную деятельность» и исповедовала «непримиримую ненависть ко всему русскому», что «слишком наглядно выразилось особенно за время настоящего революционного движения»²⁵⁴. В программных документах идеологи черной сотни указывали, что населявшие империю народы еще не доросли до требований предоставления им уступок. Революция являлась показателем социальной незрелости народов, поэтому обсуждение данной проблематики предлагалось отложить до полного успокоения страны. Всероссийский съезд Русского собрания в феврале 1906 г. заявлял, что «считает необходимым оставить в силе исключительные законы впредь до полного повсеместного восстановления порядка, при котором только и может быть обеспечена истинная свобода»²⁵⁵.

Противодействуя инициативам оппозиционных партий и национальных элит по федерализации и автономизации Российской империи, а также введения равноправия всех населяющих ее народов, идеологи право-монархистов доказывали, что предоставление уступок только разогреет аппетиты нацменьшинств, за которыми последуют все новые и новые требования. Отмечалась характерная тенденция, что любые, даже незначительные, послабления одним инородцам вызывают поток требований со стороны других. Так, предоставленная Финляндии при Александре I самостоятельность в делах самоуправления стала причиной требования автономии со стороны поляков. Газета «Русское знамя» писала: «...за финляндцами поспешили потребовать автономии поляки, за ними потянулись прибалтийские немцы... Одновременно всполошились латыши и тоже сочинили в пику немцам свою собственную автономию. Литовцы тоже заявили желание отмежеваться от России и Польши. Даже между украинца-

ми находятся малоумные сбитые с толку лица, требующие тоже автономии, о Кавказе, Туркестане и говорить нечего, если находятся сумасшедшие, требующие автономии для Сибири, после чего остается только выразить таковое желание всем прежде бывшим удельным княжествам с новгородской республикой во главе»²⁵⁶.

Негативное отношение к автономии базировалось у крайне правых на негативном опыте ее предоставления в прошлом. Либеральная политика в отношении инородцев приводила к непредвиденным последствиям. «При недавно еще действующей, но совершиенно противоположной политике, мы уже видим ее пагубные результаты в почти полном отделении Финляндии, которая в благодарность за дарованную ей самостоятельность усилила до высших размеров всегда таившуюся коварную для России ненависть», — писала черносотенная пресса²⁵⁷.

Заныривания с инородцами вместо ожидаемой благодарности встречались с дальнейшими попыткам ослабить патронаж Петербурга, а также мятежам и восстаниям. Например, при симпатизировавшем Польше Александре I поляки получили автономию и широкие права самоуправления, в частности собственное войско и правовую систему, практически не ощущая на себе давление восточного соседа. Это не стало гарантией от измены, выразившейся в восстании 1830 г.: «... гуманность русских государей послужила для них лишь только средством для более успешной измены, и они передались тотчас во власть врагу России»²⁵⁸. Лишив Польшу самоуправления и войска, русское правительство не отказалось от намерения привлечь поляков в лоно русской государственности, открыв им широкий доступ в войска и на гражданскую службу. И эта попытка оказалась неудачной. Восстание 1863 г. похоронило последние надежды сделать из родственного славянского племени сводного брата русского народа²⁵⁹.

Наряду с недопустимостью удовлетворения требований инородцев об автономии соседствовала убежденность в неприемлемости предоставления им и национально-культурного самоуправления, под которым в начале XX в. понималось сознательное обособление, выделение народности в национальную группу согласно отличительным особенностям «быта, мировоззрения, религии, воззрений на государственный и общественный строй, язык, даже темперамент и степень трудоспособности и энергии», а также «науки, искусства, литературы, техники, промышленности, торговли, ремесел...»²⁶¹. Крайне правые предупреждали, что размытость сути и неопределенность границ данного понятия может представлять соблазн для сепаратистов. Реализация плана отделения рисовалась следующей: начавшись с создания безобидных благотворительных, гимнастических и просветительских союзов, обособление постепенно проникнет в официальные и общественные учреждения (городские и земельные самоуправления), где завоюет почву для реализации национальной и территориальной автономии с собственным законодательным органом. Далее последует расширение прав автономии вплоть до создания собственного государства.

Для доказательства возможности такого развития событий приводился пример европейских государств: «Венгрия когда-то была вполне подчинена Австрии, а ныне она связана с нею лишь унией...»; «Норвегия прежде составляла одно целое со Швецией. С недавнего же времени, отделившись от нее, образовала вполне самостоятельное королевство». Черносотенцы предлагали обратиться и к собственной истории. Финляндия «по присоединении к России... имела весьма немногие привилегии в национальном отношении. С течением же времени, развивая все более и более право на свое “национально-культурное самоопределение”, она достигла столь широких авто-

номных прав, что ныне стала уже требовать собственную, финляндскую, государственность, связанную с Российской державой лишь добровольной унией»²⁶¹.

Таким образом, черносотенцы оказывались перед дилеммой: «Выходит, с одной стороны, никак нельзя признавать за инородцами безграницных прав в отношении “национально-культурного самоопределения”, а с другой — и ограничение этих прав кроме огромнейшего зла ничего другого не принесет. Благоразумной середины тоже нет, ибо она есть не что другое, как та или иная степень ограничения в указанном отношении»²⁶². Находился простой выход в сохранении статус-кво, а именно: не давать инородцам никаких законодательством установленных прав национального самоопределения за исключением сохранения национальной идентичности в «домашнем и строго частном быту», чтобы «немец оставался немцем, поляк поляком, армянин армянином и т. д.»²⁶³. Вопросы государственного строительства, земских, городских самоуправлений и прочих общественных учреждений, суда и школ должны находиться только в руках русского государства. По мнению крайне правых идеологов, для большинства инородцев вопрос об национально-культурном самоопределении вообще не стоял, так как они не обладали собственной культурой. Например, указывая на серьезное проникновение польского языка в литовскую литературу, черносотенцы удивлялись: «Разве это культура? Это просто какое-то пассивное и бессознательное самоополячивание»²⁶⁴.

Черносотенцы исходили из убеждения, что только в рамках единой империи гарантированы внутренний национальный мир и внешняя безопасность. В апреле 1907 г. «Русское знамя» перечисляло выгоды, полученные инородцами от вхождения в единое государство: прекращены межплеменные войны, установлены законность

и строгий порядок, пресечено своеволие национальных элит, окраины постепенно приобрели благоустроенный вид, росло материальное благосостояние населения²⁶⁵. На примере Польши черносотенная пресса показывала, что благодаря экономической политике русского правительства в Польше крестьяне получили земельные наделы, а польская промышленность — защиту от иностранных конкурентов, что дало заработок сотням тысяч промышленникам-полякам и полякам-рабочим²⁶⁶.

В рамках Российской империи слабые народы сохранили национальную идентичность и обеспечили перспективы своего выживания. В частности, с учетом убежденности правомонархистов в исторической неизбежности потери Польшей самостоятельности утверждалось, что родственному племени повезло оказаться под крылом братского славянского народа, а не немецких соседей (Австро-Венгрии и Германии) и тем спастись от полного онемечивания²⁶⁷. Черносотенная пресса неоднократно указывала польским сепаратистам, что залогом нормального развития Польши является сильная Россия, будучи преградой от германской волны²⁶⁸.

Российская империя спасла и грузинский народ. В июле 1907 г. газета «Русское знамя» писала: «Надо подивиться хитрости революционеров, сумевших одурманить хотя бы грузин настолько, чтобы заставить их забыть прошлое своей несчастной родины, бывшей лакомой добычей для всех разбойников, заставить забыть Грузию, что только заступничество России сохранило ее жителей от поголовного истребления...»²⁶⁹. От турецкого геноцида были защищены и армяне: «Для благополучия Армении Россия необходима: защита извне... — вот в каком отношении нужна Россия Армении, и только в такой роли признают Россию армяне»²⁷⁰. Национальные меньшинства призыва-

лись «за честь и благо принадлежать к составу Российской империи и не тяготиться своей зависимостью»²⁷¹.

В целом крайне правые на страницах своих документов и периодической печати доказывали, что пребывание инородцев в составе империи приносит серьезные экономические блага и выгоды, а именно: безопасность, экономическое процветание, доступ к материальным и культурным ценностям других народов, прежде всего русского. Критикуя сепаратизм, федерализм и автономизм, состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд объединенного русского народа заявлял: «Окраины должны быть приведены к убеждению, что... теснейшее их единение с коренною Россией, служащее залогом ее безопасности, благосостояния и развития, еще более необходимо для блага и мирного преуспевания самих инородцев»²⁷². Черносотенцы указывали, что твердая русификация политика Александра III, направленная на большее единение Финляндии с Россией, привела к расцвету окраины: «...объединительная политика отнюдь не отразилась неблагоприятным образом ни на культурном и экономическом развитии края, ни чувствах к России его населения, если не считать слабой численно, но влиятельной кучки шведоманской олигархии»²⁷³.

Наоборот, следствием ослабления контроля Центра являлся рост противоправных проявлений, нарушение нормального хода экономической жизни, что, в первую очередь, сказывалось на благосостоянии низов общества: «...период роста финляндского сепаратизма, когда при Н. Н. Герарде и Лео Михелине Финляндия жила почти без вмешательства и контроля общегосударственной власти, в самом этом крае ознаменовался поразительным ростом террористических и общеуголовных преступлений, огрублением нравов и крайне ощутительным понижением экономического благосостояния»²⁷⁴.

Тезис о выгодности нахождения в империи соседствовал с утверждением о неспособности инородцев к самостоятельной государственной жизни. Предлагаемые инородческими сепаратистами идеи создания малых государств не выдерживали, с точки зрения крайне правых, никакой критики. В частности, неспособность Финляндии существовать в качестве суверенного независимого государства доказывалась следующими аргументами, изложенными в составленной в 1911 г. докладной записке правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова²⁷⁵.

С одной стороны, окраина строила свое благополучие за счет неограниченного рынка сбыта производимой продукции на территории всей империи, с другой — находилась на содержании у России, ежегодно получая значительные финансовые вливания. Заинтересованность финнов в «русском работодателе» подтверждалась и историческими фактами, которые приводились на страницах официальных документов крайне правых: «... на Выборгском сейме 1809 г., где, по финляндским лжеучениям, будто бы было положено основание Финляндскому “государству”, земские чины выразили совершенно определенное положение о введении в крае русской монеты вместо шведской, дабы в монетном отношении Финляндия не отличалась от прочих русских “провинций”. Что в 1822 году генералы и офицеры финских войск просили, как особой милости, разрешения делить боевую службу русской армии под знаменами империи»²⁷⁶. Таким образом, делался вывод, что из-за недостатка собственных природных ресурсов Финляндия в рамках империи ведет паразитическое существование, а ее благосостояние основывалось не на производительном труде, а за счет предоставленных нахождением в многонациональном государстве преимуществ.

Обращаясь к историческим примерам, крайне правые утверждали невозможность существования в независимом

статусе и польского государства²⁷⁷. Среди основных причин, предопределивших потерю Царством Польским независимости, назывались следующие.

Во-первых, некачественность ее элиты, недостатки которой не были компенсированы сильной монархической властью. Нежелание шляхты в прошлом поступиться собственными привилегиями ради укрепления государства, попустительство евреям и немцам в захвате экономики страны подточило основы польского государства, павшего под ударами соседей. Свою роль сыграла продажность шляхты «громко кричавшей о своей любви к “Отчизне” и открыто продававшей свою Родину шведам, саксонцам, австрийцам, французам и туркам»²⁷⁸. Отсутствие государственного и национального сознания не позволило выдвинуть на арену борьбы за независимость героев, подобных Жанне д’Арк или Минину и Пожарскому. Наследницей польской шляхты стала польская интеллигенция, проявлявшая черты «недоброй памяти польских сеймов: гонор, громкие слова, необузданность, невежество и полное отсутствие любви к Родине»²⁷⁹. Утрата Польшей независимости не стала для польской элиты уроком, чья мятежная деятельность приводила только к дальнейшей минимизации прав самоуправления и широких привилегий, полученных окраиной после входления в империю.

Во-вторых, причиной польской трагедии стала ее многовековая антироссийская политика, испытывавшая терпение обретавшего могущество восточного соседа. «Не упрекайте кроме самих себя в ее гибели. Не утешайтесь ребяческим лепетом, что ...вероломство соседей помешало ...существованию королевства», — обращались к польским националистам черносотенцы на страницах «Русского знамени»²⁸⁰. Агрессивная политика Польши в прошлом вызвала ответную реакцию русского государства, возвращившего захваченные Польшей русские земли, подвергав-

шиеся религиозному и экономическому гнету. Обосновывая разделы Польши, черносотенная пресса утверждала, что Россия восстановила историческую справедливость: «Царство Польское есть красный мыльный пузырь, что оно состоит только из крохотного клочка собственно Польши, а все остальное огромное пространство есть русские, славянские и литовские земли, когда-то Польшей завоеванные и ничего общего с ней не имеющие»²⁸¹. К разделам Польши «под польскими королями едва ли состояла четвертая часть народонаселения польского, против русского и литовского народонаселения», которые проживали в Восточной Галиции и Литве, в большинстве своем заселенных русскими²⁸². Газета «Русское знамя» делала вывод: «Очевидно, что Россия, заняв провинции по Бугу и Неману, Польши некоснулась. Она возвратила свое древнее достояние, — достояние св. Владимира, составившее Литву после татарского погрома. Настоящая Польша и даже важные русские провинции разделены между Пруссией и Австрией»²⁸³. Подобными историческими изысками черносотенцы пытались переориентировать усилия поляков на отвоевание у Германии и Австро-Венгрии собственных земель и нейтрализовать попытки полонизации восточных территорий.

Рассматривая польскую катастрофу как результат векового славянского спора о лидерстве, разрешавшегося потоками крови, крайне правые напоминали полякам об упущенном историческом шансе стать во главе всех славянских народов, невозможности повернуть историю вспять, необходимости смириться с существующим положением вещей: «В разрешении этого спора главную роль играют русские силы, а потому русским принадлежит решающий голос...»²⁸⁴

По мнению крайне правых идеологов, сохранение империи в унитарном варианте позволило бы укрепить

государственность и действенность административного аппарата, обеспечить возвращение к строгому порядку, восстановить попранные революцией легитимность законов, создать условия для роста благосостояния и дальнейшего поступательного развития населяющих Россию народов²⁸⁵. Еще в декабре 1905 г. в обращении только что созданного СРН утверждалось: «Единство и нераздельность Российской империи и незыблемость основных начал русской государственности ... может дать безусловные гарантии прочного правового порядка в таком разноплеменном государстве, как Россия»²⁸⁶.

Желая остыдить головы сепаратистски настроенным инородческим элитам, черносотенцы предупреждали, что полная или частичная реализация их планов по разрушению Российской империи неизбежно выльется в царство анархии и взаимного истребления, приведет к культурному, хозяйственному и политическим регрессу и созданию «государств в государстве». Истинный инородческий патриотизм, по мнению черной сотни, должен проявляться не в попытках отделиться и отвоевать кусочек автономии, а в единении с Россией, укреплении внутриимперских экономических связей в целях извлечения конкретной выгоды для самих инородцев. Полякам советовали: «Развивайтесь и богатейте под сенью братского народа, но не стройте карточного домика польской автономии. Будьте русскими людьми, и тогда ни польский говор, ни католическая религия не будут пропастью лежать между русским и поляком»²⁸⁷. Общее экономическое пространство, лишенное границ и таможен, с единым законодательством могли бы стать хорошей основой для роста народного хозяйства, торговли и благополучия населяющих империю народов. Сепаратисты, ратовавшие за отделение от России, шли в разрез с собственными национальными интересами: «С народом, любящим свою

родную землю и дорожащим ее благополучием, говориться легко уже потому, что он поймет, что ему выгодно не ссориться с нами»²⁸⁸.

В официальных документах правомонархических организаций утверждалось, что существование империи выгодно с политической, экономической и оборонной точек зрения, так как траты подданного на финансовое обеспечение функций государства обходятся дешевле. Утверждалось, что если маленькие страны вынуждены нести огромные расходы на содержание госаппарата, то всем губерниям России выгоднее иметь одно правительство, дипломатию, армию и т. д. Империя обходилась дешевле. «Нет необходимости разбиваться на части, как разбита земельно и народно маленькая Европа», — говорилось в «Своде основных понятий и положений русских монархистов», принятом в мае 1912 г. IV съездом СРН и V Съездом русских людей²⁸⁹.

Федерализация представлялась нецелесообразной в связи с повышением экономического бремени на коренной русский центр, который сам нуждался в финансовых средствах для развития. Крайне правая пресса предупреждала, что автономии будут выкачивать из коренной Руси ресурсы, в то время как державный народ вынужден будет за свой счет обеспечивать безопасность страны от внешних врагов и служить источником доходов для национальных элит²⁹⁰. Указывалось, что пользовавшаяся неоправданными привилегиями Финляндия за время нахождения в составе империи «разжирела и отъелась на русских деньгах, за счет русской крови, русского пота». На требование депутатов II Государственной Думы от польского кола предоставить польскому краю право распоряжаться собственными денежными средствами министр финансов ответил, что привисленский край «поглощает больше средств, чем приносит дохода»²⁹¹.

Невозможность изменения имперского национально-государственного устройства страны на страницах право-монархических документов объяснялась также сложным геополитическим положением. Ослабление центральной власти и перенос значительной части полномочий на автономные окраины могли привести к усилению в региональных и мировых масштабах влияния враждебных России государств (Германии, Австро-Венгрии, Турции и др.), которые воспользовались бы выпавшим шансом использовать получившие свободу рук территориальные новообразования в своих военно-политических играх. Автономия прибалтийских губерний значительно усилила бы Германию на северо-западе, так как остзейские бароны несомненно пожелали бы присоединиться к «общему фатерлянд»²⁹². Обретшая независимость Финляндия попала бы под влияние Швеции²⁹³. Самостоятельная Армения не просуществовала бы «долее дня провозглашения этой самостоятельности, не сделавшись добычей соседей в тот же день»²⁹⁴.

В случае отпадения от Российской империи Польша неизбежно была бы поглощена Австро-Венгрией или Германией. Ставшую немецкой колонией Польшу ожидала бы судьба Моравии и Чехии, подвергавшихся планомерному онемечиванию. Перенесение границ немецких государств за счет польских территорий на восток привело бы к усилению их военно-стратегического положения на кануне прогнозируемой мировой войны. По мнению черносотенцев, здравый подход к проблеме автономии проявляли прибалтийские низы, отказавшие своим верхам в поддержке сепаратистских требований, понимая, что в случае независимости они сделаются легкой добычей Германии²⁹⁵. Указывалось, что игры в федерализм могли позволить себе страны в условиях абсолютной безопасности государства. Например, окруженные двумя океанами

Соединенные Штаты Америки, имевшие естественные препятствиями от враждебных пополновений.

Правомонархисты утверждали, что путь автономии мог привести к распаду империи, подрыву силы и престижа России и созданию на окраинах государств, которые будут представлять «злых и более опасных ...врагов, чем любые азиаты»²⁹⁶. Черносотенная пресса указывала, что при получении окраинами послаблений от центральной власти у национальных элит неизбежно возникнет желание отомстить за многовековое унижение. В частности, газета «Русское знамя» писала, что Россия «не найдет верного и надежного союзника в самостоятельной Польше, наоборот, новое государство останется верным своей антирусской позиции»²⁹⁷. Соседство двух держав, не отделенных естественными границами, приведет к кровавым военным столкновениям, которые закончатся поражением Польши и восстановлением ее положения в качестве российской провинции.

Недопустимость федерализации и автономизации Российской империи с последующим ее распадом обосновывалась черносотенцами неизбежными кровавыми конфликтами, которые вспыхнут между новыми государственными образованиями. Если в борьбе с русским империализмом инородцы проявляли склонность к объединению, то при предоставлении окраинам большей свободы неизбежно произойдет размежевание. «Россия представляет конгломерат целой массы отдельных народностей, почти ничего общего не имеющих, стоящих на различных ступенях культуры и преследующих далеко не одинаковые интересы», — предупреждало «Русское знамя» в июле 1907 г.²⁹⁸ Попытки более сильных инородцев покорить слабых приведут к вооруженному сопротивлению со стороны последних, а следовательно, анархии, расправам, войнам и самоистреблению народов. В феврале

1911 г. «Русское знамя», писало, что интересы проживающих в России народов «непримирамы, так как каждая народность желает господствовать»²⁹⁹.

Крайне правая печать язвила, что если бы все территориальные вожделения сепаратистов сложить вместе, то для их удовлетворения не хватило бы и двух Российской империй: «Уверенность в осуществлении автономной Армении до Ростова-на-Дону укоренилась в головах армян столь же твердо, как всосалась в плоть и кровь поляков твердая уверенность в воссоздании Польши “от моря до моря”³⁰⁰. На правильность таких оценок указывал и опыт существования Польши как самостоятельного государства, которая на протяжении веков осуществляла захваты и грабеж окружающих территорий³⁰¹. Черносотенная пресса напоминала, что для покоренных народов поляки являлись более жесткими завоевателями, чем русские. Даже в случае распада Российской империи перспективы Польши будут безрадостными: на западе польские амбиции столкнутся с Германией, которая «никогда не поступится своими польскими провинциями», на юге и западе — с сопротивлением православного населения Белоруссии и Украины, не желавших возвращаться в зависимое положение³⁰².

По прогнозам крайне правых идеологов, получившие самостоятельность окраины подвергнутся постепенному экономическому и культурному поглощению более сильными соседями. Подтверждение возможного развития событий в данном направлении черносотенцы находили в современной им России. Попытки вовлечения в орбиту своего влияния и подчинения более слабых народов проявлялись как раз со стороны имевших определенную самостоятельность инородческих окраин. В частности, Финляндии — на Карелию, а Польши — на белорусские и украинские территории³⁰³. При расширении самостоятельного статуса финской и польской окраин их полити-

ческое, религиозное, культурное и экономическое подчинение соседних областей значительно бы усилилось.

Данный процесс привел бы к потере находившихся на более низкой ступени социального и экономического развития инородцами своей национальной идентичности. В качестве примера крайне правая пресса приводила онемечивание и окатоличивание славянских племен, ранее проживавших на побережье Балтийского моря (вплоть до Дании и Голландии). В своих исторических изысканиях крайне правые публицисты приходили к парадоксальному выводу о том, что немцы и есть славяне: «Ганновер, Саксония, Пруссия, Мекленбург, Шверин, Ольденбург — все это онемеченные славяне, утратившие свой язык»; «они (немцы — *M. P.*) расселились на славянской земле и превратили северных славян в немцев»³⁰⁴.

Доказывая тезис о неизбежности поглощения сильными нациями слабых этносов, черносотенцы выдвинули идею об «искусственных» народах, целенаправленно селекционировавшихся для реализации геополитических задач. В частности, прибалтийские народы, по утверждению черносотенной прессы, имели славянское происхождение и были насилием превращены немецкими и польско-католическими культурегерами в литовцев, латышей и эстонцев³⁰⁵. Привитие принадлежности к новому этносу сопровождалось уничтожением славянской памяти, заменой языка, религиозных верований и культуры. Газета «Русское знамя» писала: «...немцы показали себя: старославян вендов произвели в латышей-литовцев, составили им азбуку с немецкими буквами и начали разрабатывать и обрабатывать какую-то особую литовскую разновидность, которая живет не только в Лифляндии, Курляндии, но и в Витебской губернии...» Цель деятельности немецких просветителей была черносотенцам понятна: «...убить славянское самосознание и возродить какое-то латышское,

чуждое и враждебное всему русскому» для дальнейшего присоединения этих земель к Германии. Указывалось, что подобную методику немцы практиковали и в других регионах Европы. «Создав в России “латышей” и “украинцев”, немцы на балканском полуострове создают “албанцев” из сербов и греков», — писала черносотенная пресса³⁰⁶.

Показательно, что появление «мазепинского» движения, целью которого являлось отчуждение украинцев от русских, также рассматривалось черносотенцами как попытка Австрии и Германии создать новый «искусственный» украинский народ для ослабления восточного соперника и утверждения своего господства в Малороссии и Новороссии³⁰⁷. Бурное развитие в начале XX в. украинской культуры и, в частности, языка рассматривалось как результат кропотливой работы немецких культурегеров, о чем со страниц черносотенной прессы звучали следующие заявления: «Австрийцы, как известно, создали особый “украинский” язык из смеси слов латинских, немецких, польских с малорусскими окончаниями и при помощи денег, угроз, подкупов и наград ввели не только в Галиции, Подолии, но и в Юго-Западной Руси, где в Киеве много лет украинофильствующие люди управляли разными заведениями и учреждениями»³⁰⁸. В связи с тем, что черносотенцы расширительно трактовали термин «русский народ», включая в его состав украинцев и белорусов, это давало им основание квалифицировать украинофильство («мазепинство») как национально-государственную «измену», ставившую цель подчинить Украину Австро-Венгрии в обмен на автономию.

Крайне правые утверждали, что защита интересов русского населения и обеспечение первенства русского народа в «инородческих землях» могли быть осуществлены только в рамках «единой и неделимой» империи. Федерализация была чревата неизбежным ущемлением прав рус-

ского населения на окраинах, так как неизбежно привела бы к повышению правового статуса инородцев и экономической дискриминации русского населения. Черносотенцы ссылались на примеры имевших особый статус самоуправления в рамках империи Финляндии и Польши, где славянское население (украинцы и белорусы) находилось в неравном экономическом и политическом положении. Предсказывалось, что закабаление инородцами русских не будет сдерживаться общероссийскими законами и приобретет хищнический характер. В частности, требование автономии Польши черносотенцами интерпретировалось как желание польских панов вернуть утраченное право грабить православное население западных губерний: «...покоренные нами поляки не только посягают на нашу православную веру, но хотят отобрать завоеванные земли, облитые родной кровью веками победоносного русского воинства»³⁰⁹.

Автономия таила и другую опасность — рост ненависти к метрополии и русскому народу, попытки политическими средствами выказать месть за былое национальное унижение. На заседании Монархического съезда, состоявшегося в сентябре 1909 г. в Москве, рисовались неприглядные перспективы: «В руках небольшой кучки поляков будет не только материальная сила и распоряжение экономическою жизнью русского населения, но и все культурные силы — школы и народное образование. Скажите сами: что придется нам делать тогда?»³¹⁰ Черносотенцы не исключали и массовых убийств русского населения. На автономных окраинах возможности центральной власти по отстаиванию интересов народа-хозяина были бы ограничены. Это противоречило основной функции государства, задача которого, по мысли крайне правых, должна была состоять в том, чтобы «самоуправление нигде не клонилось к ущербу

русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических»³¹¹.

Черносотенцы апеллировали к памяти жертв, принесенных русским народом в лице лучших его представителей в процессе создания Российской империи: «Огромное Русское государство создалось в течение многих веков кровью, потом, страданиями и лишениями, умом и сердцем русского народа, неутомимого в труде и созидающей работе, любвеобильного и снисходительного к друзьям и врагам. Это — неопровергаемая, никогда непоколебимая истина»³¹². Требования либеральных и революционных партий о федерализации и автономизации России воспринимались черной сотней как предательство памяти русских воинов, отдавших жизни в процессе «собирания земель». Именно поэтому в программе СРН на выборах во II Государственную Думу требовалось, чтобы «завоеванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства»³¹³.

Целостность государства рассматривалась крайне пра-выми как идея, способная объединить различные группы населения в борьбе за сохранение территориального наследия и традиций страны. Второй пункт программы и устава Союза Михаила Архангела гласил: «Сила Родины кроется в сохранении неделимой целости государства Российского... а также в братской поддержке русскими всех сословий и состояний, друг друга, везде и всюду, как в духовном, так и в материальном отношении»³¹⁴. Подчеркивалось, что забота о единстве страны является делом всех государственных и общественных структур, всех слоев и классов российского общества. Особую надежду они возлагали на депутатов Государственной Думы, которым наказывали, чтобы «выборные в Государственную Думу... заботились о целости и неделимости России». Исходя из вышеизложенных соображений, черносотенцы отверга-

ли даже возможность обсуждения вопросов, связанных с пересмотром государственных границ империи. Любой отход от данного положения рассматривался как идеологический подрыв.

Таким образом, после подавления первой российской революции пристальное внимание черной сотни к вопросу сохранения Российской империи было связано с деструктивной деятельностью оппозиции и части национальных меньшинств, создававших угрозы существования единого многонационального государства. Исходя из необходимости сохранения единства страны, они стремились во что бы то ни стало сохранить унитарное государственное устройство империи и не допустить ее федерализации в какой-либо форме. Для крайне правых союзов понятия «самодержавная Россия» и «единая империя» были нераздельны, так как обеспечивали выживаемость русского народа и его базовых ценностей. Сохранение неограниченной монархии обосновывалось необходимостью защиты внешних рубежей страны, обеспечения внутренней безопасности, развития экономических связей, восстановления строгой законности и порядка³¹⁵.

§ 3. Первенство русского народа как защита национально-государственных устоев

Исходившие со стороны космополитической бюрократии, либерального и революционного лагерей, а также сепаратистски настроенных национальных меньшинств угрозы первенству РПЦ, самодержавным устоям и целостности империи вызвали ответную реакцию консервативного лагеря. Дисбаланс между ролью русского народа как становового хребта империи и его реальным положением, проявлявшимся в отсутствии видимых преимуществ по сравнению с жителями национальных окраин (прежде

всего Финляндии), давало черносотенцам основание говорить об отсутствии в стране «инородческого» вопроса и наличии русского, вызванного «антинациональной» политикой «космополитической» бюрократии³¹⁶ и усилением национализма народов Российской империи, принявшего в ряде регионов (Польша, Кавказ) сепаратистский и воинственно русофобский характер³¹⁷.

Сотням разновекторных программ реформирования страны была противопоставлена концепция практической реализации первенства русского народа, под которым в правомонархической трактовке понимались законодательно закрепленные приоритетные права носителей православно-монархических убеждений в религиозной, политической, социальной, хозяйственной и военной сферах³¹⁸. Кратко определение первенства русского народа было дано в утвержденной в апреле 1906 г. программе Союза русских рабочих людей: «Она (русская народность. — *M. P.*) одна должна обладать всею полнотою прав государственных и гражданских; вера ее — господствующая, ее голос в государственном строении — решающий, ее общий язык — господствующий и обязательный во всех концах державы Российской»³¹⁹.

Проблема восстановления приоритетного статуса русского народа в империи и возвращение носителям русских базовых ценностей стратегических позиций в государстве обуславливались присущей консерватизму функцией защиты национальной традиции. Именно в сохранении и всемерном развитии первенства русского народа как государствообразующего этноса — носителя базовых ценностей русской цивилизации черносотенцы видели залог крепости государства и империи. В концентрированном виде это положение было зафиксировано в уставе Союза Михаила Архангела: «Русскому народу как основной единице, сгруппировавшей около себя покоренных русским

оружием и добровольно присоединившихся под защиту его разных инородцев, принадлежит по праву первенству-
ющее, господствующее значение во всей государственной
жизни, а тем более в совершающихся государственных со-
зидательных преобразованиях»³²⁰.

При подходе к проблематике русского народа черносотенцы исходили из базовых консервативных постулатов, утверждавших естественную иерархию народов в зависимости от их вклада в дело общегосударственного строительства. Первенство над более малочисленными и слабыми народами исходило из тезиса, что никакая из населяющих империю народностей не могла претендовать на выполнение функции структурообразующего народа. При всем многообразии населявших Россию народов только русские могли занимать исключительное положение как создатели государства и строители империи. Все остальные народы могли пользоваться общими правами, но до тех пор, пока это не задевало общегосударственных интересов³²¹.

Идея первенства русского народа, базировавшаяся на признании за ним особой миссии как государственно-образующего компонента Российской империи, доказывалась следующей системой аргументации.

Во-первых, черносотенцы выдвинули тезис о державности русского народа, обуславливавшейся наличием особых качеств, позволявших ему стать становым хребтом государства³²². К ним, в частности, относились интегративные способности русских, наличие у них особых психологическими черт: благодушия, доверчивости, гостеприимства, милосердия, миролюбивости, самопожертвования, уживчивости, сострадания, терпимости, обусловленных религиозностью и идеализмом воззрений³²³.

Во-вторых, исторической ролью русского народа в создании государства, собирании земель и защите их от

внешних противников³²⁴. В черносотенных документах роль русского народа в создании государства и империи подчеркивалась различными терминами: «строитель», «создатель», «созидатель», «строитель».

В-третьих, мессианизмом русского народа, который, по мнению правомонархистов, как носитель истинной веры («народ-богоносец» в терминологии Ф. М. Достоевского) должен был привить духовно и культурно отсталым инородцам и отказавшимся от христианских принципов народам Запада истинные ценности православия, духовности и христианского братства³²⁵.

В-четвертых, необходимостью обеспечения стабильности в Российской империи, ответственность за которую был способен взять только русский народ, который в огромном межнациональном государстве мог преодолеть центростремительные тенденции и объединить все «население царства Русского под единым скипетром и державою»³²⁶.

Черносотенцы не ограничивались громкими лозунгами о первенствующей роли русских как носителей уникальных державных качеств. Реализация первенствующих прав рассматривалась как общегосударственная задача³²⁷, которая должна была проходить на законодательно закрепленной основе³²⁸. Черносотенцы постоянно подчеркивали, что в условиях бессилия власти главную роль в национальной консолидации должен был сыграть сам русский народ. Первым шагом в данной связи представлялось необходимым четкое осознание массами своих национальных интересов в деле защиты «достоиния государства Российского», а также «разграничении интересов русских и инородцев»³²⁹.

Показательно, что адресатом большинства листовок и прокламаций являлись именно «русские люди», а не ставшие впоследствии популярными обращения «российский

народ», «россияне» и т. д. Призывая русский народ к политической активности, черносотенцы проявляли известную смелость, так как бросали вызов административному аппарату, на протяжении веков подавлявшему любую инициативу «снизу» и державшему подданных в плотных бюрократических тисках.

Анализ программных установок правомонархических организаций показывает, что к предлагаемым мерам восстановления первенствующего статуса русского народа относились: политico-государственная русификация, первенство русского языка, ограничение влияния национальных меньшинств на выработку политических решений в органах исполнительной и законодательной власти, ограничение самоуправления окраин, ликвидация привилегированного статуса Финляндии и Польши и т. д. Впервые указанные меры продекларировал состоявшийся в феврале 1906 г. в Санкт-Петербурге I Всероссийский съезд Русского собрания³³⁰, более развернуто данные принципы сформулировал состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд Объединенного русского народа³³¹. Рассмотрим их подробнее.

Важной мерой реализации первенства русского народа и противодействия инородческому сепаратизму должна была стать политico-государственная русификация национальных меньшинств. Правильному пониманию характера русификаторской политики крайне правых поможет обращение к базисным истокам черносотенной идеологии. Возникнув как консервативное движение, черная сотня противодействовала разрушению сложившейся политической и социальной структуры традиционного общества. Проявившийся в революционные годы инородческий национализм, обосновывавший право национальных меньшинств на независимое существование и служивший идеологической основой сепаратизма, пред-

ставлял угрозу целостности империи. Тренд на изоляционизм и дистанцированность народов друг от друга в корне противоречил идею русского консерватизма об «объединении всего населения царства Русского под единым скопетром и державою»³³².

Специфика подходов крайне правых к проблеме привлечения инородцев к русскому культурно-историческому сообществу ограничивалась рамками политico-государственной формы русификации, целью которой являлось признание национальными меньшинствами приоритета базовых ценностей русской цивилизации (православие, самодержавие, народность) в качестве общегосударственных и слияние их национальных интересов с приоритетами Российской государства. Разъясняя смысл русификации, в мае 1909 г. газета «Русское знамя» отмечала, что под ней надо понимать объединение «различающихся по языку и обычаям российских граждан в одно целое», создание общероссийской гражданственности на базе объединения инородных граждан с господствующей народностью³³³. Через два года газета уточнила, что в результате русификации инородцы должны были признавать своим отечеством единую Россию, а не малую родину, имеющую обособленные интересы³³⁴. Здесь черносотенцы противопоставляли классическому национализму, под коим понимали верность только своему народу, свой патриотизму — преданность общему Отечеству³³⁵.

Отличительной чертой черносотенного толкования русификации являлось сохранение инородцами собственной культурно-бытовой самобытности. Реализуя политическую русификацию, черносотенцы не ставили цели сознательного насаждения культурных и бытовых свойств державной нации. Ю. И. Кирьянов подчеркивал, что СРН не желал нарушать самобытность населяющих Российскую империю нерусских народностей и оставлял

неприкосновенными их веру, язык, быт, благосостояние и землю, а также признавал особую общность для народностей, живущих на окраинах и имеющих там свою коренную и определенную племенную оседлость³³⁶. Наконец, Союз русского народа заявлял, что все нерусские народности, имеющие исконную племенную оседлость в коренной России и живущие извечно среди русского народа, он признает равными себе, своими верными и добрыми соседями, друзьями, сородичами, причем из иноверцев выражал свое благорасположение мусульманам.

В связи с тем, что правомонархическая идеология носила охранительный и оборонительный характер, под русификацией нельзя понимать ассимиляцию инородцев из-за возможного возникновения обратного влияния — ассимилируемых на ассимилирующих. Черносотенная пресса неоднократно писала о том, что полная культурно-бытовая русификация нецелесообразна в связи с угрозой перерождения исконно русских духовных начал³³⁷. С точки зрения консервативного подхода к определению понятия «истинно русский человек», под которым понимался православный монархист, необходимости в кровном всесмешении не было. Выражение «обрусить инородцев» означало не ассимиляцию их русскими, а превращение их в истинных защитников российского политического строя³³⁸. С учетом того, что основные принципы правомонархической русификаторской политики формировались в условиях борьбы с революционной и сепаратистской деятельностью национальных меньшинств, именно поэтому основным объектом идеологического влияния должны были стать недружественные инородцы. Русификация рассматривалась не как право сильного народа ассимилировать покоренные народы, но как выполнение цивилизаторской миссии и возложенной свыше исторической обязанности³³⁹.

Реализация программы по приобщению национальных меньшинств к российской государственности должна была осуществляться посредством мер законодательного регулирования. Указывалось, что при проведении русификации недопустимы либерализм и попустительство ино-родцам, воспринимавшимся последними как слабость, что неизбежно заканчивалось мятежами и восстаниями против центральной власти. В частности, критиковавшиеся крайне правыми поблажки Александра I полякам в праве преподавать в школах и училищах на родном языке привели к росту национализма среди учащихся. Открытые в начале XIX в. Виленский университет и Кременецкий лицей стали рассадниками тайных патриотических обществ, инспирировавших антирусские настроения и вылившихся в открытую поддержку польской элитой похода Наполеона в Россию³⁴⁰.

Учет прежних ошибок и опора на опыт предков должны были стать залогом успеха в осуществлении русификаторской политики в будущем, эталонным проводником которой для черносотенцев стал Николай I. В годы правления этого царя в Царстве Польском было внедрено имперское законодательство, русскому языку присвоен статус государственного с обязательным преподаванием в школах, польские и литовские вооруженные силы заменены русскими, униаты возвращены в лоно РПЦ, что уменьшило влияние и «интригу» католичества. Результатом реализации данного комплекса мер стал отказ поляков от мятежей в период венгерских событий 1848—1849 гг. и Крымской войны. Масштаб и твердость политики Николая I нашли полное одобрение черносотенцев. «Для окончательного решения польского вопроса надлежало реанимировать политику Николая I, доверив ее исполнение надежным и решительным деятелям», — писало в январе 1907 г. «Русское знамя»³⁴¹.

Положительно оценивались крайне правыми идеологами и русификаторские усилия правительства Александра II, которое предприняло попытки подрыва организационных структур РКЦ посредством уничтожения Минской епархии РКЦ и унии в Холмшине, введения преподавания на русском языке Закона Божьего во всех католических учебных заведениях Виленского учебного округа. Но и эти меры казались черносотенцам половинчатыми. «Если бы правительство средством обрушения польского края додалось бы ввести еще население в Польше на конфискованных землях не помещиков русских, а приобретение на льготных условиях земель не для частного владения, но главнейшим образом для русских крестьян и притом общинами, то дело обрушения в течение 40 минувших лет завершилось бы полным успехом и польский край с кореннюю Русью слился бы самым тесным образом», — писала крайне правая пресса³⁴².

Другим положительным примером русификаторской политики для черносотенцев стал Александр III, ведший борьбу с ополячиванием православного населения западных губерний на всех направлениях: «...Катехизис, молитвенники и богослужебные книги были переведены на русский язык и введены в употребление. Систематическое проведение этих мер грозило свести на нет польскую интригу в лице ее козыря — католицизма, который этим совершенно обезвреживался и из орудия борьбы переходил в обыкновенную религию, способную более или менее удачно направлять своих адептов на путь спасения»³⁴³. Весьма важным для крайне правых было наличие конкретных результатов русификаторской политики царя-миротворца. Посетивший Варшаву черносотенец писал в «Русское знамя»: «Недавно мне пришлось быть в Варшаве, и я прямо был поражен ее обрушением. Достаточно сказать, что за две недели моего там пребывания я не встретил случая,

чтобы мне где-либо не ответили по-русски, чтобы со мной где-либо были невежливы... и заметьте, что в острое время обсуждения Холмского вопроса! На улицах Варшавы вы теперь слышите всюду разговор на русском языке, столько же сколько и на польском. И это свершилось за эти десять лет как-то совершенно незаметно ни для поляков, ни для русских: русская могучая волна захватила польскую, и последняя должна в ней волей-неволей раствориться»³⁴⁴.

Наличие положительных результатов заставляло крайне правых требовать от правительства Столыпина возрождения русификаторской политики, похороненной с кончиной Александра III, в частности, «признать непреложно обязательным повсеместное осуществление того, чтобы русский язык был языком власти, администрации, общественных учреждений, войска, суда и государственной школы, как низшей, так средней и высшей, будучи в них обязательным предметом изучения и языком преподавания»³⁴⁵.

Какими же методами предполагалось осуществить политическую русификацию инородческого населения?

В расширенном виде методы русификации разработал состоявшийся в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Всероссийский съезд объединенного русского народа, к которым отнес следующие. Во-первых, предоставление комфортных условий для миссионерской деятельности РПЦ: «Православная церковь, как господствующая в Российской империи, должна иметь на окраинах соответственное внешнее выражение, не говоря уже, разумеется, о беспрепятственном или отнюдь не умалительном, в чем бы то ни было, проявлении ее внутренней жизни, при соответственном развитии оной». Во-вторых, внедрение среди инородцев русского образования: «Правительственная школа, являясь могучим фактором объединения окраин с Центром России, должна ставить основною целью своей

деятельности, кроме общеобразовательных задач, также и укрепление в сознании учащихся мысли о том, что они, прежде всего, подданные Русского государства и лишь затем уже финляндцы, латыши, поляки, армяне, литовцы и др., — а равно и заботиться о возвращении среди инородцев правильных взглядов на русскую жизнь, правды о русском народе, его прошлом и настоящем...». В-третьих, распространение русского языка (при сохранении самобытного): «Государственным языком должен быть на окраинах один только русский язык как язык власти, администрации, войска, суда и школы, причем областью местных языков может быть лишь семья, литература, церковь»³⁴⁶.

Требование законодательной легализации и повсеместного распространения на окраинах русского языка входило в программы всех крупных крайне правых организаций. Еще на заре создания черносотенного движения в ноябре 1905 г. Русское Собрание в обращении к населению родило формулу, которая была заимствована другими крайне правыми союзами: «Русский язык есть государственный язык, и все правительственные учреждения, пользуясь исключительно этим языком, неуклонно и настойчиво стремятся к поддержанию его единства и обязательности во всех частях и отраслях государственной жизни»³⁴⁷. Данное положение в неизменном виде было представлено в программных документах СРН, Союза русских людей³⁴⁸, Русского народного союза имени Михаила Архангела³⁴⁹ и других.

Понимая значение для государства единого средства общения, черносотенцы выдвинули тезис о необходимости реализации абсолютного доминирования русского языка на территории всей Российской империи как инструмента по распространению православной духовности и культуры. В резолюции состоявшегося в Санкт-Петербурге в феврале 1906 г. Всероссийского съезда Русского собрания

утверждалось, что существенными условиями теснейшего единения окраин с Центром является «отведение русскому языку подобающего ему, как государственному языку, значения»³⁵⁰. Программа СМА безапелляционно заявляла: «Русский язык есть господствующий язык во всех пределах неделимой Российской империи»³⁵¹. Этой формулировке вторили СРН и Партия правового порядка, заявившие в обращение к избирателям в начале 1907 г.: «Мы будем стремиться, чтобы государственным языком был признаваем во всех владениях русского царя русский язык»³⁵². В постановлениях II Всероссийского съезда Русских людей утверждалась необходимость использования русского языка как языка власти, администрации, общественных учреждений, войска, суда и государственной школы, как низшей, так средней и высшей, будучи в них обязательным предметом изучения и языком преподавания³⁵³.

Употребление местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях должно было определяться особыми законами. Черносотенцы старались не перегибать палку. Они допускали использование национальных языков в «домашнем и вообще частном быту», считая неприемлемым для государства вмешиваться в эту сферу из-за возможного роста недовольства. Равным образом признавалось допустимым издание на национальных языках книг, газет и журналов частного характера, не направленных против базовых русских ценностей (православие, самодержавие, народность). «...Областью местных языков может быть лишь семья, литература, церковь», — заявлялось в постановлениях состоявшегося в апреле—мае 1907 г. в Москве IV Съезда объединенного русского народа³⁵⁴.

Жесткость подходов проявлялась только в отношении украинского языка, который черносотенцы рассматривали как местный диалект русского³⁵⁵. Тезис о выработке

геополитическими гигантами (Австро-Венгрия, Германия) особого языка для украинцев рассматривался через призму сепаратизма³⁵⁶, угроза которого рождала специфическую систему мер противодействия. Состоявшееся в ноябре 1915 г. совещание уполномоченных правых организаций и правых деятелей в Нижнем Новгороде заявляло о необходимости жестких мер в отношении «украинской литературы, украинских книжных магазинов (книгарен)», а также учреждений, поддерживающих культурно-национальное самоопределение украинцев³⁵⁷. К властям звучали призывы к изгнанию из средних и высших школ преподавателей, использовавших в учебном процессе украинский язык как «насадителей мазепинства». Резкой критике подвергались и русские оппозиционные партии, вошедшие в Прогрессивный блок и требовавшие «восстановления малорусской печати»³⁵⁸.

Первенствующий статус русского языка, по утверждениям программных документов крайне правых, предполагалось обеспечить исключительно правовыми методами. В дискуссиях с политическими оппонентами, обвинявшими их в игнорировании интересов национальных меньшинств, черносотенные публицисты ссылались на опыт демократических стран — Франции и США, где при обилии используемых населением языков и диалектов весьма четко и конкретно была решена задача единого средства общения. Черносотенцы предлагали законодательными мерами создать такие условия, когда знание русского языка «было бы неизбежно необходимо». В частности, в мае 1907 г. газета «Русское знамя» требовала принять закон, согласно которому всю полноту гражданских прав могли приобретать лица, в совершенстве владеющие русским языком³⁵⁹. Этому должно было способствовать закрытие доступа инородческим языкам в государственные и общественные учреждения (земские и городские самоуправле-

ния, суды, школы, где «везде и всюду должен царить только общегосударственный язык»)³⁶⁰.

С одной стороны, указывалось, что правовая основа, пускай и условная, для реализации первенства русского языка уже существовала и необходимо лишь четкое исполнение уже имеющихся законов. В частности, ст. 3-я Основных законов Российской империи гласила: «Русский язык есть язык государственный и обязателен в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях»³⁶¹.

С другой — наличием в указанной статье положения о том, что употребление местных языков в государственных и общественных установлениях определяется «общими законами» нивелировался смысл первой части, давая национальным меньшинствам надежду на в перспективе равный статус их языков с русским. Двойкость трактовки 3-й статьи Основных законов Российской империи возбуждала активность инородцев в предъявлении претензий по легализации своих языков. Революция актуализировала эту проблему. Требования поляков по расширению применения польского языка наряду с «насильственным окатоличиванием и ополячиванием» православного населения западных губерний сопровождались эпатажными выпадами финнов, проводивших в присутствии высокой российской правительственный делегации работу сейма в Гельсингфорсе на финском и шведском языках³⁶².

Безучастие Центра к «бесцеремонным» притязаниям поляков и финнов давало сигнал остальным национальным меньшинствам начать давление на власть. Если до первой российской революции инородцы (за исключением поляков и финнов) не настаивали на придании особого статуса родным языкам, уступая русскому место общегосударственного, то теперь «даже чуваши, не имеющие почти вовсе истории, и те потребовали признания языка

своего в государственных учреждениях, преподавания в школах на родном языке, выдачи бумаг на чувашском языке и проч.», — писала в марте 1907 г. черносотенная пресса³⁶³. И после окончания революции с окраин империи сыпались требования применения «бесчисленного множества инородческих языков во всех общественных и даже государственных учреждениях — школах, на суде, на железных дорогах и т. д.»³⁶⁴.

Основания для беспокойства по поводу попираемого статуса русского языка как государственного у черносотенцев были. С одной стороны, сказывались неудачи русификаторской политики в некоторых национальных окраинах, причиной чему было отсутствие твердой позиции по ее реализации со стороны русских чиновников. Последние, по мнению черносотенцев, из-за желания прослыть либеральными изучали местные наречия, в результате чего убедили «туземцев» в необходимости знать русский. Крайне правые констатировали: «В Средней Азии... за 50 лет нашего владычества огромное большинство туземного населения не имеет и отдаленного понятия о русском языке, но зато все старые туркестанцы и множество новых из господ чиновников прекрасно лопочут на киргизском, сартском и иных среднеазиатских диалектах...»³⁶⁵

С другой стороны, под влиянием национально-освободительной борьбы в желании умиротворить инородцев именно административный аппарат становился основным препятствием к реализации статуса русского языка как государственного. Крайне правые подвергли резкой критике инициативу русского наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова, лоббировавшего обучение в низших и средних учебных заведениях не только на русском языке, но и на туземных. «На Кавказе может возникнуть такая же ситуация, как и в Польше, где потомки завоевателей

вместо русификации подвергаются ополячиваю», — предупреждала черносотенная пресса³⁶⁶.

Твердость позиции против придания официального статуса инородческим языкам обуславливалась возможными негативными последствиями. Официальный орган СРН газета «Русское знамя» в феврале 1907 г. заявляла: «Если же инородцам будут дарованы дальнейшие льготы и расширено употребление местных языков в ущерб правительству, то это поведет сначала к автономии, потом и к полному отделению от России...»³⁶⁷ Наоборот, прогнозировалось, что повышение статуса русского языка как государственного и его всемерное распространение создаст условия для сближения народов, развития хозяйственных связей, улучшения благосостояния народа, а следовательно сохранения уникальной Российской империи. Крайне правые указывали, что, зная русский язык, «самоед и грузин могли вести свободно торговые сношения между собой на протяжении 6 тыс. верст»³⁶⁸.

Русский язык рассматривался как инструмент объединительной политики окраин и Центра, создававший прослойку тяготевших к России образованных людей³⁶⁹. В связи с этим предлагалось вернуться к плодотворному опыту русификаторской политики Александра III: «Еще в начале девяностых годов (XIX в. — М.Р.) даже в сельских управлениях русским чиновникам нельзя было обойтись без переводчика, ныне же в самом глухом уголке Мингрелии или Гурии всегда найдутся молодые люди, с которыми можно поговорить по-русски»³⁷⁰.

Требование господства русского языка объяснялось и необходимостью выполнения Россией ее культурно-цивилизационной миссии, которая могла быть подорвана уравнением инородческих языков с русским: «Тысячу лет крепла Россия при сознании, что ее задача научить одному языку и установить однообразное управление по

огромному пространству Европы и Азии»³⁷¹. Особо широкое распространение русский язык получил среди татар, которые хотя и сохранили верность исламу, но приняли идею «белого царя», создавшую фундамент для диалога с русскими завоевателями. Внедрение русского языка было одним из основных элементов русификации: «Необходимо не только не поступаться русским языком, а напротив, настойчиво вводить его всюду, начиная с низшей школы и распространяя его на все правительственные и общественные учреждения, как было при императоре Александре III. Благотворность объединительной силы языка выразилась повсеместно на окраинах, не исключая и Финляндии, начавшей выказывать более дружелюбия к нам»³⁷².

В контексте восстановления первенства русского народа в наибольшей степени дискриминационные меры касались участия национальных меньшинств в Государственной Думе. Несмотря на явные преимущества непосредственного донесения до царя гласа русского народа, минуя бюрократический фильтр, одной из причин негативного отношения черносотенцев к законодательному учреждению стала деятельность депутатов от национальных окраин. «Русские, — подумайте, — что с вами будет, если случится, что большинство голосов в такой Думе будет на стороне инородцев!!! А ведь их будет немало; их подкрепят и русские из породы изменников! Что будет тогда с нашим православной церковью! Что будет с нами, когда законы нам будут писать жиды и по-свойски начнут приводить их в порядок!», — говорилось в мае 1906 г. накануне выборов в I Государственную Думу в листовке СРН³⁷³.

Опыт двух созывов показывал, что альянс сепаратистски настроенных инородцев с русскими оппозиционными партиями стал действенным инструментом по расшатыванию внутренней стабильности государства. Сам факт присутствия в Думе представителей национальных мень-

шинств искажал закладывавшийся при ее создании смысл быть «русской по духу», призванной обеспечить движение по «историческому, великому, пути согласно идеалам: православия, самодержавия и народности»³⁷⁴. В принятой в марте 1908 г. программе Русского народного союза им. Михаила Архангела уверенно заявлялось: «...В случае инородческого и крамольного засилья в самой Думе Дума могла бы отодвинуть интересы коренного русского населения на задний план и тем способствовать разложению государства Российского»³⁷⁵. Впоследствии черносотенцы только укрепились в этом мнении.

По результатам анализа работы первых двух Государственных Дум черносотенцы пришли к выводам о негативной деятельности инородцев, которая проявлялась в следующем.

Во-первых, Государственная Дума как инструмент узурпации первенства русского народа. В активной роли в законотворческой инициативе и законодательном процессе сплоченных и экономически сильных национальных групп (евреи, поляки, финны) черносотенцы увидели попытки захватить ведущие позиции в представительном учреждении. Рассматривая это как умаление прав первенства русского народа, Русское Собрание и СРН в октябре 1907 г. в совместном обращении заявили, что инородцы бросили вызов державной нации в «святая святых» — месте, где определяется будущее страны: «В первой Думе представителями от Петербурга сидели еврей и поляк с товарищами. И как старалась эта Дума сокрушить Русское государство, уничтожить самое имя России и отдать в руки инородцев русский народ. Во второй Думе представителями от Петербурга сидели еврей с товарищами. Эта Дума была игрушкой в руках инородцев и местом составления заговоров для революционеров»³⁷⁶.

Выдвижение инородцев на первые роли в законодательном учреждении и их активность свидетельствовали о некачественности политической элиты русского народа, не сумевшей сформулировать национально-государственные интересы страны и ставшей инструментом в руках четко видевшего свои политические ориентиры инородческого эстеблишмента. Продвигая мысль о преждевременности учреждения русского парламента, крайне правые указывали, что явившаяся выразителем наиболее образованных слоев русского общества партия кадетов «вошла в союз с революционерами финляндцами, армянами, поляками, латышами, не говоря уже о жидовском Бунде»³⁷⁷.

Во-вторых, Дума как трибуна революционирования страны. Практика работы Дум первых созывов утвердила черносотенцев в мысли, что русский парламент стал для враждебных инородцев трибуной для раздувания в стране революции, выразившейся в посыпке в законодательный орган нелояльных режиму депутатов. Изобличая стремление сепаратистов к разрушению Российского государства, в сентябре 1907 г. Русское собрание громогласно заявило: «Требуя амнистии палачам революции... члены Думы ...необузданной болтовней раздували революционный пожар в залитой кровью несчастной стране нашей, попирали народные святыни, предавали русские интересы, явно служили внешним и внутренним врагам России, явно работали по инородческой и еврейской указке»³⁷⁸.

В разгоне первых двух Дум черносотенцы видели отеческую заботу царя, не желавшего смириться с ущемленным положением оттесненных крамольниками на задний план «истинно русских» людей и попытавшегося восстановить естественное положение первенства русского народа. В частности, данная позиция была изложена в июле 1907 г. в обращении СРН: «Жиды же, армяне, поляки и крамольники, воспользовавшись смутой, хотели было,

сидя в Думе, Русским государством управлять, да не тут-то было. Думу Государь разогнал 3 июня и повелел, с 1 сентября 1907 года, по новому закону, новую Думу так выбирать, чтобы в нее побольше русских и поменьше инородцев попало...»³⁷⁹

Изменение избирательного закона, сопровождавшееся разгоном 3 июня 1907 г. II Государственной Думы, несколько оздоровило политическую ситуацию в стране, но кардинально не изменило. По мнению крайне правых, III Государственная Дума с меньшей интенсивностью, но все же продолжила разрушительную работу своих предшественниц, став инициатором ряда опасных законо-проектов. В сторону октяристской Думы звучали упреки о предпочтении интересов инородцев в процессе обсуждения Холмского вопроса, попытке уравнения религий и введения режима свободы совести, учреждении в Западном крае земских институтов, отмене черты еврейской оседлости, наделении пенсиею учителей еврейских школ и т. д. «Если все это злое, что сделано последней Думой, не есть открытое предательство и, как говорят некоторые, лишь теоретичность взглядов и непонимание народного духа и требований, то и в таком случае подобным людям недопустимо занимать подобающие места», — делал заключение председатель Астраханской народно-монархической партии Н. Н. Тиханович-Савицкий³⁸⁰.

Впоследствии черносотенцы окончательно утвердились во мнении, что присутствие инородцев в законодательном учреждении является источником дезорганизации работы всего государства. Состоявшийся в декабре 1911 г. в Москве Всероссийский съезд Союза русского народа подвел окончательные итоги: «...с самого начала существования и до сих пор, вопреки воле монарха, Государственная Дума служила и служит местом крамолы, расчленения и духовного растления русского народа, при-

сваивая себе роль парламента — конституционного учреждения»³⁸¹. Следует отметить, что в отличие от дубровинских ортодоксов обновленцы более положительно оценивали работу III и IV Государственных Дум, считая, что благодаря присутствию крайне правой фракции «забрезжил свет национального самосознания»³⁸². Ее деятельность вселяла надежду на постепенное вхождение народного представительства в подготовленную для нее монархистами колею.

Исходя из неудачного опыта работы первых Дум, черносотенцы пришли к убеждению о необходимости ограничения участия инородцев в деятельности законодательного учреждения. В частности, в резкой и краткой форме квантэссенцию ограничительных мер в мае 1907 г. сформулировала газета «Русское знамя» в отношении поляков: изгнание польских депутатов из Государственной Думы и лишение польского края права посылки в законодательное учреждение иных представителей, кроме русских³⁸³.

Как и националисты³⁸⁴, в вопросе правовой дискриминации черносотенцы исходили из позиции об обоснованности ограничения политических прав враждебных инородцев на общегосударственном и местном уровне в целях пресечения их антигосударственной деятельности. Они уделяли особое внимание критике популярного в среде либеральной и революционной оппозиции мнения, согласно которому отсутствие свобод и равноправных отношений с метрополией толкало национальные меньшинства на конфронтацию с властями. По утверждениям правомонархистов, бунтовать инородцев заставляло не отсутствие свободы, а наоборот. Именно ее чрезмерное наличие приводило к кровавым выпадам против титульной нации. В частности, дарование инородцам Манифестом 17 октября всей полноты прав способствовало лишь усилинию их разрушительного натиска на русскую нацию и российскую государственность: «Что дала эта свобода

Белоруссии? Прежний мир, прежние добрососедские отношения между православными и католиками отошли в область преданий. Взамен пышно расцветает иезуитская пропаганда и стремление подчинить Св. Русь влиянию Папского престола в Риме. Идет усиленная пропаганда полонизма и католицизма не только в Западном крае и Польше, но и по всей России»³⁸⁵. Отсюда делался вывод о том, что ограничение свобод приведет к локализации национальной и революционной борьбы. Казалось, что стоило дать жесткий укорот инородцам,пустить в ход все силы и средства репрессивного аппарата самодержавия, как спокойствие вновь придет на окраины. Любое сопротивление, по мнению крайне правых, необходимо было давить в зародыше³⁸⁶.

В поиске дополнительных аргументов крайне правые обращались к примеру Британской империи, явившейся для их политических оппонентов, в частности кадетов, образцом передового государства. Покоренные англичанами народы, в первую очередь индузы, не пользовались гражданскими правами коренных жителей туманного Альбиона, равно не имели представительства в законодательном учреждении Великобритании. Таким образом, ущемленное политическое и экономическое положение национальных меньшинств рассматривалось естественным для всех империй, где государствообразующая нация предоставляла завоеванным народам лишь тот объем прав, который не подрывал внутренней стабильности и целостности страны. Исходя из данных соображений, черносотенцы выводили заключение о том, что имперская власть могла самостоятельно устанавливать баланс предоставляемых прав державообразующему народу и национальным меньшинствам в целях обеспечения оптимальных условий для развития Российского государства: «Русский народ хочет, чтобы Россия была для русских, и заставит подчи-

ниться все покоренные племена своей могучей воле»³⁸⁷. Данный подход в июле 1907 г. обосновала газета «Русское знамя», предложившая рассматривать враждебных инородцев с точки зрения «военных приобретений» в результате «завоеваний»³⁸⁸.

Нейтрализовать угрозы первенствующему статусу русского народа, по мнению правомонархистов, могли следующие меры.

Во-первых, ограничение представительства национальных меньшинств в Государственной Думе на период государственной нестабильности. Исходя из положения о том, что наиболее заинтересованными в дальнейшем ослаблении государства являются враждебные инородцы, черносотенцы выдвинули предложение о том, что «впредь до полного умиротворения государства, окончательного подавления революционного движения и анархии» право голоса в Думе должно предоставляться только носителям базовых русских ценностей. Условием отмены ограничения для представителей национальных окраин должно было быть полное приобщение их к государственным интересам и отказ от сепаратистской деятельности. В противном случае «инородцы, впредь до окончательного слияния их интересов с общегосударственными, не могут быть полноправными членами Государственной Думы...», — заявлялось в постановлениях состоявшегося в 1909 г. в Москве Монархического съезда русских людей³⁸⁹. Отстранение от участия в работе Государственной Думы национальных меньшинств должно было регулироваться специальными законами, продление или отмена которых находились в зависимости от активности сепаратистского движения в конкретной местности, наличия революционных партий и иных проявлений нелояльности.

Во-вторых, полный запрет на участие в выборах евреев. Утверждая данное положение, черносотенцы исходили из того, что евреи являются непримиримыми врагами Русско-

го государства и участие их в законотворческой деятельности недопустимо. «Иудеи как граждане глубоко и принципиально враждебного всему христианству международного паразитирующего государства никогда и ни в каком случае не имеют доступа в Государственную Думу», — требовали в 1909 г. участники состоявшегося в Москве Монархического съезда русских людей³⁹⁰. Запретительные меры в отношении евреев были внесены в программы и уставы большинства крайне правых организаций. «Союз будет стремиться к изменению положения о выборах в Государственную Думу в том смысле, чтобы, во-первых, евреи как народность, не имеющая никакого определенного географического очертания в России, были лишены права участия в Государственной Думе», — гласил пункт программы Русского народного союза им. Михаила Архангела³⁹¹. Вслед за евреями запрет на доступ в Государственную Думу могли получить поляки, финны и «кавказские туземцы» как следующие за ними по степени враждебности³⁹².

В-третьих, недопущение инородцев к обсуждению круга вопросов, связанных с первенствующим статусом русского народа, по причине различности их интересов с интересами державной нации. Пытаясь нейтрализовать влияние национальных меньшинств на решение основополагающих и судьбоносных проблем жизни русского государства, состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей сформулировал список тем, к обсуждению которых они не допускались. К таковым, в частности, относились: об отношении церкви к государству и окраин к центру, вероисповедный, государственной обороны, аграрный, социальной структуры общества (словесный строй), школьный (за исключением инородческих учебных заведений)³⁹³.

Наиболее жесткое ограничение черносотенцы налагали на участие инородцев в обсуждении законов, касав-

шихся статуса Русской православной церкви. Основания для беспокойства у них были. Указывая на инородческий состав комиссии по вопросу об исповеданиях II Государственной Думы, куда, по заявлению «Русского знамени», вошел «весь наличный состав евреев Второй Думы» и ни одного православного из числа присутствовавших в Думе крестьян, крайне правые били тревогу по поводу разрабатываемых в недрах комиссии законопроектов о свободе совести и отделения церкви от государства. Включенные в комиссию русские не могли выступить защитниками православия по причине своих либеральных взглядов: «Утешать себя надеждами, что православную религию от натиском евреев и армянек отстоят такие столпы православия, как Долгоруков, Тесленко и поп Тихвинский, вошедшие в эту комиссию от партий Думы, — праздное занятие»³⁹⁴. В результате судьба РПЦ была всецело предоставлена в компетенцию «инородцев, иноверцев и особенно иудеев»: «...православию грозит серьезная опасность, не его существованию, а его нравственной неприкословенности, ибо кроме поругания православия ничего иного от этой инородческой комиссии и ожидать нельзя»³⁹⁵.

Допуск национальных меньшинств в Государственной Думе к обсуждению фундаментальных основ русской государственности казался правомонархистам неслыханным: «...реформу церкви... обсуждать... будут и жиды Ниссолович и Фридман, и поляки, и татары, и армяне, словом, те инородцы и иноверцы, для которых разрушить Русскую православную церковь, оплот государства, — крайне желательно»³⁹⁶. Исходя из присущих черносотенным идеологам конспирологических представлений, они были убеждены, что православие подвергается спланированным и целенаправленным ударам, так как в масонской среде существовал проект замены державной религии атеизмом. Пытаясь закрепить первенство носителей базовых ценностей рус-

ского культурно-исторического сообщества на решение вопросов, имевших общеимперский характер и касавшихся основ политического и хозяйственного строя страны, программы крайне правых организаций декларировали, что обсуждать их могли только «православные русские люди» как представители народа, создавшего Российское государство³⁹⁷.

В-четвертых, ограниченность полномочий инородцев в обсуждении общеимперских вопросов. Понимая, что игнорировать интересы национальных меньшинств в условиях постманифестной монархии нельзя, некоторые черносотенные союзы шли на компромисс, допуская в качестве исключительной меры их участие в выработке законопроектов, имеющих отношение к их народности. Эти послабления предусматривались только в отношении дружественных инородцев, внесших в состав империи свои территории и не участвовавших в революционном и сепаратистском движении. В данном случае им предоставлялось право решающего голоса только по вопросам, касающимся их «собственного быта и собственной территории», причем это право не распространялось на остальные части государства. Состоявшийся в октябре 1906 г. в Киеве Съезд русских людей не исключал возможности обсуждения депутатами с окраин общеимперских вопросов, но при условии пользования лишь совещательным голосом³⁹⁸.

Отдельные черносотенные организации предусматривали в своих программных установках право донесения своих нужд и враждебным инородцам. В частности, в программе Русского народного союза им. Михаила Архангела заявлялось: «...чтобы выборные от окраин Польши и Кавказа, избранные членами Думы, получили бы право голоса только по вопросам, касающимся нужд обитаемых ими окраин, разрешение каковых в том или ином смысле должно быть делом исключительно русской Государ-

ственной Думы и должно отвечать интересам как политическим, так и экономическим России, а ни в каком случае не идти им вразрез»³⁹⁹. Здесь черносотенцы страховались, так как участие в работе Думы национальных меньшинств могло было быть использовано для получения дополнительных льгот и привилегий, что объективно увеличивало и без того тяжелую нагрузку на государственный народ по обеспечению империи. Впрочем, данная позиция являлась исключением среди крайне правых организаций.

В-пятых, изменение избирательного закона. Причину инородческого состава первых двух Государственных Дум черносотенцы видели в несовершенстве избирательного закона. Основываясь одновременно на сословном, имущественно-цензовом и территориальном принципах, он открывал широкие ворота доступа к законотворческой работе сепаратистам. На состоявшемся в Киеве в 1906 г. III Всероссийском съезде русских людей было предложено положить в основу нового выборного закона «русское национальное начало», которое обеспечило бы лояльному населению свое представительство в Государственной Думе. С середины 1906 г. черносотенцы развязали кампанию давления на царя посредством посылки телеграмм с требованием издать новый выборный закон, основывающийся на «национально-православной» составляющей, а именно:

а) сословно-приходском принципе (взамен волостного, т. е. территориального), который бы обеспечил в Думе представительство православных крестьян — носителей русских традиций. Внедрение сословно-приходского принципа должно было преодолеть несовершенство избирательного закона, при котором представительство в Думе от сословия крестьян-землевладельцев и горожан обеспечивали лица, ничего общего с данными социальными группами не имевшие. Черносотенцы возмущались тем

обстоятельством, что депутатом от столицы православного государства — Петербурга оказался еврей⁴⁰⁰;

б) принципе сегрегации избирательных курий по национальному признаку. Желая снизить влияние инородцев на выборы депутатов, черносотенцы предложили в местностях со смешанным населением разделить избирательные курии, создав специальные инородческие. Условием, при котором инородцы могли образовывать собственные избирательные курии, являлся 5-процентный барьер их представительства на территориях смешанного проживания. При этом количество подлежащих выбору в Думу инородцев из мест с преобладающим неправославным населением не должно было превышать числа выбранных депутатов от православного населения. Обосновывая явные привилегии для русских, черносотенцы указывали на недостатки жителей национальных регионов Российской империи, выражавшиеся в использовании своего положения в личных целях, кумовстве, родственном и земляческом эгоизме, которые не могли быть терпимы в деле государственного строительства. Признавая, что среди них могут быть и вполне профессиональные управленцы, предлагалось использовать их «в чужом месте», так как «у себя же дома тянут своих невольно, связанные родством и дружбою», — утверждалось в постановлениях состоявшегося в ноябре 1911 г. в Москве Всероссийского съезда Союза русского народа.

В контексте русского вопроса первенство державной нации рассматривалось как скрепа империи и инструмент противодействия сепаратистским устремлениям. Исходя из данного посыла, крайне правые обращались к депутатам Государственной Думы с требованием отвергать «всякую мысль об “автономии” окраин и отдельных областей» и требовать «первенствующего значения во всех отраслях государственной жизни русским людям и русскому наро-

ду»⁴⁰¹. По мнению правомонархистов, только в условиях законодательно закрепленного первенства представлялось возможным продвижение государственных интересов на присоединенных территориях и экономический экспансионизм, в частности, обеспечение таких программных пунктов, как теснейшее единение коренной России с окраинами, установление на окраинах твердой русской государственной власти, охрана интересов русского народа, неотложное принятие мер к восстановлению порядка, самовоспитание инородцев, чтобы стать «русскими по духу», подъем коренного русского центра, насаждение в центре страны национальных сил, способных практически противостоять любым сепаратистским поползновениям⁴⁰².

Многочисленные примеры окраинного сепаратизма, попыток оттеснить русских от руля государства и захват стратегических позиций в народном хозяйстве рождали тезис об игнорировании и попирании инородцами национально-государственных приоритетов державного народа. «Настолько усиленно и успешно в этом направлении работали враги русского народа, что внешними, для всех видимыми успехами даже сами они, враги, обманулись: им показалось, что к 17 октября 1905 г. все уже было приготовлено к ниспровержению Руси, и они свирепо набросились на колосса русского, но, к счастью, ошиблись. Жестокий штурм отбит. Но этим еще далеко не исчерпана вся сила вражеская», — заявлял киевский профессор Н. С. Мищенко на состоявшемся в октябре 1908 г. Съезде отделов Союза русского народа Юга России⁴⁰³.

Поэтому реализация монополии титульной нации на политическую и экономическую сферы Российской империи неизбежно диктовала необходимость решения специфических проблем, связанных с ликвидацией при-

вилегий отдельных инородческих окраин, которых были лишены как население коренных русских областей, так и большинство других национальных меньшинств. В данной связи объектами масштабной критики правомонархистов стали обладавшая автономным статусом Финляндия и имевшая развитый институт городского самоуправления Польша, в отношении которых предлагалось осуществить следующий комплекс мер.

1. Ликвидация финской автономии. Исключительное положение обладавшей автономным статусом Финляндии в составе Российской империи привлекало к себе пристальные взоры крайне правых, убежденных в необходимости восстановления унитарности империи посредством ликвидации финского национально-государственного изоляционизма и утверждения равного с прочими российскими территориями правового положения. При этом идеологи крайне правых обращали внимание на необходимость восстановления исторической и социальной справедливости, так как финны обладали невиданными для державного народа преимуществами. Здесь черносотенцы выступали не только за уравнение финнов в правах с остальными российскими подданными, но и защитниками русского народа, представители которого на территории Финляндии были лишены значительного объема политических и гражданских полномочий. Отмечалось, что любой житель финской окраины обладал всеми преимуществами подданного империи в любом ее конце.

Помимо этого привлекательность автономного статуса Финляндии возбуждала претензии со стороны национальных элит других окраин империи (Польша, ряд регионов Кавказа и Закавказья), что неизбежно вызывало центробежные процессы и мешало возвращению империи в состояние вожделенного покоя: «В тех случаях, когда по каким-либо причинам дают инородцам одинаковые пра-

ва с коренным населением, а тем более преимущества, то присоединенные народы тотчас стремятся к обособлению и затем, — заручившись самостоятельностью, становятся во враждебные отношения к своей владычице и... сами норовят извлечь из нее для себя выгоды и подорвать могущество»⁴⁰⁴. По такому сценарию развивалась ситуация в Австро-Венгерской империи, где немцы, как государство-образующий народ, были вынуждены под натиском национальных меньшинств сдавать одну позицию за другой, что в результате ставило под вопрос целостность страны.

В качестве идеологического и правового обоснования упразднения финской автономии и уравнения финского населения в правах с другими подданными империи черносотенцы выдвинули следующие тезисы.

Во-первых, Финляндия принадлежит России на правах завоевания и военного трофея. В программе и уставе Русского народного союза им. Михаила Архангела утверждалось, что Финляндия является нераздельной с Россией окраиной, «кровью русского солдата, навеки за-воеванной»⁴⁰⁵.

Во-вторых, Финляндия является частью русской земли, утерянной во времена средневековья и возвращенной в результате изгнания агрессора: «... русская Финляндия в преобладающей своей части является древним достоянием России, точные пределы коего установлены были историческими актами (Ореховский договор Новгорода со Швецией 12 августа 1323 г.), временно отторгнутым, но возвращенным в увеличенных размерах, по договорам 1721, 1743 и 1809 годов “навсегда”, как “собственность и державное обладание Российской империи”»⁴⁰⁶.

В-третьих, отсутствие юридических оснований финской автономии подтверждалось основными правовыми документами, определявшими государственный строй страны. В частности, Свод законов Российской империи

издания 1906 г. признавал Финляндию частью Российской империи, а не отдельным государством⁴⁰⁷. Манифест 17 октября, к которому черносотенцы испытывали спорные чувства, также утверждал статус Финляндии как имперской провинции. В обращении Русского собрания говорилось: «...упоминание в Манифесте о “порядке обсуждения законопроектов, общих для империи и Великого Княжества Финляндского” — еще раз удостоверяет, что Финляндия с Россией составляют одно неделимое целое, а следовательно и пожелание Русского собрания о неделимости и цельности России осуществилось в этом акте монаршей милости»⁴⁰⁸.

Настаивая на реанимации жесткой линии, свойственной правлению Николая I и Александра III, последовательно проводивших курс на ликвидацию автономного статуса Финляндии, черносотенные идеологи утверждали: «...политика теснейшего исполнения финляндской окраины с остальною империей... явилась не новшеством, но лишь возвратом к первоначальному, истинному положению Финляндии в составе Российской империи, — признанному всеми лучшими представителями русской науки»⁴⁰⁹. Заявлялось, что предоставление после присоединения окраины привилегированного статуса Финляндии, выразившегося в консервации особой административной и правовой системы, сохранении в качестве государственного языка финского следует рассматривать как аванс имперских властей за лояльное поведение в будущем. С учетом того, что Финляндия не оправдала возлагавшихся на нее надежд, центральные власти имеют несомненное право ввести в крае общую для всей империи административную и законодательную систему.

Исходя из вышеизложенного, следовал вывод об отсутствии у Финляндии историко-правовых оснований на автономное существование в границах империи и ее праве

претендовать лишь на местное самоуправление. «Финляндия составляет органическую неотделимую часть Российского государства, пользующуюся великодушным произволением русских монархов, самоуправлением в области внутренних ее хозяйственных и общественных нужд, и в области государственно-политической она ни одним законодательным актом не была и не должна быть противопоставлена остальной России», — говорилось в постановлениях II Всероссийского съезда русских людей⁴¹⁰.

К первостепенным мерам решения «финской проблемы» черносотенцы относили ликвидацию всех имевшихся у Финляндии привилегий, делавших ее положение в составе Российской империи уникальным. Иными словами, статус окраины должен был быть понижен до уровня рядовой российской губернии. Ряд предварительных политico-правовых реформ по данному вопросу был выработан на II Всероссийском съезде русских людей в 1906 г. и на Съезде русских людей в Москве в 1909 г. В сжатом виде они содержали полное уравнение как гражданских, так и служебных прав русских и финских подданных⁴¹¹. В первую очередь, финны должны были наравне со всеми подданными империи на общих основаниях нести бремя по обеспечению безопасности государства (отбывание воинской повинности и несение расходов по государственной обороне). Принципиальность данного требования особо подчеркивал лидер СМА В. М. Пуришкевич: «Принимая во внимание, что участие Финляндии в расходах по обороне империи не соответствует действительным затратам государства на оборону, ходатайствовать, чтобы это участие (отнюдь, впрочем, не в виде натуральной воинской повинности) было распространено на Финляндию в полной мере»⁴¹². Понимая, что выполнение этого пункта приведет к наполнению русской армии неблагонадежным финским элементом, крайне правые проявляли известную

гибкость, предлагая заменить личное отбывание воинской повинности денежной компенсацией⁴¹³.

В рамках русификации и культурного прикрепления к империи в Финляндии должен быть введен государственный русский язык в школы, суды и все государственные учреждения. Важная роль отводилась экономической интеграции с Россией, которая должна была проявляться в ликвидации финской денежной системы и замены ее имперской: «Русская монетная система должна быть единою во всей империи, не исключая Финляндию»⁴¹⁴. При реализации русификаторской политики черносотенцы настаивали на ее твердом характере, предупреждая власти, что «всякие колебания, задержки и уступки всегда вели лишь к ослаблению уз, связавших край с Россиею...»⁴¹⁵ Желая подсластить горькую пиллюю и компенсировать утрату имевшихся привилегий, финнам предлагалось участие в выработке общеимперских решений в рамках работы в Государственной Думе. Несмотря на негативное отношение к участию враждебных инородцев в законодательном учреждении, ради стратегического успеха черносотенцы готовы были пожертвовать этим принципом. В частности, о возможности привлечения финнов к имперскому законотворчеству заявлял в своей программе Союз Михаила Архангела⁴¹⁶.

2. *Ограничениепольского самоуправления.* Если в контексте финского вопроса черносотенцами ставилась задача ликвидации автономии, то польская проблематика включала в себя ограничение или полное упразднение имевшего место быть на этой окраине городского самоуправления. Базовый подход черносотенцев к проблеме самоуправления определялся следующими принципами: самоуправление, во-первых, не должно затрагивать интересов центральной власти, во-вторых, должно ставить на первое место общегосударственные интересы⁴¹⁷. Крайне

правые настаивали, что только доказавшие преданность базовым ценностям русской цивилизации инородцы могли рассчитывать на самоуправление при строгом надзоре центральных властей, дабы «это самоуправление нигде не клонилось к ущербу русских народных интересов — религиозных, умственных, хозяйственных, правовых и политических», — утверждалось в распространенном в ноябре 1905 г. обращении Русского собрания⁴¹⁸. В постановлениях состоявшегося в апреле 1906 г. в Москве II Всероссийского съезда русских людей было высказано пожелание о «предоставлении Эстонии и Латвии местного самоуправления» как инструмента для противодействия «немецкой колонизации Прибалтийского края»⁴¹⁹.

Степень возможного расширения прав инородцев в области местного самоуправления находилась в пропорциональной зависимости от степени их лояльности центральным властям. С учетом того, что поляки были причислены к враждебным инородцам, на сохранение и всемерное развитие институтов самоуправления, по версии черносотенцев, они рассчитывать не могли. Обосновывая правоту своей аргументации, черносотенцы указывали на негативный опыт введения городского самоуправления в 90-х гг. XIX в., вызвавший масштабный рост польского засилья. В составленной в 1911 г. докладной записке ряда правых партий на имя премьер-министра В. Н. Коковцова указывалось: «...самоуправления городские на всем северо-западе, а частью даже и на юго-западе находятся почти исключительно в польских руках. Вследствие этого городские служащие там поляки, подряды, заказы и иные городские работы отдаются полякам, исполняются польскими инженерами и польскими рабочими, которых иногда стараются нарочно выписывать издалека. Нарождается многочисленный польский “третий элемент” крайне шовинистского характера. Города пестрят польскими объяв-

лениями и вывесками — были принуждены их вывешивать и владельцы не польских магазинов. Появился, при помощи городского управления, польский театр, появились польские газеты, в том числе очень дешевого, народного типа»⁴²⁰. Политика городских самоуправлений неизбежно вела к ополячиванию белорусской деревни, находящейся в тесных торгово-экономических отношениях с городом.

Основа польского засилья в земских органах самоуправления Западного края была заложена в законе о выборах 1890 г., по которому более многочисленное русское население оказывалось неспособным провести своих представителей из-за земельных и домовладельческих ограничительных цензов. С одной стороны, число полноценовых польских дворян-землевладельцев вчетверо превышало число таковых же русских при почти равных площадях русского и польского землевладения. С другой — число польских цензовых домовладельцев превышало число русских, что давало возможность заполнить городские думы польским «элементом». Цензовый порядок выборов обеспечивал преобладание поляков и при выборах в Государственный Совет, когда от 18-миллионного русского населения девяти западных губерний в этот государственный орган избирались только поляки — представители 780-тысячного польского населения⁴²¹. Черносотенцы сделали попытку нейтрализовать несправедливость цензового закона, предложив на состоявшемся в 1909 г. в Москве Монархическом съезде русских людей разделение избирательных землевладельческих и городских курий на два отдела — русский и польский, с предоставлением каждой национальности числа гласных пропорционально площади землевладения и численности городских жителей⁴²².

Вторым по важности вопросом в контексте сохранения империи являлось недопущение введения и развития в Западных губерниях института земства, которое, по

мнению крайне правых, стало бы, во-первых, очередным шагом для предъявления дальнейших сепаратистских требований, а во-вторых, инструментом закабаления численно незначительной, но экономически сильной польской диаспорой православного населения края. «Если земство будет введено на общих основаниях... то через 10 лет наш край будет частью Речи Посполитой», — заявлял в своей речи в сентябре 1909 г. на Монархическом съезде в Москве видный черносотенец Г. К. Шмидт⁴²³.

3. *Отторжение территории.* Предлагая различные рецепты решения финской и польской проблем, крайне правые не могли не понимать их трудную реализуемость в силу неограниченности этих окраин с остальными провинциями России. Различие в путях исторического развития и духовно-культурная чуждость Польши и Финляндии, тяготевших к европоцентристским перспективам, рождали мысль о невозможности их интеграции в состав империи даже в длительной перспективе. В наказание за строптивость отдельными идеологами крайне правых озвучивалась идея изъятия из их состава территорий, населенных преимущественно православным населением. В частности, вопрос отторжения у Польши земель был впервые поставлен на состоявшемся в апреле 1906 г. в Москве II Всероссийском съезде русских людей, на котором было предложено образовать особую Холмскую губернию с присоединением ее к губерниям Юго-Западного края⁴²⁴. Это требование поддержал через три года Монархический съезд русских людей, принявший постановление выделить из пределов Привислинского края Царства Польского в особую губернию Холмщину и Подляшье, так как «поляки, протестующие против выделения, никаких прав на Холмщину, как искони русскую землю, не имеют»⁴²⁵.

В контексте финского вопроса состоявшийся в 1909 г. в Москве Монархический съезд русских людей по пред-

ложению В. М. Пуришкевича постановил возбудить соответствующие ходатайства о выделении из состава Финляндии Выборгской губернии, как «искони русскую область и населенную русскими людьми, неправильно в начале XIX столетия включенной в состав Финляндии... и причислить к категории губерний Европейской России»⁴²⁶. В 1911 г. черносотенцы предлагали премьер-министру В. Н. Коковцову изъять из состава Великого княжества и присоединить к России совершенно обруслые территории финляндской Карелии⁴²⁷.

Нежелание поляков разделить свою судьбу с русским народом, непрекращающаяся вражда к Российскому государству заставляли черносотенцев прийти к неутешительному выводу о том, что «Царство Польское, вместо того чтобы быть передовым постом и оплотом России, есть и будет всегда передовым постом и оплотом для ... других наций, России недоброжелательных»⁴²⁸. Учитывая расходы по управлению беспокойной окраиной, содержание крупной военной группировки в крае, сильную конкуренцию фабричной промышленности Царства Польского, отбивавшей внутрироссийский рынок у «коренной» русской буржуазии, черносотенцы приходили к выводу о том, что Польша слишком дорого обходится русскому народу. Заплаченная русским народом цена за нахождение Польши в составе империи казалась слишком высокой. Черносотенцы приводили слова Николая I, считавшего Польшу проклятием для России и не без симпатии относились к предложению Паскевича обменять у Австро-Венгрии Польшу на Галицию⁴²⁹. В пылу полемики со стороны черносотенных публицистов звучали мысли об ошибочности присоединения Польши в состав империи и необходимости оставить «это яблоко раздора... разделенным между Австрией и Пруссией», с последующим полным онемечиванием поляков. Крайне правымказалось: «полезнее было

бы получить России, вместо Царства Польского, один Мемель с его маленькой по Неману территорией»⁴³⁰. Желая побольше насолить строптивым полякам, центральный орган СРН газета «Русское знамя» в июне 1907 г. предлагала отдать Польшу не Австро-Венгрии, а Германии, чьи культурегеры имели более значительный опыт по онемечиванию славянских племен⁴³¹. Впрочем, подобные предложения на страницах крайне правой печати носили эмоциональный характер и не ставили целью их практическую реализацию, так как противоречили базовому принципу правомонархической идеологии о единстве и неделимости Российской империи.

Существенное влияние на изменение позиции черносотенцев по национальному вопросу оказала I Мировая война, вызвавшая пересмотр ряда принципиальных положений, в частности, по немецкой и польской проблематике. Если в отношении вступивших в русское подданство после 1870 г. немцев как «лояльных» враждебной стороне лиц предлагалось введение жестких дискриминационных санкций, а именно: признание их иностранными подданными со всеми вытекающими из сего по закону последствиями⁴³², то в отношении Царства Польского произошли явные послабления. В связи с провозглашением Германией и Австро-Венгрией намерения по окончании войны создать самостоятельное польское государство с присоединением к нему ряда российских территорий, правомонархисты поддержали выраженную в царском манифесте волю по образованию «целокупной Польши из всех польских земель и предоставление ей по завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии, под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности»⁴³³.

Вновь появившаяся после начала мировой войны правомонархическая организация — Отечественный союз, устами своего председателя В. Г. Орлова продекларировала отказ от травли инородцев. Оправдываясь перед единомышленниками из других крайне правых организаций за отход от канонов, он заявлял в открытом письме: «Долгом считаю сообщить во всеобщее сведение русским людям, что я остался таким же правым, патриотом, преданным престолу и России, каким был даже при современном шатании умов многих правых деятелей, и в уставе организованной мною политической партии, как и во всех монархических уставах, ясно указано о непреложном, твердом и неизменном служении самодержавному Государю, Православной церкви и русскому народу, и все члены этой партии обязуются исповедать наши исконные начала и твердо охранять исторические устои. Правда, в уставе этой партии нет вызова инородцам, не допускается травля их, ибо, отвечая современным повелительным запросам жизни нашей родины, было бы негосударственно и несправедливо действовать против тех народностей, кои сражаются за честь, славу, мощь и величие России»⁴³⁴. Однако благородный порыв В. Г. Орлова не был оценен, и он подвергся ostrакизму из крайне правого лагеря.

Как видим, практическая реализация первенства русского народа как инструмента преодоления инородческого влияния неизбежно налагала отпечаток на формирование позиции крайне правых по инородческому вопросу. Произденные в 1905—1907 гг. государственные преобразования, либерализовавшие общественно-политическую жизнь и вызвавшие широкое национальное движение, по убеждению черносотенцев, обострили и без того напряженные отношения между русским народом и враждебными инородцами. Это актуализировало вопрос о природе и перспективах Российской империи. Если в либеральном и

революционном лагеря широкое распространение получил тезис о поработительном характере Русского государства, то черносотенцы жестко отвергли определение Российской империи как «тюрьмы народов». В ходе газетной полемики, они вывели свою систему доказательств жизнеспособности уникального в истории человечества многонационального государства и положительный анамнез его развития. Здесь черносотенцы применили традиционный для них метод сравнительного исторического анализа современной им русской державы с распавшимися многонациональными государствами прошлого и настоящего. Акцентируя внимание на базисных основах империй прошлого, черносотенцы указывали, что при их строительстве закладывались следующие принципы.

1. *Военная сила, организационное и техническое превосходство завоевателей над покоренными народами.* В частности, созданная «силой и гением ее царей» обширная Персидская империя, включавшая огромные территории с многочисленными покоренными народами, часто более культурными, чем завоеватели, держалась только на военной силе малочисленных персов. Та же картина наблюдалась в Римской империи, где небольшой, но доблестный и организационно сплоченный народ, покорив огромные территории, не сумел сколько-нибудь существенно их колонизировать⁴³⁵. Рим строил свою империю на недостаточной количественно, но необычайно высокой качественной человеческой базе, которая, будучи подточена войнами и разжижена миграционными процессами, привела невиданное geopolитическое образование к падению. Та же участь ждала и разделенную морями и имеющую слабые внутренние связи Британскую империю, основывавшуюся на техническом превосходстве англичан, которые не смогли вовлечь в лоно своей цивилизации многочисленные покоренные народы.

2. *Гений создателя*. В отдельную категорию черносотенцы относили так называемые искусственные империи, созданные благодаря гению одного человека и потому отличающиеся крайней недолговечностью. К таковым черносотенные идеологи относили империи Александра Македонского и Наполеона⁴³⁶.

3. *Религиозная общность как скрепляющее империю звено*. Данный фактор, появившийся с арабскими завоеваниями, позволил арабам посредством распространения ислама сплотить в одном государстве разноплеменные народы. Однако из-за своей малочисленности они также не смогли сохранить целостности халифата. Распад в ближайшем будущем ожидал и Турецкую империю, в которой, несмотря на насильтвенное насаждение ислама, покоренные народы держались в повиновении силой оружия⁴³⁷.

В целом черносотенные идеологи утверждали, что фактором, способствовавшим успешному строительству империи, являлось наличие «жизненного импульса» народа-строителя, с ослаблением которого империи распадались. В 1911 г. черносотенное «Русское знамя» предсказывало скорую гибель Британской империи, структурообразующий народ которой уже растратил свои силы. Большой потенциал по сравнению с англичанами демонстрировала молодая немецкая нация, стремившаяся потеснить «европейскую старушку». «Если бы случилась война Германии с Англией и Германия бы победила, то сейчас же бы отпали Египет, Индия и т. д. и английское королевство бы распалось», — заключала черносотенная пресса⁴³⁸. Участь распада ждала и состоявшую из враждующих народов Австро-Венгерскую империю, так как убывающая пассионарность австрийцев встречалась с растущей национальной активностью подчиненных народов — венгров, чехов и поляков.

Декларируя благоприятные перспективы Российской империи, крайне правые указывали на разность базисных основ распавшихся государств с русской державой. Российская цивилизация была моложе европейской примерно на четыре столетия, уже пережившей пик своей исторической активности и неумолимо двигавшейся к закату. Русский народ не растратил свою социальную потенцию и только вступал в период плодоношения. Положительную роль в этом играл умеренный и холодный климат, способствовавший активности, бодрости, энергии и силе русского народа. Русский народ не только в два раза превышал численность остальных народностей империи вместе взятых, но и, обладая большей жизненной энергией, размножался энергичнее и быстрее других. При 100-миллионной численности русских наиболее революционные народы насчитывали: армяне — около 1,5 млн, грузины — 1,1 млн, евреи — 5 млн. Особо рельефно преобладание народа-хозяина над «разрушителями» империи видно из процентного состава населения: русских — 65%, тюркотатарских племен — 10,6%, поляков — 6,2%, финнов — 4,5%, евреев — 3,9%, литовцев — 2,4%, грузинских племен с гурийцами — 1,1%, армян — 0,9%, монголов — 0,4% и прочих инородцев — 2%. Следовал вывод, что причины, вызвавшие гибель других империй, в России отсутствуют, так как господствующий народ многочисленнее завоеванных: русских насчитывалось 65% против 34,5% остальных народностей⁴³⁹.

Силе империи способствовали географические факторы. Территориально Россия представляла из себя целостную часть суши, равнинную, богатую природными ископаемыми и малозаселенную. Принадлежавшие России инородческие окраины составляли одну неразрывную с метрополией территорию. Это обуславливало отсутствие, по мнению черной сотни, колоний: «...у нас нет никаких

колоний, а одна обширная государственная территория, нет колонизации, а есть только переселение из более густонаселенных частей в менее густонаселенные»⁴⁴⁰. Отличие от Британской империи состояло в том, что последняя вынуждена была отправлять избыток своего населения за моря, в то время как русский народ, размножаясь, только увеличивал и гуще заселял занятую им сплошную территорию. Газета «Русское знамя» писала: «Русский народ можно приравнять к водоему, в котором постоянно бьют могучие ключи; переполняясь, он заливает все большие и большие площади земли...». Крайне правые считали, что при сохранении «жизненного импульса» русские заполнят территориальные пустоты между всеми племенами и постепенно естественным образом растворят их в себе. Этому способствовала их значительная размножаемость: из 2,5 млн ежегодного прироста в империи 2,2 млн приходилось на русских. Таким образом, русских ежегодно рождалось больше, чем численность грузинского и армянского народов. В 1911 г. черносотенцы прогнозировали, что через сто лет в России будет жить свыше 300 млн человек, из которых русских будет насчитываться не менее 250 млн. «Через сто лет все окраины до Камчатки включительно будут заселены, и нам придется еще кое-что присоединить от соседей», — заявляли крайне правые⁴⁴¹.

Крепость Российской империи обуславливала ее видовым отличием от предшествующих и современных ей западных аналогов, которое проявлялось не только в различии духовных культур, самобытных формах самовыражения, но и, как следствие, в отношении к покоренным народам. На страницах своей печати черносотенцы приводили многочисленные примеры проявления насилиственности европейских народов при проведении жесточайшей колониальной политики: принудительное распространение среди покоренных народов христианства, уничтоже-

ние еретиков, геноцид непокорных, работоговля, массовые грабежи и т. д.

Обращаясь к русской истории, черносотенные идеологи делали вывод, что терпимость и уважение к побежденным составляли отличительный характер русских в самые грубые времена. Определяющим фактором отношения к инородцам являлась вытекавшая из православия совесть, представлявшая, по замечанию «Русского знамени», «постоянную величину, удаляющую при решении житейских вопросов своекорыстные интересы». Благодаря православию русские «оккупанты» ненасильственно интегрировали инородцев в состав своего государства⁴⁴². Даже в ходе завоеваний, которые нередко проводились разбойничими атаманами, «слабые, полудикие ... инородцы не только не были уничтожены... но даже не были лишены своей свободы и собственности», а инородная знать включалась в общерусскую жизнь на совершенно равных правах. Крайне правые указывали на секрет «успеха» русских, недоступный пониманию западных народов: «Тысячелетняя история красноречиво свидетельствует, что мы никогда не смотрели и не смотрим на другие племена как на вечных своих врагов и соперников»⁴⁴³. Русское государство интегрировало новые племена и народы и, благодаря преданным устоям страны русским воеводам, «быстро превращало их в русских православных людей без всякого насилия и коварства»⁴⁴⁴.

По мнению черносотенцев, история России была чужда гонений по этническому и религиозному принципу. Московское царство являлось самой веротерпимой страной своего времени, в которой иностранцы не преследовались за исповедание своей религии при условии отказа от миссионерской деятельности в среде православных. При этом отговаривалось, что «русский народ, позволяя всякому иностранцу веровать как он хочет, не позволяет

в России строить храмы тех, так называемых культов христианства, в которых разрешается приоравливать свою совесть к интересам минуты, толкуя вкрай и вкось Святое Писание»⁴⁴⁵. Русские власти «не мучили евреев, как мучила Западная Европа, не преследует их...»⁴⁴⁶. Был найден более гуманный выход: отгородиться от «беспокойного племени» чертой еврейской оседлости, игравшей защитную роль для русских духовных устоев. Отказ от притеснения инородцев декларировался и самими черносотенцами. «...не значит, что Союз... намерен *притеснять* другие, *нерусские народности*, входящие в состав Российской империи. Напротив, Союз желает, чтобы всем жилось хорошо, он не допускает даже мысли о порабощении кого бы то ни было», — говорилось в опубликованном в 1906 г. обращении СРН⁴⁴⁷.

Из факта отсутствия специального колониального законодательства черносотенцы выводили тезис о «неколониальном» характере Российской империи (в отличие от Британской — классического примера таковой). Это давало им основание заявлять, что постановка вопроса о колониальном гнете, порабощении и эксплуатации инородцев не применима к России⁴⁴⁸. В крайне правой литературе приводились примеры того, что после присоединения Финляндии и Прибалтики земельная собственность осталась у их прежних владельцев, а местная администрация и аристократия (прибалтийские немцы) были инкорпорированы в политическую систему империи. Подчеркивая достойный статус прибалтийских баронов, ставших источником пополнения административного аппарата империи, черносотенцы часто приводили на страницах своих газет обращенную Николаю I просьбу генерала Ермолова «сделать его немцем»⁴⁴⁹.

Финляндии были сохранены действовавшие на ее территории шведские законы и шведский язык, предоставленные

ны общие с коренным населением империи права, допуск на службу во все правительственные и частные учреждения империи, упразднена воинская повинность, открыт Гельсингфорсский университет с преподаванием на шведском языке и т. д. Вхождение в империю расширило террито-рию Финляндия за счет включения в ее состав русской Выборгской губернии. При этом «русские не пользуются правом служить в пределах Финляндии. Мыслимо ли где-либо на земле, кроме счастливой России, такое постыдное отношение победителя к покоренным...», — вопрошала черносотенная пресса⁴⁵⁰.

Серьезные преимущества инородческие окраины имели и в экономическом отношении, так как внутри импе-рии были ликвидированы таможенные барьеры. Финлян-дии было предоставлено право беспошлинного ввоза в Россию промышленных и сельскохозяйственных товаров. Посредством тарифных ставок русское правительство со-действовало развитию привисленской фабричной про-мышленности, давая ей возможность успешно конкури-ровать с фабричными предприятиями коренной России. Инородческие предпринимательские слои имели равный с коренным народом статус на осуществление коммерче-ской деятельности. Крайне правые указывали на отсут-ствие фактов эксплуатации и порабощения национальных меньшинств русским народом. Наоборот, инородческие народы не терпели от «завоевателей» зла и притеснений, а некоторые (в особенности евреи, поляки, финляндцы, армяне, грузины) под защитой русского народа, пользуясь «его потом, кровью и могуществом, — укрепились, разбо-гатели, жили и спаслись от поглощения их другими наро-дами»⁴⁵¹. В частности, в то время как в России ощущалась острая нехватка высших учебных заведений, в Варшаве был создан университет и политехникум.

На отсутствие в империи колоний указывал низкий уровень жизни народа-хозяина по сравнению со многими инородческими окраинами⁴⁵². Черносотенцев возмущали попытки либеральной оппозиции пересмотра истории, неизбежным выводом из которых следовало, что инородческие окраины — жертвы русского имперализма, обираемая петербургским правительством, а инородцы — бесправны и угнетаемы. При помощи цифр на страницах крайне правой прессы доказывалось, что денежный поток идет не из окраин в центр, а совершенно в обратном направлении⁴⁵³. Причинами подобного положения являлся отказ русского правительства рассматривать инородческие территории в качестве колоний, в результате чего Центр выступал эксплуатируемой стороной, а целостность империи обеспечивалась за счет покорителей. По твердому убеждению черносотенцев, низкий уровень жизни коренного населения был обусловлен непосильной платой за сохранение единства империи. Если древний Рим и современная Британская империя богатели за счет ограбления своих колоний, то центр русской государственности оказался беднее многих инородческих окраин. Черносотенцы недоумевали: практика европейских государств показывала, что колонии являлись источником обогащения завоевателей, дешевых природных ресурсов, рынком сбыта товаров метрополии и вывоза капиталов. Общепринятые рамки отношения «Центр-колония» проявлялись в значительно ущемленном статусе покоренных народов, правовом неравноправии с кореннойнацией, особом колониальном законодательстве, жестком административном руководстве присланными из Центра чиновниками, что обеспечивало мощь и процветание метрополии. Всего этого черносотенцы в современной им России не находили. В их интерпретации сложившееся в империи положение свидетельствовало об эксплуатации окраинами ме-

трополии, а не наоборот. Возрождение и расцвет русского Центра могли произойти только в случае предоставления русским преимуществ перед инородцами или хотя бы равных с ними прав⁴⁵⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что внесенное в программные документы всех правомонархических организаций требование первенства русского народа базировалось на выполнении им государствообразующей функции в качестве носителя православной веры и монархических ценностей, обусловивших его значимость в создании Русского государства, империи и уникальной культуры. Остальные народы России данным качеством не обладали, так как в силу специфики исторического развития утратили собственную государственность (или никогда таковой не имели), доверив управление русскому народу, который и стал стержневым элементом конструкции государства, гарантом ее существования, безопасности, правового порядка и мирного сожительства других народов.

Данный принцип крайне правые предлагали положить в основу законодательства страны, наделив приоритетными политическими правами лишь носителей православно-монархических убеждений. В частности, программные установки черносотенных организаций содержали требования приоритетного положения РПЦ, чья церковная организация должна была сохранить свое доминирующее положение, а русский язык сохранить значение государственного на всей территории империи⁴⁵⁵. В рамках имперской системы первенство державного народа было изображено скрепой разноплеменного государства и, в отличие от «инородческого» национализма, не представляло опасности для единства Российской империи. Ослабление первенства носителей базовых русских ценностей рассматривалось как удар по стержневому элементу конструкции государства, что неизбежно привело бы к распаду импе-

рии, а это повлекло бы за собой межнациональные распри между национальными меньшинствами в попытке занять освободившееся место.

Первенство русского народа в правомонархической трактовке нельзя рассматривать в контексте крайних форм национализма (шовинизма, нацизма), т. е. как пре-восходство и преимущество перед другими нациями по расово-биологическим характеристикам. Согласно программам черносотенных организаций дружественные инородцы могли рассчитывать на равноправие с русским народом, национальную самобытность и самоуправление. В черносотенных документах подчеркивалось не превосходство русской нации, а ее первенство, что нивелирует качественный расово-этнический компонент, но подчеркивает функционально-ролевой.

Библиографические ссылки

¹ Русское знамя. 1907. 1 февраля.

² Там же. 1908. 12 января.

³ Там же. 1907. 21 августа.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 29 марта.

⁶ Размолодин М. Л. О консервативной сущности черной сотни. Ярославль, 2012. С. 139–148.

⁷ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № Ц58654.

⁸ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).

⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.

¹⁰ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. Очерки истории русского патриотического движения. М., 2007. С. 59.

¹¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 666.

¹² Русское знамя. 1908. 15 января.

¹³ Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

- ¹⁴ Русское знамя. 1909. 8 сентября.
- ¹⁵ Там же. 1911. 27 апреля.
- ¹⁶ Там же. 1909. 8 сентября.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. 1907. 24 ноября.
- ¹⁹ Там же. 2 декабря.
- ²⁰ Там же. 24 ноября.
- ²¹ Там же. 1911. 27 апреля.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. 1907. 21 июня.
- ²⁸ Там же. 24 ноября.
- ²⁹ Там же. 1913. 2 апреля.
- ³⁰ Там же. 1907. 13 апреля.
- ³¹ Там же. 21 июня.
- ³² Там же.
- ³³ Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил А. Блок. Пг., 1921. С.128.
- ³⁴ Русское знамя. 1907. 21 июня.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. 1909. 8 сентября.
- ³⁷ Последние дни императорской власти... С.128.
- ³⁸ Русское знамя. 1909. 11 апреля.
- ³⁹ Там же. 1911. 20 января.
- ⁴⁰ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1905. Д.999. Ч.39. Т.IV. Л.50—51.
- ⁴² Русское знамя. 1909. 18 сентября.
- ⁴³ Там же. 1907. 13 апреля.
- ⁴⁴ Там же. 31 октября; 21 октября.
- ⁴⁵ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁴⁶ Там же. 11 апреля.

- ⁴⁷ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ⁴⁸ Вестник Русского собрания. 1906. 22 сентября.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- ⁵⁰ Русское знамя. 1909. 8 сентября.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- ⁵² Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- ⁵³ Там же. 1909. 8 сентября.
- ⁵⁴ Там же. 1913. 28 марта.
- ⁵⁵ Там же. 1909. 8 сентября.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ Там же. 19 сентября.
- ⁵⁸ Там же. 8 сентября.
- ⁵⁹ Там же. 1907. 29 марта.
- ⁶⁰ Там же. 1909. 18 сентября.
- ⁶¹ Там же. 1907. 23 марта.
- ⁶² Там же. 1909. 18 сентября.
- ⁶³ Там же. 8 сентября.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1905. Д.999. Ч.39. Т.IV. Л.50—51.
- ⁶⁶ Русское знамя. 1911. 27 апреля.
- ⁶⁷ Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁶⁸ Там же. 18 сентября.
- ⁶⁹ ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- ⁷⁰ Русское знамя. 1911. 11 апреля.
- ⁷¹ Там же. 1907. 20 апреля.
- ⁷² Там же. 1909. 19 сентября.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же. 18 сентября.
- ⁷⁵ ГАРФ. Ф.1467. Оп.1. Л.853. Ч.55.
- ⁷⁶ Куда временщики ведут Союз русского народа. СПб., 1910. С. 195.
- ⁷⁷ Русское знамя. 1912. 14 августа.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же.

- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. 1911. 20 января.
- ⁸² Там же. 1912. 14 августа.
- ⁸³ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1908. Д. 237. Л. 55.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Русское знамя. 1909. 8 сентября.
- ⁸⁶ Там же. 18 сентября.
- ⁸⁷ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ⁸⁸ Русское знамя. 1907. 29 марта.
- ⁸⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 192—193.
- ⁹¹ Русское знамя. 1907. 26 июля.
- ⁹² Там же. 18 мая.
- ⁹³ Цит. по: Русское знамя. 1908. 28 августа.
- ⁹⁴ Куда временщики ведут Союз русского народа. С. 614—615.
- ⁹⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ⁹⁶ Русское знамя. 1908. 5 марта.
- ⁹⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ⁹⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ⁹⁹ Русское знамя. 1908. 9 июля.
- ¹⁰⁰ Там же. 5 марта.
- ¹⁰¹ Там же. 1907. 21 августа.
- ¹⁰² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 698.
- ¹⁰³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.
- ¹⁰⁴ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ¹⁰⁵ Русское знамя. 1907. 4 июля.
- ¹⁰⁶ Там же. 1911. 27 мая.
- ¹⁰⁷ Там же. 1907. 15 июня.
- ¹⁰⁸ Там же. 1911. 28 мая.
- ¹⁰⁹ Там же. 24 июля.
- ¹¹⁰ Там же. 1908. 19 августа.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. 1911. 2 июня.

¹¹³ Там же. 1908. 19 августа.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. 1911. 27 мая.

¹¹⁶ Там же. 28 июля.

¹¹⁷ Русское знамя. 1911. 29 июня.

¹¹⁸ Колокол. 1909. 29 сентября.

¹¹⁹ ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1909. Д.172. Л.39.

¹²⁰ Русское знамя. 1908. 19 августа.

¹²¹ Прямой путь. 1912. Вып. II (февраль).

¹²² От Главной палаты Русского народного союза им. Михаила Архангела. К русскому народу. СПб., 1912. С. 3.

¹²³ Вестник Союза русского народа. 1912. № 117.

¹²⁴ Куда временщики ведут Союз русского народа. С. 614—615.

¹²⁵ Русское знамя. 1911. 27 мая.

¹²⁶ Там же. 24 июля.

¹²⁷ Там же. 1913. 13 июня.

¹²⁸ Там же. 1911. 27 мая.

¹²⁹ Там же. 2 июня.

¹³⁰ Там же. 18 мая.

¹³¹ Там же. 2 июня.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. 1907. 15 июня.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Там же. 1908. 14 марта.

¹⁴¹ Там же. 1907. 26 июля.

¹⁴² Там же. 29 июля.

¹⁴³ Прямой путь. СПб. 1913. Вып. III (март).

- ¹⁴⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 58804.
- ¹⁴⁵ Там же. Кор. 46/1. № 17/34.
- ¹⁴⁶ ГАРФ. Ф.102. ДП ОО. 1906. II отд. Д.833. Л. 31.
- ¹⁴⁷ Русское знамя. 1907. 21 августа.
- ¹⁴⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
- ¹⁴⁹ Националисты в 3-й Государственной Думе. СПб., 1912. С. 5.
- ¹⁵⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Русское знамя. 1907. 21 июня.
- ¹⁵³ Там же.
- ¹⁵⁴ ГАРФ. Ф.102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
- ¹⁵⁵ Там же. Ф.116. Оп.2. Д.9. Л.5.
- ¹⁵⁶ Русское знамя. 1907. 21 августа.
- ¹⁵⁷ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 24—25.
- ¹⁵⁸ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 124.
- ¹⁵⁹ Степанов С. А. Черная сотня. М., 2005. С. 42—48.
- ¹⁶⁰ ГАРФ.Ф.116. Оп. 2. Д. 9. Л. 347.
- ¹⁶¹ Там же.
- ¹⁶² Там же. Д.1. Л. 680.
- ¹⁶³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.
- ¹⁶⁶ Там же. Ф.116. Оп. 2. Д. 9. Л. 347.
- ¹⁶⁷ Русское знамя. 1907. 14 февраля.
- ¹⁶⁸ Там же.
- ¹⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.
- ¹⁷⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 58654.
- ¹⁷¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.
- ¹⁷² Там же.
- ¹⁷³ Там же. 4 д-во. 1912. Д. 130. Ч. 45. Л. 24.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.

¹⁷⁷ Там же. 4 д-во. 1912. Д. 130. Ч. 45. Л. 24.

¹⁷⁸ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1912. Д. 130. Ч. 45. Л. 24.

¹⁷⁹ Там же. ДП ОО. 1907. Д. 219. Л. 45.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.

¹⁸² Вестник Союза русского народа. 1912. № 104.

¹⁸³ Русское знамя. 1907. 27 июля.

¹⁸⁴ Там же. 1908. 9 июля.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV Л. 133.

¹⁸⁷ Из отчета о перлюстрации Департамента полиции за 1908 г. // Красный архив. Т. 2(28). М.—Л., 1928. Л. 147.

¹⁸⁸ Русское знамя. 1908. 9 июля.

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 50.

¹⁹⁰ Колокол. 1909. 30 сентября.

¹⁹¹ См. Сборник программ политических партий в России. Под ред. В. В. Водовозова. Вып. VI. СПб., 1906.

¹⁹² Репников А. В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999. С. 141.

¹⁹³ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.

¹⁹⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 8913 и 13315).

¹⁹⁵ Там же. Кор. 46/2. № 381/33.

¹⁹⁶ Колокол. 1908. № 642. Приложение.

¹⁹⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675—676.

¹⁹⁸ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.

¹⁹⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

²⁰⁰ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 121.

²⁰¹ Русское знамя. 1910. 2 июня.

²⁰² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № Ц58654.

²⁰³ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.

²⁰⁴ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.

²⁰⁵ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сент.—4 окт. 1909. М., 1910. С. 128—188.

²⁰⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 29—46.

²⁰⁷ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. Постановления и краткий отчет, печатано по постановлению Совета Съездов. М., 1915. Л. 28—40.

²⁰⁸ Труды Всероссийского монархического совещания в г. Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916. Л. 31—39.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 23—30.

²¹¹ Русское знамя. 1907. 10 июня.

²¹² Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.

²¹³ Там же. С. 31.

²¹⁴ Русский народный союз им. Архангела Михаила. Программа и устав. СПб., 1909 (Приложение к «Колоколу» 1908. № 692).

²¹⁵ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.

²¹⁶ ГОПБ. ОКР. Кор. 46/2. № 381/33.

²¹⁷ Вестник Русского собрания. 1906. 1 декабря.

²¹⁸ Русское знамя. 1911. 27 мая.

²¹⁹ Там же. 1907. 25 ноября.

²²⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (инв. № 59262ЦХ).

²²¹ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1907. Д. 217. Л. 76.

²²² Русское знамя. 1907. 27 июля.

²²³ Там же. 21 августа.

²²⁴ Вестник Русского собрания. 1906. 29 сентября.

²²⁵ Русское знамя. 1907. 15 мая.

²²⁶ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 26.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 118.

²²⁹ Там же. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.

²³⁰ Русское знамя. 1907. 31 января.

- ²³¹ Союз русского народа. М.—Л., 1929. С. 97.
- ²³² ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 2.
- ²³³ Там же. ОО. 1911. Д. 244. Л. 26.
- ²³⁴ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ²³⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27.
- ²³⁶ Русское знамя. 1908. 9 июля.
- ²³⁷ ГАРФ. Ф. 116. Оп.2. Д. 1. Л. 698.
- ²³⁸ Там же. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269.
- ²³⁹ Русское знамя. 1913. 25 сентября.
- ²⁴⁰ Там же.
- ²⁴¹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 26—29.
- ²⁴² Там же. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 2.
- ²⁴³ Русское знамя. 1907. 21 июня.
- ²⁴⁴ Там же.
- ²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 27.
- ²⁴⁶ Там же. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 55.
- ²⁴⁷ Русское знамя. 1907. 20 января.
- ²⁴⁸ Там же. 1908. 17 июля.
- ²⁴⁹ Там же. 1913. 25 сентября.
- ²⁵⁰ Там же. 25 ноября.
- ²⁵¹ Там же.
- ²⁵² Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. 1911—1917. М., 2001. С. 306—310.
- ²⁵³ Русское знамя. 1907. 7 октября.
- ²⁵⁴ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1160, 28.
- ²⁵⁵ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ²⁵⁶ Русское знамя. 1907. 20 мая.
- ²⁵⁷ Там же. 28 февраля.
- ²⁵⁸ Там же. 17 мая.
- ²⁵⁹ Там же.
- ²⁶⁰ Там же. 1911. 3 мая.
- ²⁶¹ Там же.
- ²⁶² Там же.

- ²⁶³ Там же.
- ²⁶⁴ Там же.
- ²⁶⁵ Там же. 1907. 28 апреля.
- ²⁶⁶ Там же.
- ²⁶⁷ Там же. 1911. 26 мая.
- ²⁶⁸ Там же. 1908. 17 июля.
- ²⁶⁹ Там же. 24 июля.
- ²⁷⁰ Там же. 1913. 25 сентября.
- ²⁷¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ²⁷² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 101.
- ²⁷³ Там же. Ф. 102. Оп. 1911. Д. 244. Л. 27.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ Там же.
- ²⁷⁶ Там же.
- ²⁷⁷ Русское знамя. 1913. 25 сентября.
- ²⁷⁸ Там же. 1907. 28 апреля.
- ²⁷⁹ Там же.
- ²⁸⁰ Там же.
- ²⁸¹ Там же. 1911. 26 мая.
- ²⁸² Там же. 1907. 20 января.
- ²⁸³ Там же.
- ²⁸⁴ Там же. 28 апреля.
- ²⁸⁵ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ²⁸⁶ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1160/28.
- ²⁸⁷ Русское знамя. 1907. 28 апреля.
- ²⁸⁸ Там же. 1908. 24 июля.
- ²⁸⁹ Прямой путь. 1912. Вып. V (май).
- ²⁹⁰ Русское знамя. 1908. 9 июля.
- ²⁹¹ Там же. 1907. 28 апреля.
- ²⁹² Там же. 28 февраля.
- ²⁹³ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ²⁹⁴ Русское знамя. 1913. 25 сентября.
- ²⁹⁵ Там же. 1908. 9 июля.
- ²⁹⁶ Там же. 1907. 28 февраля.

²⁹⁷ Там же. 1911. 26 мая.

²⁹⁸ Там же. 1907. 27 июля.

²⁹⁹ Там же. 1911. 4 февраля.

³⁰⁰ Там же. 1913. 25 сентября.

³⁰¹ Там же. 1911. 26 мая.

³⁰² Там же. 1907. 21 июня.

³⁰³ Там же. 28 февраля.

³⁰⁴ Там же. 1913. 5 мая.

³⁰⁵ Там же. 1911. 26 мая.

³⁰⁶ Там же. 1913. 5 мая.

³⁰⁷ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. Л. 36—40.

³⁰⁸ Русское знамя. 1913. 5 мая.

³⁰⁹ Там же. 1907. 6 февраля.

³¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Д. 172. Л. 55.

³¹¹ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 16—17.

³¹² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.

³¹³ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.

³¹⁴ Там же. Л. 678—678 об.

³¹⁵ Русское знамя. 1907. 22 февраля.

³¹⁶ Там же. 12 июля.

³¹⁷ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 981/33 (папка СРН. СПб).

³¹⁸ Программы политических партий России. Конец XIX—начало XX вв. М., 1995. С. 444—445.

³¹⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.

³²⁰ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

³²¹ ГОПБ. ОРК. Кор. № 46/2. № 981/33.

³²² ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 675.

³²³ Русское знамя. 1907. 14 февраля.

³²⁴ Там же. 1908. 24 июля; ГАРФ. Ф. 102. ОО. Оп. 265. 1916. Д. 610. Л. 100.

³²⁵ Прямой путь. 1912. Вып. V (май); Русское знамя. 1907. 29 июня.

- ³²⁶ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 68—85.
- ³²⁷ Сборник программ политических партий в России. СПб., 1906. С. 15; ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ³²⁸ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ³²⁹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 1100/28.
- ³³⁰ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ³³¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ³³² Там же. Л. 84.
- ³³³ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ³³⁴ Там же. 1911. 1 мая.
- ³³⁵ Там же. 27 апреля.
- ³³⁶ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 307.
- ³³⁷ Русское знамя. 1907. 10 июня.
- ³³⁸ Лебедев С. В. Слово и дело национальной России. С. 138.
- ³³⁹ Русское знамя. 1909. 30 мая.
- ³⁴⁰ Там же. 1907. 20 января.
- ³⁴¹ Там же.
- ³⁴² Там же. 17 мая.
- ³⁴³ Там же. 1908. 23 февраля.
- ³⁴⁴ Там же. 1912. 13 июля.
- ³⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.
- ³⁴⁶ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.
- ³⁴⁷ Там же. Ф. 588 (Б. В. Никольский). Оп. 1. Д. 1265. Л. 16—17.
- ³⁴⁸ Там же. Ф. 116. Оп. 1. Д. 37. Л. 7.
- ³⁴⁹ См.: ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 78.
- ³⁵⁰ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ³⁵¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ³⁵² ГОПБ. ОРК. Кор. 46/1. № 17/34.
- ³⁵³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269.
- ³⁵⁴ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 94—108.

- ³⁵⁵ Степанов С. А. Черная сотня. М. 2-е изд., доп. и перераб. 2005. Л.31—32.
- ³⁵⁶ Русское знамя. 1913. 5 мая.
- ³⁵⁷ Труды Всероссийского монархического совещания в г.Нижнем Новгороде уполномоченных правых организаций с 26 по 29 ноября 1915 г. Л. 31—39.
- ³⁵⁸ Совещание монархистов 21—23 ноября 1915 года в Петрограде. Л. 28—40.
- ³⁵⁹ Русское знамя. 1911. 7 мая.
- ³⁶⁰ Там же. 1 мая.
- ³⁶¹ Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных Законов. СПб., 1906.
- ³⁶² Русское знамя. 1907. 20 мая.
- ³⁶³ Там же. 11 октября.
- ³⁶⁴ Там же. 1911. 1 мая.
- ³⁶⁵ Там же. 7 мая.
- ³⁶⁶ Там же. 1907. 11 октября.
- ³⁶⁷ Там же. 28 февраля.
- ³⁶⁸ Там же. 11 октября.
- ³⁶⁹ Там же. 28 февраля.
- ³⁷⁰ Там же. 11 октября.
- ³⁷¹ Там же.
- ³⁷² Там же. 28 февраля.
- ³⁷³ Вестник Русского собрания. 1906. 26 мая.
- ³⁷⁴ Русское знамя. 1907. 29 июня.
- ³⁷⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ³⁷⁶ Там же. Ф.102. ДП ОО. 1907. Д. 217. Л. 76.
- ³⁷⁷ Там же. 1906. II отд. Д. 833. Л. 31.
- ³⁷⁸ Вестник Русского собрания. 1906. 29 сентября.
- ³⁷⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп.2. Д.1. Л. 666.
- ³⁸⁰ Там же. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д.110. Л.121.
- ³⁸¹ Постановления Всероссийского съезда Союза русского народа и примыкающих к нему монархических ор-

ганизаций. 21 ноября—1 декабря 1911 в г. Москве. СПб., 1912. С. 1—29.

³⁸² Прямой путь. 1913. Вып. III (март).

³⁸³ Русское знамя. 1907. 17 мая.

³⁸⁴ Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М., 2001. С. 217—263.

³⁸⁵ Земшина. 1911. 26 апреля.

³⁸⁶ Степанов С. А. Черная сотня. С. 31.

³⁸⁷ Русское знамя. 1907. 6 февраля.

³⁸⁸ Там же. 27 июля.

³⁸⁹ Сборник съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября. 1909. М., 1910. С.128—188.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

³⁹² Там же.

³⁹³ Сборник Съезда русских людей в Москве. 24 сентября—4 октября. 1909. М., 1910.

³⁹⁴ Русское знамя. 1907. 6 апреля.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Прямой путь. 1912. Вып. II (февраль).

³⁹⁷ Третий Всероссийский съезд русских людей в Киеве. Киев, 1906. С. 114—141.

³⁹⁸ Там же.

³⁹⁹ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

⁴⁰⁰ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/3. № 981/33 (№ 13315).

⁴⁰¹ ГАРФ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 6.

⁴⁰² Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.

⁴⁰³ ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. 1905. Д. 999. Ч. 39. Т. IV. Л. 133.

⁴⁰⁴ Русское знамя. 1907. 20 января.

⁴⁰⁵ ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.

⁴⁰⁶ Там же. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.

- ⁴⁰⁷ Свод Законов Российской Империи. Том первый. Часть I. Свод Основных Государственных Законов. СПб., 1906.
- ⁴⁰⁸ Вестник Русского собрания. 1906. 3 марта.
- ⁴⁰⁹ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.
- ⁴¹⁰ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.
- ⁴¹¹ Вестник Русского собрания. 1906. 17 февраля.
- ⁴¹² ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.
- ⁴¹³ Там же. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.
- ⁴¹⁴ Там же. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.
- ⁴¹⁵ Там же. 1911. Д. 244. Л. 28.
- ⁴¹⁶ Там же. Ф. 116. Оп. 2. Д. 1. Л. 678.
- ⁴¹⁷ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Д. 1265. Л. 16—17.
- ⁴¹⁸ Там же.
- ⁴¹⁹ Деяния первых двух Всероссийских съездов русских людей. СПб., 1906. С. 10—21.
- ⁴²⁰ ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.
- ⁴²¹ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.
- ⁴²² Там же.
- ⁴²³ Там же. Л. 55.
- ⁴²⁴ Там же. ДП ОО. 1905. Д. 1350. Ч. 17. Лит. А. Л. 269—270.
- ⁴²⁵ Там же. 4 д-во. 1909. Оп. 1. Д. 172. Л. 123.
- ⁴²⁶ Там же.
- ⁴²⁷ Там же. ОО. 1911. Д. 244. Л. 28.
- ⁴²⁸ Русское знамя. 1907. 20 января.
- ⁴²⁹ Там же. 1908. 28 февраля.
- ⁴³⁰ Там же. 1907. 20 января.
- ⁴³¹ Там же. 21 июня.
- ⁴³² Государственная дума. 1906—1917. Стенографические отчеты. Т. IV. М., 1995. С. 38—40.
- ⁴³³ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 309.
- ⁴³⁴ ГАРФ. Ф. 102. 4 д-во. 1915. Д. 110. Л. 28.

⁴³⁵ Русское знамя. 1911. 26 февраля.

⁴³⁶ Там же.

⁴³⁷ Там же.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ Там же.

⁴⁴¹ Там же.

⁴⁴² Там же. 1908. 17 июля.

⁴⁴³ Там же. 1907. 10 июня.

⁴⁴⁴ Там же. 1911. 26 мая.

⁴⁴⁵ Там же. 1908. 17 июля.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ ГАРФ. Ф.116. Оп. 2. Д. 1. Л. 677.

⁴⁴⁸ Русское знамя. 1907. 12 июля.

⁴⁴⁹ Там же. 20 января.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ ГОПБ. ОРК. Кор. 46/2. № 381/33.

⁴⁵² Русское знамя. 1907. 29 июня.

⁴⁵³ Там же. 28 апреля.

⁴⁵⁴ Там же. 20 января.

⁴⁵⁵ Кирьянов Ю. И. Правые партии в России. С. 298—
301.